

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 7 (277)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 7 (277). – 172 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>A. Брега, И. Копылов.</i> Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на суверенитет государства	5
<i>Д. Мухетдинов.</i> Российское мусульманство: Призыв к осмыслинию и контекстуализации. (Окончание).....	14

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>М. Яхъяев.</i> Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе	27
<i>Ю. Кудряшова.</i> Особенности формирования политической системы в Республике Казахстан (конец ХХ – начало ХХI в.).....	34
<i>Б. Балджи.</i> Джама'ат ат-Таблиг и возрождение религиозных связей Центральной Азии с Индийским субконтинентом	45

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>В. Иваненко.</i> Афганский узел.....	66
<i>У. Шарипов.</i> Сирийская трагедия – начало второго десятилетия ХХI в.	83
<i>О. Бибикова.</i> Мусульмане Греции	103

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>K. Гаджиев.</i> Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей.....	141
<i>A. Rodríguez.</i> Судьба морисков. (Рецензия на книгу).....	155

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Брега,

доктор политических наук, доцент,
профессор (Финансовый университет
при Правительстве РФ),
ведущий научный сотрудник (ИС РАН)

И. Копылов,

кандидат политических наук, доцент (ВУ МО РФ)
**ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ И ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА
НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА**

Суверенитет является фундаментальным атрибутом государства. Прочность суверенитета в определенной степени зависит от того, какое место в системе приоритетов элиты этого государства занимают национальные интересы. Укреплению государственного суверенитета способствует такое положение дел, при котором элита прочно укоренена в данном государстве и ассоциирует себя исключительно с ним, заинтересована в его процветании и укреплении моци. Для такой элиты суверенитет является слишком ценным ресурсом, чтобы его можно было обменивать на что-то другое.

Однако нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время укорененность элит в национально-государственную почву достаточно сомнительна. Развитие событий в мире свидетельствует о том, что, по крайней мере для значительной части современных политических элит, движение в сторону транснационализации и образования международного, а по сути – глобального элитного круга, становится более привлекательным, чем сохранение в неприкосновенности суверенитета своих государств. При этом склонные к транснационализации элитные круги демонстрируют гораздо более высокий уровень сплоченности, решимости и стра-

тегического мышления, чем элиты, сохраняющие национально-государственную укорененность.

Вот как описывает эти силы З. Бжезинский: «Сопутствующий, но более распространенный феномен – появление ярко выраженной глобальной элиты, с глобалистскими взглядами и транснациональной лояльностью. Представители этой элиты свободно говорят по-английски (обычно в американском варианте) и пользуются этим языком для ведения дел; эта новая глобальная элита характеризуется высокой мобильностью, космополитическим образом жизни; ее основная привязанность – место работы, обычно это какой-либо транснациональный бизнес или финансовая корпорация. Ежегодные встречи Всемирного экономического форума стали, по существу, партийными съездами новой глобальной элиты: ведущие политики, финансовые магнаты, крупные коммерсанты, владельцы СМИ, известные ученые и даже рок-звезды. Эта элита все более явно демонстрирует понимание своих собственных интересов, дух товарищества и самосознание» [Бжезинский 2010: 162].

Аналогичным образом описывает современную элиту и журналист медиакорпорации *Thomson Reuters* Кристиа Фриланд: «Современные богачи также отличаются и от богачей прошлого. Наша глобальная экономика с ее стремительно меняющейся обстановкой привела к появлению новой суперэлиты, которая состоит в значительной степени из богачей первого и второго поколения. Ее члены – это трудолюбивые, высокообразованные мери-тократы, ведущие роскошный образ жизни... становятся трансглобальным сообществом избранных, имеющих больше общего между собой, чем с соотечественниками в своих странах. Вне зависимости от того, находятся ли их основные резиденции в Нью-Йорке или Гонконге, Москве или Мумбаи, современные сверхбогачи всё больше становятся отдельной нацией» [Freeland 2012: 4–5].

Обладая высокой мобильностью, космополитическим образом жизни, высокими доходами и развитым классовым самосознанием, международная элита в наибольшей степени подготовлена к разрыву со своими государствами и переходу к глобальному управлению. Ресурсы, находящиеся в руках у этих людей, предоставляют им практически неограниченные возможности для проведения своей политики и последовательного устранения препятствий, возникающих у них на пути. Интересы этого нарождающегося на наших глазах класса уже в значительно меньшей степени связаны

с государственным суверенитетом, а их готовность действовать, не считаясь с налагаемыми на них ограничениями, гораздо выше, чем у предыдущих поколений элит.

Процесс транснационализации политической элиты исторически начался давно. Так, по мере развития системы международных отношений и укрепления торговых и иных связей между государствами наряду с войной укрепляются и мирные формы взаимодействия государств, которые стали приобретать все большее значение во внешней политике. Распространенными формами стали обмен посольствами на постоянной основе, династические браки и иные формы построения дружественных отношений.

Транснационализация элиты не означала исключения войны из арсенала инструментов достижения политических целей государств. Более того, эта транснационализация не означала также прекращения элитных конфликтов как международных, так и внутренних. Однако она обозначила тенденцию к размыванию политической субъектности государств. Дело в том, что при выработке внутренней и внешней политики государства специфические интересы его правящей элиты всегда накладывались на объективные геополитические интересы страны и населяющего ее народа.

Новизна же ситуации заключалась в том, что теперь это были специфические интересы транснационализирующейся элиты и ее местного сегмента, и эти интересы уже вполне могли увести государство далеко от того, что диктовалось ему объективными факторами. Если изначально противопоставление происходило по линии государственных границ, то впоследствии транснационализирующаяся элита, обретая черты наднационального субъекта, стала противопоставлять себя народным массам вне зависимости от страны их проживания, и это противопоставление стало доминирующим.

Здесь следует отметить, что процессы транснационализации элиты проходили далеко не равномерно в разных регионах мира. При этом наибольшее развитие эти процессы получили в недрах западной цивилизации – как в силу длительных родственных связей европейской аристократии, так и в силу объективных причин, связанных с развитием капитализма. Именно на Западе транснационализирующаяся элита в процессе собственного развития смогла обрести высокую внутреннюю связность, что дало возможность говорить о движении к надгосударственному управлению.

Говоря о глобальной элите, не следует рассматривать ее как элиту исключительно политическую, поскольку процессы транс-

национализации в гораздо большей степени охватили деловую элиту, прежде всего представителей таких отраслей, как финансы, телекоммуникации, энергетика и ряд других. Транснационализацией также охвачены интеллектуальная и культурная элиты, элиты спецслужб и организованной преступности, а также ряд других функциональных сегментов. Особое внимание к транснационализации именно политической элиты обусловлено тем, что именно развертывание событий в этом сегменте позволяет лучше понять влияние этого процесса на государственный суверенитет.

Остановимся на структуре глобальной элиты и особенностях принятия ею тех или иных политических решений. Эта структура сочетает в себе элементы как иерархии, так и сети. Доминирующим контуром управления глобальной элиты является идеологический, а ее организационный контур развит гораздо слабее. Так, известный философ Александр Зиновьев характеризует глобальную элиту следующим образом: «Существует не мировое правительство, наподобие правительств отдельных стран, а мировое сверхобщество. В него уже входят от 50 до 80 млн человек, десятки тысяч мировых экономических империй, некоммерческих предприятий, СМИ и т.д. У него своя структура, своя пирамида, своя иерархия. Вот оно и управляет планетой. США суть метрополия этого сверхобщества. Оно имеет представителей по всему свету. Одной Россией занимаются многие тысячи экспертов. На самом верху есть, конечно, небольшой круг лично знакомых людей, определяющих общую стратегию. Это не значит, что они где-то постоянно заседают и думают. Они вообще могут не заседать и не думать. Их средства управления – детально разработанная и апробированная система манипулирования массами, народами, правительствами» [Зиновьев 2000: 4].

Сам факт экономической и социальной успешности глобальной политической элиты в условиях исключительно острой конкуренции способствует формированию у нее самосознания, в основе которого лежит представление о собственной избранности и особом предназначении в мире.

В то же время характерной чертой глобальной элиты является ее слабое институциональное развитие, т.е. отсутствие в ее составе структур, которые можно было бы приблизительно уподобить чему-то вроде «мирового правительства». В реальности глобальной элитой создано несколько десятков политических институтов, основную массу которых составляют неправительственные, некоммерческие организации. Наиболее известными, глав-

ным образом благодаря своей популярности в конспирологической литературе, помимо Совета по международным отношениям США и Четхем-хауса, являются Бильдербергский клуб, Римский клуб, Трехсторонняя комиссия и целый ряд других. Однако ни одно из них не может претендовать на роль мирового правительства, хотя соблазн представить их в качестве такового возникает регулярно.

Все эти и многие другие организации, перечислять которые здесь нет никакой необходимости, выполняют две основные функции.

Во-первых, они являются коммуникационными площадками для ядра глобальной элиты, на которых происходит формирование повестки дня, согласование позиций различных элитных групп, а также принятие решения, но не в смысле подписания тех или иных директив, а в смысле формирования и наращивания элитного консенсуса по обсуждаемым вопросам. Соответствующие дискуссии имеют место на разных площадках, при самых разных форматах участников, и при этом нельзя сказать, что какая-то одна из них имеет абсолютный приоритет перед другими.

Во-вторых, функцией многих политических институтов глобальной элиты является идеологическое, теоретическое и аналитическое обеспечение ее деятельности. Учитывая масштаб деятельности глобальной элиты, сложность, многоаспектность и противоречивость входящей информации, к аналитической составляющей этой деятельности предъявляются особенно высокие требования. Кроме того, слабость организационного управляющего контура глобальной элиты означает возложение дополнительной нагрузки на идеологический контур и сохранение внутренней связности элиты в первую очередь за счет идеологических ресурсов. Слабость институционального развития глобальной элиты определяет для нее приоритетность идеологического направления деятельности; соответственно, глобальная элита уделяет большое внимание поддержке научных исследований по приоритетной для себя тематике, выявлению нестандартных мнений, разработке моделей будущего. С этой целью политическими институтами глобальной элиты создана разветвленная система распределения грантов, с помощью которой они привлекают к решению своих аналитических и теоретических задач исследователей всего мира.

Как пишет председатель общества «Инициатива развития французской экспертизы в мире и Европе» Н. Тенцер, «влияние распространяется на различные коллегиальные органы и одновре-

менно на экспертные группы, состоящие при международных организациях. Оно передается через научные центры, продукцию которых впитывают ведущие представители общественной мысли, и через международные конференции, зачастую носящие формальный характер и ничего не решающие, но вместе с тем вырабатывающие идеи, с которыми трудно не согласиться официально. Не будем забывать и о мировых СМИ, вносящих вклад в формирование “доктрины” правительств: поскольку все их читают, они представляют собой мощные структуры (иногда идеологические) распространения идей» [Тенцер 2013: 3].

Анализ соотношения идеологического и организационного начал глобальной элиты показывает ее слабую институционализацию, которая является не следствием ее недостаточной зрелости, а результатом ее сознательной политики. Иными словами, в настоящее время глобальная элита сама сдерживает собственную институционализацию и ограничивается слабоструктурированными коммуникациями в клубном формате, не пытаясь выстраивать иерархические структуры. Самостоятельное сдерживание собственной институционализации является ее уникальной чертой и свидетельствует об исключительно высоком управленческом потенциале ее идеологического контура.

Столь необычное поведение глобальной элиты, ограничивающей собственную институционализацию, в любом случае требует ответа на вопрос о его причинах. Отсутствие достоверной фактической или документарной информации на этот счет опять заставляет ступить на зыбкую почву предположений. Тем не менее рискнем выдвинуть на этот счет гипотезу, которая заключается в том, что сознательный отказ глобальной элиты от наращивания институционального качества имеет своей целью вывести себя из-под наблюдения общественности, максимально затруднить познание себя внешними исследователями и вообще скрыть от общественного мнения сам факт элитной транснационализации.

Транснационализация политической элиты не означает автоматического отмирания государственного суверенитета, так как десубъектизация политического института еще не означает его окончательное исчезновение. Тем не менее этот процесс свидетельствует о том, что лояльность глобальной элиты суверенным государствам возрастает в тех случаях, когда государства готовы предоставлять элите уступки в виде налоговых льгот, либерализации трудового законодательства, снижения экологических стандартов, строительства элитной инфраструктуры и других мер, при-

званных облегчить представителям глобальной элиты проживание и ведение бизнеса в этих государствах. Оперируя финансовыми, интеллектуальными, информационными и иными ресурсами, значительно превосходящими по своему объему ресурсы, находящиеся в распоряжении большинства государств, глобальная элита оказывается в привилегированном положении при ведении с ними диалога.

Отметим основные современные тенденции транснационализации политической элиты.

Во-первых, несмотря на то что интересы глобальной элиты все больше расходятся с интересами суверенных государств и их народов, представители этой элиты обладают прочными позициями, а зачастую и самой государственной властью во многих странах и вследствие этого имеют все возможности для выработки такой государственной политики, которая будет обслуживать интересы глобальной элиты. Более того, некоторые страны сознательно делают ставку в своем развитии на превращение своих территорий в места, привлекательные для проживания, инвестирования, обучения, отдыха и иных видов деятельности представителей элитных кругов со всего мира. В качестве примеров можно выделить такие государства, как Великобритания, Швейцария, ОАЭ, Сингапур, Монако, а также Гонконг, являющийся специальным административным районом КНР, самостоятельно решающим все вопросы, кроме обороны и внешней политики.

Особое место среди суверенных государств современного мира по своему значению для глобальной элиты занимают Соединенные Штаты Америки. Учитывая тот факт, что США представляют собой самую могущественную державу мира, прежде всего в технологическом и военном отношении, но не только, а космополитический сегмент американской элиты является ядром глобальной элиты, Америка объективно является основным форпостом этой глобальной элиты и ее главным связующим звеном с миром суверенных государств и их объединений. Американские стандарты прав человека признаются глобальной элитой универсальными и в этом качестве пропагандируются в качестве обязательных в глобальном масштабе, тем самым облегчая для нее вмешательство в дела суверенных государств при возникновении такой необходимости. США являются единственной страной, суды которой принимают к рассмотрению уголовные дела о преступлениях, совершенных иностранцами против иностранцев за пределами территории США, что позволяет им произвольно преследовать

вать политических противников тех или иных представителей глобальной элиты из разных стран [Leval 2013: 16]. Наконец, именно американские вооруженные силы используются всякий раз, когда интересы глобальной элиты в том или ином регионе мира оказываются под угрозой.

При этом, однако, было бы преувеличением говорить, что глобальная элита полностью отождествляет свои интересы с национальными интересами США, или что ее неамериканские представители являются американскими марионетками. На самом деле глобальная элита обладает собственным системным качеством и своими интересами, хотя и в существенной степени совпадающими с американскими, но не сводимыми к ним. Она в точно такой же, если не в большей степени, стремится к встраиванию США в фарватер своей политики, как и к встраиванию туда других стран.

Во-вторых, глобальная элита обладает таким мощным средством давления на суверенные государства, как угроза репатриации капиталов. Эта угроза регулярно озвучивается ее представителями каждый раз, когда то или иное государство принимает решение об усилении государственного регулирования экономики, дополнительном налогообложении высоких доходов или уголовном преследовании кого-то из членов этой элиты. Любые действия государства, которые элита рассматривает как ущемляющие свои корпоративные интересы, интерпретируются в подконтрольном ей информационном пространстве как направленные на ухудшение инвестиционного климата, в результате которого инвестиции в страну могут прекратиться.

Учитывая тот факт, что многие государства в настоящее время уже достаточно прочно интегрированы в глобальную экономику, в частности в ее финансовую систему с ее валютными и фондовыми рынками, одномоментный вывод из страны крупных сумм денег способен обрушить национальные фондовые индексы и, как следствие, спровоцировать финансовый кризис, перетекающий в общеэкономический. Ради предотвращения такого развития событий государства очень часто готовы идти на серьезные уступки международным финансовым корпорациям и банкам. И хотя это и не подрывает государственный суверенитет как международно-правовой принцип, тем не менее уязвимость государств по отношению к действиям транснациональных элитных групп демонстрирует определенную слабость данной политико-правовой конструкции.

В-третьих, глобальная элита также обладает и достаточно обширными возможностями для организации смены политической власти в стране, с которой ее интересы расходятся кардинальным образом и которая при этом не демонстрирует готовность идти на уступки. При этом в каждой стране она может рассчитывать на поддержку таких своих действий со стороны небольшого по численности, но сплоченного и обладающего крупными ресурсами космополитического сегмента населения, тесно связанного с Западом. Опираясь на этот сегмент, глобальная элита может активно вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, оказывая давление на его руководство.

Сам арсенал способов смены режима является достаточно широким и включает в себя такие методы, как «бархатная революция», т.е. свержение действующей власти мягкими, ненасильственными методами, например уличными протестами; организация вооруженного мятежа или гражданской войны с оказанием всесторонней помощи мятежникам; иностранная военная интервенция.

По нашему мнению, на определенном этапе углубление и развитие процесса транснационализации политической элиты должно будет привести к формированию глобального политического субъекта, каковым пока глобальная элита еще не является. В настоящее времяrudименты национальной принадлежности еще препятствуют формированию такого субъекта. Какая бы степень оторванности от своих государств и народов ни характеризовала космополитические сегменты национальных элит, наличие хотя бы формальных механизмов демократического представительства заставляет их в определенной степени учитывать в своей политике интересы большинства, сдерживать наращивание своего организационного контура и проводить свою политику, прикрываясь политическими формами суверенных государств.

Следует также отметить, что формирование глобального политического субъекта вовсе не является безальтернативным путем развития человечества. Учитывая тот факт, что нынешняя глобальная элита представляет интересы лишь абсолютного меньшинства человечества, практически открыто противопоставляющего себя всем остальным, создаваемая ею система является крайне неустойчивой, и удержание ее в функциональном состоянии возможно только в условиях абсолютной консолидации мирового меньшинства и абсолютной разобщенности мирового большинства. Однако даже в разобщенном состоянии указанное большинство будет оставаться благодатной почвой для формиро-

вания той или иной глобальной альтернативы. Выдвинув альтернативный политический проект и создав субъект, который начнет его реализовывать, человечество имеет все шансы изменить вектор своего исторического развития.

Литература

1. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2010. – 264 с.
2. Зиновьев А.А. Интервью журналу «Российская Федерация сегодня», 2000. № 18 (цит. по: Закулиса. – Завтра. – 2000. – № 48 (365). – 28 нояб. – С. 4).
3. Тенцер Н. 2013. Влияние в мире глобализации. Что может сделать Франция.
4. Россия в глобальной политике. № 3 (спецвыпуск). Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vliyanie-v-mire-globalizatsii-16009> (Проверено 01.10.2014.)
5. Freeland C. Plutocrats: The Rise of the New Global Super-Rich and the Fall of Everyone Else. – Penguin Press, 2012. – 336 р.
6. Leval P.N. The Long Arm of International Law: Giving Victims of Human Rights Abuses Their Day in Court. – Foreign Affairs, 2013. – March/April.

«Власть»,
M., 2014 г., № 11, с. 77–83.

Д. Мухетдинов,
кандидат политических наук,
первый заместитель председателя
Духовного управления мусульман
Российской Федерации, член Комиссии
по совершенствованию законодательства
и правоприменительной практики Совета
по взаимодействию с религиозными объединениями
при Президенте Российской Федерации
**РОССИЙСКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО:
ПРИЗЫВ К ОСМЫСЛЕНИЮ
И КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ
(Окончание)**

6. Вызовы для российского мусульманства

Для российского мусульманства как социальной реальности имеются несколько глобальных вызовов: радикализация (под влиянием geopolитических конкурентов), исламофobia, попытки задавить Ислам силовыми методами, проблема интеграции имми-

грантов. Все эти вызовы коренятся в определенных идеологиях. Поскольку об этом написано много литературы, я не буду останавливаться сейчас на них. Обращусь лучше к другому важному вызову – так называемым «европейским ценностям».

К сожалению, обсуждение данной темы часто наталкивается на стену непонимания. Либералы склонны считать, что распространенная критика «загнивающей Европы» – это не более чем пропагандистский ход. Я, напротив, считаю, что пропаганда поверхностна и она не учитывает более глубинную основу, стоящую за гей-парадами и геймэрриджами. Европейский вызов затрагивает не только российское мусульманство, но и другие мировые религии. Здесь не место подробно обсуждать тонкости европейских социально-философских позиций, так что всю совокупность современных европейских учений, отрицающих религиозность и связанные с нею принципы социального устройства, я именую *ультралиберализмом*. Нынешний ультралиберализм является наследником классического либерализма, поставившего в основу общественной жизни индивидуального хозяйствующего субъекта. Либерализм, в свою очередь, опирался на гуманистические учения эпохи Возрождения, сочетавшие в себе как христианские нормы, так и герметические, каббалистические элементы, а также на протестантскую этику. С точки зрения морали, классические либералы (Д. Локк, Д. Юм, И. Кант, Дж. Милль и др.) были порядочными людьми или, во всяком случае, призывали к порядочному образу жизни, в том числе в общественной сфере. Уже классический либерализм способствовал ограничению деятельности Церкви, а очень часто – прямо критически относился к ней. Суть эпохи Просвещения заключалась в отведении культовой практики и духовности на периферию. Один из парадоксов либерализма состоял в следующем: борьба за права и свободы предполагала борьбу против Церкви и духовности; скажем, права и свободы женщин, чернокожего населения или угнетенных народов на первых порах мало кого интересовали.

В результате долгой эволюции классический либерализм трансформировался в *ультралиберализм*. Процесс трансформации, протекавший в конце XIX – XX в., происходил под влиянием многих новоевропейских философских течений. Как хорошо показано Дж.П. Бьюкененом¹, большую роль в этой трансформации сыграли две Мировые войны, Холокост и так называемая «Франкфуртская

¹ См. убедительный разбор [Бьюкенен 2003: 107–137].

школа», куда входили М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромм и др. Представители Франкфуртской школы развили до логического конца тезис классического либерализма (и вообще всего новоевропейского мышления) о том, что главным достоинством человека является его свобода. Считалось, что границы этой свободы заканчиваются там, где начинается свобода другого, и эти границы регулируются законодательством. Но поскольку общество может меняться, эволюционировать, «прогрессировать», в том числе в своих воззрениях, то меняется и законодательство, расширяются и границы дозволенного. Чем дальше от центра общества отводятся такие сдерживающие факторы, как религия и мораль, тем сильнее расширяются границы дозволенного. Франкфуртцы использовали эту логику в борьбе с остатками классических христианских устоев западной цивилизации, которые, по их мнению, мешают построению полностью эмансионированного «социалистического» общества. Их влияние на интеллигенцию в США и Европе (так называемые «новые левые») было просто огромным. Именно в этом лоне развивались такие течения, как анархизм, сексуальная революция, феминизм, борьба за права сексуальных меньшинств, ЛГБТ-философия и пр. Важно понимать: то, что мы наблюдаем в документах современных европейских партий, и даже в программных документах Евросоюза, – это не чья-то злая шутка над религиозностью, но результат многолетней идеологической борьбы, ключевую роль в которой сыграли сторонники «культурного марксизма» Франкфуртской школы и их последователи, особенно французские мыслители «левого» толка и постмодернисты¹.

Современные «европейские ценности» интегрируют компоненты разных идеологических моделей, развивавшихся начиная с XVI в. Они включают в себя:

– гуманистический индивидуализм и антропоцентризм, который сформировался под влиянием античного наследия и проповедовался как антитеза средневековому коллективизму;

– ориентацию на посюсторонний мир – вначале она мыслилась в религиозном ключе, но затем постутороннее измерение было просто отсечено за ненадобностью (в этом, например, смысл утверждения Лапласа о том, что он не нуждается в Боге, поскольку Бог – всего лишь гипотеза);

¹ Историю вопроса см. также в монографии: [Дугин 2009: 548–562].

– проповедь стяжательства и обогащения, большую роль в развитии которой сыграла протестантская этика;

– маргинализацию религиозности и духовности – религия критикуется и объявляется личным делом каждого, фактически это означает разрастание сферы светского и сужение сферы религиозного (поскольку подобные утверждения поддерживаются массовой пропагандой).

К этим общим компонентам в XX в. под влиянием новых философских течений добавляются:

– проблематизация гендерной идентичности – вводится категория «гендера», которая отлична от физиологического «пола», человек может быть физически мужчиной, но в социальном плане – «женщиной» или «полумужчиной», «андрогином» и пр., короче говоря, эмансипируется половая идентичность, которая теперь легко конструируется по собственному усмотрению;

– разрушение традиционных половых отношений – проблематизация гендера ведет к проблематизации половых отношений, в результате то, что раньше считалось ненормальным (например, однополые отношения), становится нормой;

– разрушение традиционной семьи – в ряде европейских стран семья – и концептуально, и юридически – это уже не союз мужчины и женщины, а союз «родителя 1» и «родителя 2»; стоит отметить, что общая логика сейчас направлена на разрушение института семьи как такового, подобные проекты уже открыто пропагандируются многими феминистками;

– диктатура меньшинств – поскольку «меньшинство» априори мыслится как подвергающееся ущемлению, то защита меньшинств, особенно сексуальных, приобретает большую важность, чем защита большинства населения;

– исламофobia и антирелигиозность – парадокс в том, что логика защиты меньшинств не распространяется на мусульманские меньшинства, а идея прав человека – на религиозных людей, которым даже запрещается демонстрировать свои религиозные предпочтения публично.

Я лишь тезисно обрисовал компоненты современной европейской идеологии. Начиная с XVIII в., Россия активно вовлекается в европейское идеологическое пространство, и дальнейшая история России – это борьба западнических и почвеннических тенденций. Сейчас можно констатировать: на всех уровнях Россия переняла те компоненты либеральных и марксистских теорий, которые были развиты в Европе до начала XX в. Советский период

оказался в каком-то смысле «консервирующим» этапом, и ультралиберальные модели в Россию не проникли. Следствием этого является отсутствие гей-парадов в центре Москвы и массовое признание адекватности «традиционных ценностей», особенно в области гендерных отношений. По европейским меркам мы – консервативная («отсталая», «недостаточно демократичная») страна. Наша политическая элита смотрит на вещи реалистично: даже если бы в умах политтехнологов возникло желание «европеизировать» сознание современного россиянина, привив ему ценности однополых браков и движения трансгендеров, то это натолкнулось бы на гораздо более серьезные выступления, чем во Франции. Стойте, правда, отметить, что в среде «передовой» московской интеллигенции европейские ценности уже вовсю завоевывают популярность. Отсюда столь массовая поддержка со стороны белоленточников того акта, что был произведен феминистками из Пусси Райт. Отсюда и популярность экстравагантных фигур вроде лесбиянки Маши Гессен, вполне открыто выражавшей общее мнение феминисток о сущности борьбы за однополые браки: «Борьба за однополые браки вообще-то подразумевает ложь относительно того, как мы поступим с браком, когда добьемся своего, – ведь мы лжем, будто институт брака не изменится, и это ложь. Институт брака будет меняться и должен меняться. Опять-таки, я не думаю, что он должен существовать... Я бы хотела жить при такой системе законов, которая способна отражать реальность, и я не думаю, что она совместима с институтом брака»¹.

Как и большинство граждан Российской Федерации, российские мусульмане живут в условиях консервативной идеологии европейского типа, сохраняющей также элементы местных традиционных культур. История показывает, что модернизация России неизменно предполагает проникновение евроатлантистских взглядов. Пропаганда ультралиберальных ценностей, ведущаяся через некоторые СМИ, в сочетании с углублением модернизации, – это настоящий вызов для российских мусульман. И российское мусульманство должно дать достойный ответ на этот вызов, внеся свой вклад в проповедь традиционных ценностей, которые предполагают отказ от себялюбия, отказ от стяжательства ради личных целей, альтруизм, ориентацию на духовный мир, человеколюбие,

¹ Источник: <http://illinoisfamily.org/homosexuality/homosexual-activist-admits-true-purpose-of-battle-is-to-destroy-marriage/>

сохранение традиционной семьи и традиционных гендерных отношений, многодетность, отказ от алкоголизма и наркомании и пр.

Важно еще раз подчеркнуть, что пропагандируемые ультралиберальные ценности не ограничиваются признанием прав сексуальных меньшинств. Внешне призыв к такому признанию звучит в чем-то человеколюбиво: действительно, зачем ущемлять человека по этому признаку, если он, возможно, и так страдает от своей нетрадиционной ориентации? Но логика ультралиберализма – логика эмансипации – неумолима. Если признаются такие права, то встает вопрос о публичных манифестациях, затем – о признании однополых браков. В результате «признание прав» доходит до «признания как нормы». Однополые отношения становятся нормой, а затем, как афористично заметил Путин, «проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство». Но даже это – только половина истории. ЛГБТ-философия, т.е. философия сексуальных меньшинств (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров), многопланова и многоаспектна, она включает в себя множество других измерений¹. Ключевая предпосылка, которая делает возможными данные спекуляции, – это конвенциональность гендера. Во всех религиях сказано, что Бог создал мужчину и женщину, тем самым утверждается незыблемость базовой гендерной идентичности (хотя в отдельных обществах степень эмансипации женщин может варьироваться). ЛГБТ-философы и феминистки говорят: половые признаки объективны, однако социальные роли чисто конвенциональны; кроме того, половые признаки всегда можно изменить хирургическим путем или вообще убрать. Следовательно, перед человеком открывается широкое поле для конструирования собственной идентичности. Захотел быть женщиной? Пожалуйста. Захотела быть мужчиной? Тоже пожалуйста. Захотел быть гермафродитом? И такая возможность имеется. Захотел убрать половые признаки? И это легко! Наша либеральная интеллигенция, защищающая «европейские ценности» и носящаяся с радужными флагами, понятия не имеет о том, на что она подписывается. Речь идет о глобальной гендерной трансформации общества, вплоть до стирания всех гендерных связей. Если трансгендеры хирургически меняют свой пол, то бигендеры меняют свою идентичность эмоционально и по несколько раз в день в зависимости от ситуации, гендеркивиры отри-

¹ Мы отсылаем читателя к обобщающим работам по теме [Жеребкина 2000, 2007; Брандт 2006].

цают бинарное понимание идентичности, агендеры отрицают наличие у себя идентичности, а постгендеры вообще ратуют за устранение пола с применением передовых научных технологий!

Постгендеризм является одним из направлений внутри трансгуманизма – философского движения, выступающего за углубленное использование достижений науки и технологии, вплоть до генной инженерии. Главной целью сторонники этого движения считают улучшение человека, однако это «улучшение», очевидно, вещь весьма субъективная. Многие ли согласятся с тем, что хирургическое устраниние половых признаков и социальное устраниние гендерной идентичности приведут к улучшению общества? Многие ли согласятся с тем, что компьютеризация мозга и сознания улучшат общество? Как показывает новоевропейская история, все технические новшества, делающиеся во благо, в то же время несут с собой неминуемое зло. Тотальная трансформация человека и общества, на которой настаивают трансгуманисты, – это настоящий вызов для человечества и, прежде всего, для его религиозной части; это абсолютный социальный конструктивизм, тотальная эманципация человеческой «воли», человеческого «я», что, надо признать, лишь венчает логику эманципации, провозглашенную на заре Нового времени.

Подытоживая, хочу сказать, что «европейские ценности» несут как кажущиеся гуманистическими утверждения о признании прав сексуальных меньшинств, так и автоматически следующую за ними логику социальной трансформации. Практика показывает, что евроатлантистские модели обычно провозглашаются «универсальными», «общечеловеческими» и маскируются под внешне привлекательные идеи («свобода», «личность», «права человека», «прогресс», «освобождение труда» и т.д.), за которыми, однако, по факту стоит отнюдь не привлекательное содержание – тотальная проповедь гедонизма, ориентация на материальный мир, кризис духовности, стирание культурного разнообразия, вымирание языков, унификация человечества, уничтожение природы, технологизация / виртуализация реальности и социальных отношений – это лишь некоторые «издержки». Евроатлантистские модели ведут человечество в бездну, притом во всех смыслах. Ориентация евразийской идеологии на духовные институты и на моральный традиционализм вкупе с ростом Евразии как цивилизационного полюса способны сдержать этот процесс, а при более позитивном сценарии – указать возможные альтернативы.

Хочу обратить внимание вот на какую вещь. Провозглашающаяся в ультралиберализме «свобода» – это, по сути, эманципация низший части человека – животной души, нафса. Важно понимать, что там, где становится больше человеческого «я», человеческого «хочу», человеческой «похоти», там нет места исламу, ведь ислам – это смижение своей воли перед волей Всевышнего. Не случайно выдающиеся суфии в мистических состояниях утверждали: «Меня вовсе нет, есть только Аллах» (ал-Джунайд). Современный же человек говорит прямо противоположное: «Есть только я, есть только мое «хочу», мое животное желание». Но это иллюзия, ведь известно, что «свято место пусто не бывает». И мы, мусульмане, прекрасно понимаем, кем на самом деле занято это место.

7. Российская идентичность – смещение акцентов?

Итак, попытаюсь тезисно изложить те идеи, что представлены в данной статье. Я уверен, что мы стоим сейчас перед необходимостью осмысления российского мусульманства. Российское мусульманство предстает, с одной стороны, как складывавшаяся веками социокультурная реальность, а с другой – как результат рефлексии над этой реальностью, как *концепт*. В социокультурном плане российское мусульманство обладает значительным своеобразием: так, я показал, что типологическими чертами татарской мусульманской культуры являются толерантность, миролюбие, высокий статус женщины, стремление к образованию, демократизм, особые формы суфийской практики, большая этническая доминанта и уникальная литературная традиция. Аналогичные специфичные черты могут быть найдены и у других российских народов.

Концепт российского мусульманства призван объединить различные социокультурные реальности на единой цивилизационной базе. С учетом имеющегося неоевразийского тренда такая база включает антиглобализм, защиту традиционных ценностей, традиционный мультикультурализм и умеренный консерватизм. По этим трем направлениям российские мусульмане, как наиболее консервативная часть общества, могут внести весомый вклад. Особую важность представляет взаимодействие с другими крупными религиями, исповедуемыми на территории РФ. Кроме стратегического единства в борьбе против евроатлантизма, здесь существует и особое мировоззренческое единство. Духовные традиции Евразии объединяют напряженное и искреннее Богоиска-

тельство; углубление в Истину и выстраивание всех сфер жизни на основе сердечной созерцательности и любви; духовная трезвость и неприятие сентиментальности; внимательность к посюстороннему, особое чаяние пансакральности; гибкость, толерантность и отзывчивость. В свете процессов, происходящих сейчас в сфере религии, сохранение этих уникальных черт является еще одной масштабной задачей.

Вызовы, стоящие перед российским мусульманством, многочисленны: радикализация, экспорт чуждых форм ислама (под влиянием geopolитических конкурентов), проблема интеграции иммигрантов в общество и умму, исламофобия, попытки задавить ислам силовыми методами. Я не стал подробно останавливаться на этих проблемах, так как они очевидны, и об этом много писалось. Я сосредоточил свое внимание на глобальном вызове, который направлен не только против мусульман, но и против цивилизационной идентичности России. Речь идет о так называемых «европейских ценностях», фактически – об ультралиберализме. Как было показано, современный ультралиберализм наследует риторику классического либерализма, но доводит тезис об эманципации человеческого эго до логического конца. Маргинализация религиозности и духовности, диктатура меньшинств, размывание гендерной идентичности, разрушение традиционной семьи, виртуализация реальности и разного рода постгуманистические проекты – это величайшее зло для религиозных людей в целом и для мусульман в частности. Неоевразийство имеет достойный ответ на это зло в виде концепции традиционных ценностей и поддержки традиционных религий, однако борьба здесь будет масштабной и ее исход еще не предрешен.

Я думаю, российские мусульмане готовы занять активную общественную позицию, и принять участие в конструировании облика евразийской цивилизации консервативного типа. С учетом демографических тенденций, это автоматически означает включение ислама в поле легитимного дискурса, его идеологическую легитимацию. К сожалению, на протяжении столетий российские мусульмане не играли существенной роли в формировании идеологической повестки дня в России. До 1917 г. господствовало православное понимание социальных отношений и православная идентичность. Затем началось господство советской идентичности, которая на первых порах мыслилась интернационально, но с годами все сильнее начинала походить на дореволюционную модель. С 90-х годов XX в. мы наблюдаем в России кризис иден-

тичности, что подчеркивал и Путин на Валдайском выступлении 2013 г. При формировании новой идентичности обращаются к наследию прошлого, прежде всего к русским философам, но при этом совершенно не учитывается, что русские мыслители творили в другую эпоху. «Русская идея» Достоевского, Ильина или Бердяева – это прекрасные образцы историософской мысли, но они высказаны для дня прошлого, а не для дня сегодняшнего. Безусловно, требуется обращаться к наследию отечественных мыслителей, особенно дореволюционной эпохи, но при конструировании российской идентичности также нужно исходить из современных реалий. В.В. Путин справедливо отметил: «Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое» [Путин 2013].

Если смотреть с позиций современности, то явным упущением историософских проектов русских философов – будь то «русская идея» Ильина и Бердяева, «славянофильство» Данилевского и Леонтьева, «евразийство» Савицкого и Трубецкого – является то, что в них практически не уделено внимания мусульманскому фактору. Может быть, для конца XIX – начала XX в. этот фактор не был так актуален, к тому же господство православной идеологии сдерживало его продуктивный анализ. Однако сейчас уже нет возможности закрывать на него глаза, а в будущем, как свидетельствуют материалы демографии, – его роль лишь возрастет. Каковой должна быть российская (или евразийская) идентичность, чтобы мусульмане чувствовали себя ее частью и могли обогащать ее изнутри?

Ответ на этот вопрос уже дан в неоевразийскойprotoидеологии кремлевской элиты. Складывающаяся российская идентичность сочетает приверженность многополярности, традиционным ценностям, традиционному мультикультурализму и умеренному консерватизму. Это обозначает демонополизацию «русской идеи» со стороны православия, вывод традиционного ислама из медийного подполья, создание позитивного облика российского мусульманства и других религий. В такой ситуации российские мусульмане смогут почувствовать себя активными участниками процесса конструирования российской (евразийской) идентичности. Для них это будет обозначать приверженность патриотизму,

гражданственности, демократизму, традиционным ценностям, национальной и общероссийской культуре, и т.д., что в разы снизит вероятность радикализации, подогреваемой нашими геополитическими конкурентами извне.

В заключение я хотел бы обратиться к идеи, высказанной Исмаилом Беем Гаспринским в классической статье 1881 г. Отмечая специфический характер взаимоотношений Руси и Золотой Орды, он пишет: «Говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охранило Русь от более сильных чужеземных влияний и своеобразным характером своим способствовало выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовом поле» [Гаспринский 1881]. Он также подчеркивает, что татары способствовали «консервации», «сохранению» русской духовной культуры, чего явно не следовало ожидать от шедших с Запада католических крестоносцев. Но, замечает Гаспринский, «долг платежом красен», и чем же теперь может отплатить татарам Россия? Для Гаспринского – это распространение европейских наук и знаний вообще. По моему мнению, это слишком узкое понимание, и оно верно лишь отчасти.

Не вдаваясь в историю сложных взаимоотношений русского и мусульманского населения, я позволю себе высказать более глубокую и стратегически важную мысль. В христианской философии имеется катехоническая концепция, согласно которой наступлению последних дней препятствует ḍ катéхον «удерживающий» (см. 2 Фес. 2:7). Традиционные русские представления о государственности были тесно связаны с этим «удерживающим», под которым мыслился либо сам царь, либо Империя в целом. Современные пропагандистские клише, направленные против «загнивающей Европы», – это бытовой и народный вариант все той же идеи, еще живущей в русском сознании. Если всерьез подойти к этому вопросу, то можно сказать, что неоевразийская ориентация кремлевской элиты позволяет по-новому посмотреть на идею ḍ катéхον. Теперь это уже, безусловно, не христианский «удерживающий» (хотя православные люди вольны продолжать мыслить его традиционалистски). Скорее, именно последовательная установка на консерватизм и антилиберализм в России может рассматриваться сейчас как тот самый катехон, сдерживающий фактор против распространения европейского социального конструктивизма, европейской гендерной и прочей вакханалии. Одно из преимуществ того, что российские мусульмане находятся под покровительством Российского государства, состоит как раз в защите от

этого евроатлантистского цирка-шапито, где даже бородатые женщины уже признаны нормой. В этой связи позиция украинских властей и ратующих за вступление Украины в ЕС, выглядит крайне недалекой: очевидно, вместе с европейским рынком на Украину неминуемо придут и «европейские ценности».

Имеется и другое преимущество нахождения российских мусульман в рамках российской (евразийской) цивилизации. Помимо уникального исторического сочетания в российском мусульманстве европейской, русской, национальной и арабско-персидско-турецкой образованности, это еще и факт сохранения собственных традиций, не подвергшихся серьезным доктринальным реформам. Наблюдая современные процессы на Ближнем Востоке, невольно задумываешься над тем, что было бы, если бы татары, башкиры, чеченцы и другие мусульманские народы не находились сейчас в составе РФ. Что ждало бы наши мусульманские традиции? Наверное, в этом и состоит великое Провидение Аллаха, что, выдержав сложные периоды взаимоотношений с русским государством, нам удалось сохранить чистый, пророческий ислам, и в условиях современных идеологических трендов нам открываются широкие перспективы для развития собственных традиций и совместной работы с представителями других религий на благо Родины и человечества. Кто знает, может быть, уже в ближайшем будущем мечты Исмаила Гаспринского о том, что российское мусульманство возглавит интеллектуальное развитие и культуру остального мусульманства, станут явью.

Литература

1. Арманьян А. Путин между борьбой за мир, Святой Русью и гомофобией // Ислам в современном мире. Внутригосударственный и международно-политический аспекты. Вып. № 2 (34). – 2014. – С. 24–25.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
3. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. – М., 2012.
4. Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. – СПб., 2006.
5. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. АСТ. – М., 2003.
6. Бьюкенен П.Дж. Владимир Путин – новый лидер мирового консервативного движения? // (<http://www.golos-ameriki.ru/content/buchanan-gutkin/1818298.html>).
7. Бьюкенен П.Дж. Владимир Путин – защитник христианства? // Ислам в современном мире. Внутригосударственный и международно-политический аспекты. Вып. № 2 (34). – 2014. – С. 27–28.
8. Гаспринский И.Б. Русское мусульманство (суть джадидизма) // И.Б. Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения. – Симферополь, 1881.

9. Дugin A.G. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – M., 2009.
10. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – M., 2013.
11. Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм, психоанализ, феминизм. – M., 2000.
12. Жеребкина И. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб., 2007.
13. Ильин И.А О русской идее // И.А. Ильин. О грядущей России. Избранные статьи. – M., 1993. – С. 318–327.
14. Кравченко Р.И. Демографическая ситуация в России // (<http://rusrand.ru/forecast/demograficheskaja-situatsija-v-rossii>).
15. Мухаметшин Р., Хайдутдинов Р. и др. (ред.). Ислам в Среднем Поволжье: История и современность. – Казань, 2001.
16. Путин В.В. Валдайская речь (2013) // (<http://www.kremlin.ru/news/19243>).
17. Оренштайн М.А. Западные союзники Путина: Почему европейские правые на стороне Кремля? // (<http://sputnikipogram.com/europe/10367/putins-western-allies/#.VHypqTGsUkw>).
18. Сибгатуллина А. Религиозно-суфийские мотивы в татарской литературе // Ислам в Среднем Поволжье: История и современность. – Казань, 2001. – С. 497–515.
19. Сквечинский П. Кремль поднимает знамя консерватизма // Ислам в современном мире. Внутригосударственный и международно-политический аспекты. Вып. № 2 (34). – 2014. – С. 34–36.
20. Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. – № 2. – 2011. – С. 266–289.
21. Флоренский П.А. Православие // П.А. Флоренский. Сочинения в 4 т. Т. 1. – M., 1994. – С. 638–661.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – M., 2004.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – M., 2003.
24. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – M., 2001.
25. Якупов В.М. Татарское «богоискательство» и пророческий Ислам. – Казань: Иман, 2003.
26. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. – Free Press, 1999.
27. Global Trends 2025: A transformed World // (<http://www.aicpa.org/research/cpa-horizons2025/globalforces/downloadabledocuments/globaltrends.pdf>).
28. Hobson J.M. The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory, 1760–2010. – Cambridge University Press, 2012.
29. NHDR 2008 – National Human Development Report Russian Federation 2008. Russia Facing Demographic Challenges, 2009 // (http://www.undp.ru/documents/NHDR_2008_Eng.pdf).
30. PEW 2011 – The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Forum on Religion and Public Life, 2011 // (http://www.pewforum.org/uploadedFiles/Topics/Religious_Affiliation/Muslim/FutureGlobalMuslimPopulation-WebPDF-Feb10.pdf).

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Яхъяев,

доктор философских наук, профессор

(Дагестанский государственный университет)

ИСЛАМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Как известно, Северный Кавказ является регионом России, который отличается наибольшим этнокультурным разнообразием и очень высокой религиозностью населения. Возрождение ислама в нашем регионе – реальность, которая уже нашла свое выражение и в количественном росте практикующих мусульман, и в возрождении старых, и в строительстве новых культовых сооружений, и в расширении самой системы религиозного образования и проповеди, и во всём большем утверждении исламской обрядности в повседневной жизни северокавказских народов. Усиление влияния ислама на Северном Кавказе, и не столько на духовно-нравственные, сколько на экономические, политические, социокультурные процессы на Северном Кавказе, уже само по себе является индикатором возрастания роли ислама в нашей жизни.

Однако бурная исламизация жизни народов Северного Кавказа имеет ряд неоднозначных по своим последствиям особенностей, среди которых превалирует раскол мусульманской уммы на два оппонирующих друг другу, а то и враждующих лагеря: приверженцев традиционистского ислама и ислама нетрадиционистского или фундаменталистского толка. В основе конфликта этих направлений, в какой бы форме он ни проявлялся, лежат идеологическая конкуренция и борьба за умы и души верующих. И поэтому, когда мы обсуждали проблему нивелирования конфликта между этими конкурирующими направлениями ислама, возникли вопросы о возможности устранения разногласий: как нивелировать или преодолеть этот конфликт, эту вражду и противостояние, когда принципиальные установки различные, когда

такая идеологическая конкуренция? В принципе, для того чтобы не было этих конфликтов и противостояния, одна сторона должна капитулировать. Но вряд ли такое возможно. На Северном Кавказе, по крайней мере, ничего подобного в ближайшей перспективе не просматривается. Конкретное место и роль ислама, расколотого на противоположные направления, в социокультурных процессах на Северном Кавказе проблематичны. Главным вопросом здесь остается оценка интеграционного потенциала как исламской религии в целом, так и этих двух оппонирующих друг другу основных направлений ислама. Насколько и какой ислам сегодня способен обеспечить внутреннее единство, сплочение вокруг его ценностей многообразных, разнородных социальных и этноконфессиональных образований на Северном Кавказе?

Этот вопрос достаточно бурно обсуждается в исследовательской среде, высказаны противоположные предположения К. Гаджиевым [1], А. Малашенко [2], С. Семедовым [4] и многими другими. Не углубляясь в детали дискуссий, которые проходят в исламоведческой, религиоведческой, в богословской среде, обращаю внимание лишь на то, что обозначены прямо противоположные позиции. От отрицания какого-либо значимого стабилизационного потенциала исламской религии до признания наличия у ислама мощного интеграционного потенциала. От отрицания условий и возможностей на Северном Кавказе для проявления интеграционного потенциала и опасений, что ислам или, по крайней мере, отдельные направления в исламе могут быть использованы в политических целях, до утверждений о том, что интеграционный потенциал исламской религии в определенной мере уже реализуется на Северном Кавказе.

Представляется, что анализируя место и роль ислама в политических и социокультурных процессах, происходящих на Северном Кавказе, необходимо, прежде всего, учитывать этнокультурное разнообразие самого региона, с одной стороны. А с другой стороны – специфический способ адаптации, приспособления ислама к местным особенностям. Мы не должны игнорировать, рассматривая этот вопрос, исторически сложившийся синкрезизм ислама с этнографическими родовыми особенностями местных сообществ на Северном Кавказе. Нельзя забывать и о том, что исламское вероучение у северокавказских народов утвердилось, претерпев сильнейшее воздействие со стороны доисламских верований, обычаяев, традиций. Поэтому мы и видим, что в исламской практике на Северном Кавказе у каждого народа обнаруживаются

свои отличительные особенности. И такое разнообразие вариаций местного ислама (не только противостояние двух основных направлений) способствует скорее формированию местечковой этнической идентичности, чем общекавказской.

Такой разброс мнений о роли ислама как фактора интеграции общества вовсе не означает отрицания потенциальных возможностей исламской религии сплачивать северокавказское общество. Напротив, в поисках новой идентичности сегодня актуализируется проблема возрастания именно интегрирующей роли ислама. Но подобные претензии исламской религии на роль объединителя многообразных этноконфессиональных образований на Северном Кавказе наталкиваются на проблему разделения или раскола самого ислама на конкурирующие течения: традиционный ислам и ислам нетрадиционной для региона ориентации.

Если анализировать возможности традиционного ислама и ислама фундаменталистского толка, то именно традиционный ислам сегодня оказывается наиболее адаптированной к местным условиям системой ценностей. Что, собственно говоря, на сегодняшний день и обеспечивает доминирующее влияние традиционного ислама на широкие слои северокавказского населения, с одной стороны, а с другой – поддержку традиционного ислама и республиканскими властями, и такими этническими элитами, которые связаны с властями или находятся в оппозиции к этим властям.

Именно ислам традиционного толка предлагает сегодня социальную программу, которая фактически освещает сложившуюся ныне социально-экономическую и политическую ситуацию, оправдывает эту ситуацию. Иначе говоря, традиционный ислам в регионе сегодня выполняет апологетическую функцию по отношению к существующим общественно-политическим порядкам. В плане политической ориентации традиционный ислам поддерживает как региональные республиканские власти, так и чиновников местного самоуправления. В плане духовной ориентации он претендует на роль официальной идеологической системы ценностей и доминирование в педагогической, образовательной, культурной подсистемах общества.

Установка традиционно ориентированного ислама на социокультурную автономию и плюрализм местных культур, но под общим патронажем ислама является весьма важным конструктивным моментом в этих интеграционных процессах. Почему? Потому, что эта установка ориентирована на мирное сосуществование

тех этнических образований, которые есть на Северном Кавказе, и даже в некоторой степени на мирное сосуществование религиозных конфессий внутри самого ислама. Он также выступает за дружественные, добрососедские отношения между русским народом и иными народами, которые окружают северокавказские народы или находятся в единстве с северокавказскими народами, проживая на этой территории. В geopolитическом плане традиционный ислам сохраняет ориентацию на интеграцию северокавказских республик в российскую цивилизацию, но, естественно, на условиях более широкой политической и культурной автономии, чем это было в советский период нашей истории.

Таким образом, можно заключить, что в целом ислам традиционного толка может в какой-то мере стать фактором стабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, стабилизирующей системой ценностей для северокавказского населения. Но тогда возникает вопрос: почему же традиционный ислам до сих пор не стал таким фактором?

То, что традиционный ислам не завоевал на сегодняшний день идеологического и социокультурного господства в регионе, объясняется в первую очередь перманентным системным кризисом всего северокавказского общества, который к тому же является частью кризиса всего российского общества. Этот кризис оказывается еще и питательной почвой для развития и распространения ислама фундаменталистского толка. То есть экономический и социально-политический кризис, по сути дела, не только породил, но и продолжает поддерживать раскол самого ислама на эти враждующие или оппонирующие друг другу толки и направления.

Однако в своем стремлении стать ведущей системой идеологических ценностей и духовно-нравственных ориентиров, к сожалению, традиционный ислам обнаруживает и дестабилизирующий потенциал, который наглядно проявляется и в политизации традиционного ислама, и в стремлении сторонников традиционного ислама исламизировать всё общество. Парадоксально, но факт, что по мере усиления позиций традиционного ислама обнаруживается, что это ведет не столько к снижению, сколько к усилению конфликтогенности и напряженности в северокавказском обществе.

Несмотря на количественный рост числа верующих, мечетей, религиозных организаций, достаточно широкую пропаганду религиозных ценностей, распространение религиозной литературы, традиционный ислам на сегодняшний день так и не стал неким консолидирующим фактором для всех верующих, для всех

мусульман, не говоря обо всём северокавказском обществе в целом. Напротив, как среди мусульманского духовенства, так и среди рядовых верующих усилились разногласия. По сути дела, к расколу по национальному признаку прибавился, и это является фактом, раскол по конфессиональному признаку.

По этой причине многие аналитики, которые раньше приветствовали исламское возрождение, теперь вынуждены констатировать, что исламский ренессанс не только не превратился в фактор политической стабилизации и социокультурной интеграции северокавказского общества, но, напротив, сам стал неким фактором нарастания напряженности и конфликтности.

Если рассматривать с этих же позиций ислам нетрадиционного или фундаменталистского толка, то можно отметить, что нетрадиционный ислам, сопротивляясь идеологической интеграции мусульман, объявляет одних мусульман заблудшими, других – вероотступниками, третьих – лицемерами. И, естественно, заявляет о себе как о единственном чистой истинной религии, свободной от всех исторических напластований, к которой должны прийти, с его точки зрения, все мусульмане, и не только мусульмане, но и всё население Северо-Кавказского региона.

В плане социальной ориентации нетрадиционный ислам стремится опереться на эгалитаристские социальные идеалы раннего ислама, чем, собственно говоря, и привлекает к себе многих сторонников, особенно среди малоимущих слоев населения. Политической целью нетрадиционного ислама является утверждение клерикального государства, в котором политическая власть была бы объединена с религиозной властью, но в руках мусульманских авторитетов.

В сфере культурной жизни он ориентирован на безоговорочное доминирование исламской религии и культурных стереотипов ислама. Причем такое превалирование религиозных ценностей касается не только светской культуры, но и традиционной этнической культуры и национального искусства северокавказских народов в целом. Естественно, что эти претензии распространяются и на сферы образования, воспитания и просвещения.

Эти крайности фундаментализма еще больше провоцируют социальные конфликты и противоречия, являющиеся результатами тех рыночных реформ, которые проводились. В определенной части они являются итогом непродуманных действий, как центральной власти, так и республиканских властей на Северном Кавказе. И при этом надо учитывать, на что обращают внимание многие

аналитики: на сегодняшний день фундаментализм имеет неадекватное своей численности политическое влияние в силу своей идеологической специфики и финансовых возможностей [5]. В результате становится ясно, что фундаментализм в регионе нарастает, в то время как традиционный ислам потихоньку утрачивает свои позиции. И об этом говорят опросы последних лет, которые проводятся многими исследователями, в том числе и опросы, которые проводятся нашим университетским центром проблем профилактики экстремизма и терроризма [4].

Корни популярности фундаментализма в том, что он выражает социальный протест достаточно значительной части местного населения, и прежде всего, как я уже говорил, тех, кто оказывается привлеченными вождями-вдохновителями в экстремистскую среду, т.е. малоимущих слоев общества, против того затянувшегося социально-экономического и духовно-нравственного кризиса, в котором находится северокавказское общество. Определенная часть верующих стала склоняться к салафизму и ваххабизму именно как к форме выражения социального протesta против тяжелого материального положения, разгула коррупции, преступности, роста безработицы и прочего негатива.

Но возникает вопрос: является ли идеология исламского фундаментализма приемлемой альтернативой традиционному исламу в регионе? Очевидно, что нет, поскольку эта идеология не предлагает каких-либо удовлетворительных решений острых социально-экономических, политических, духовно-нравственных проблем, а лишь усугубляет эту напряженность и конфликтогенность в обществе. К тому же эта идеология оказывается, что немаловажно, практически несовместимой с основополагающим для северокавказского общества элементом этнического и культурного своеобразия, самобытности, который, кстати, всегда был и останется серьезным препятствием для исламской интеграции региона в единое социально-политическое образование. Здесь нет необходимости говорить еще и о тех антигуманных, деструктивных методах и средствах, которые избираются сторонниками фундаменталистского ислама, чтобы провести или реализовать свои идеи.

Итак, задаваясь вопросом, сплачивает ли на сегодняшний день ислам в целом северокавказское общество, мы можем дать скорее отрицательный ответ. Он лишь формально объединяет наши народы, внешне обрамляет этнический плюрализм в регионе. Ислам нередко используется в регионе как политический фактор в руках республиканских властей, а также легальной и нелегаль-

ной местной оппозиции. Он разыгрывается и как политическая карта в отношениях центральной и местных властей. Он используется и как идеологическое прикрытие политического терроризма, и как политическая карта сепаратизма.

Почему же сегодня ислам не может реализовать свою культурную интегрирующую функцию в регионе? Главная причина этого состоит в особенностях современного общества, к которому адаптируется ислам. В условиях реформ и порожденных ими конфликтов и противоречий, которые еще накладываются на этнический плюрализм и мозаичность северокавказского общества, соединяясь с религиозным плюрализмом, ислам сам, неизбежно адаптируясь к такой среде, раскалывается на конкурирующие или враждующие друг с другом течения. И объединить эти течения, мы уже говорили об этом, найти точки соприкосновения в регионе практически невозможно. В результате ислам предстает фактором консервации полигэтнической раздробленности, а не культурного сплочения этносов на более высоком идеологическом уровне.

Итак, ислам несет в себе как интегративно-конструктивные, так и деструктивно-дезинтеграционные потенции. Какие из них будут реализованы в действительности, зависит от конкретной исторической ситуации, от социальной среды, от политики республиканских властей, от политики, которую проводит религиозное духовенство, от их взаимодействия, а также от политики центральной власти, т.е. федеральной власти, местных властей, от их взаимоотношений. То есть существует много причин, позволяющих использовать исламский фактор так или по-другому.

Литература

1. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М: Логос, 2010.
2. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа // <http://www.chechen.org/islam/237-islamskie-orientiry-severnogo-kavkaza.html>
3. Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления. – М., 2011.
4. Семедов С.А. Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_17.pdf
5. Ханбабаев К.М. Трансформация ислама на Кавказе в постсоветское время // Двадцать лет реформ: Итоги и перспективы: Сб. ст. / Под ред. М.К. Горшкова, А.Н.-З. Дибирова. – М.–Махачкала: Лотос, 2011.

«Исламоведение»,
Махачкала, 2014 г., № 1, с. 86–90.

Ю. Кудряшова,

кандидат исторических наук, доцент

(Астраханский государственный университет)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

(конец XX – начало XXI в.)

В начале 1990-х годов прошлого века в результате распада СССР бывшие советские республики оказались перед необходимостью решения важнейших задач: перехода к рыночной экономике, демократизации общества, поиска новой идеологии, новых внешнеполитических приоритетов. На данный процесс оказали влияние как традиционные факторы, историческая специфика региона, так и советское наследие, которое сохранила политическая элита, из интернационалистов в кратчайшие сроки превратившихся в поборников и защитников «национальной самобытности» и «исключительности» своих народов.

Огромную важность представляет здесь оценка сущности и перспектив развития политических режимов центральноазиатских республик, разделяемых на открытые и закрытые модели. Предпосылки их формирования складывались на протяжении длительного времени. А после распада Советского Союза описанная выше тенденция к дифференциации и авторитаризму стала преобладать. Помимо исторической традиции имелись и имеются еще и географические предпосылки укрепления авторитарной тенденции в политическом развитии региона: острые ресурсные дисбалансы. Правда, и в первом, и особенно во втором случаях некорректно было бы говорить о чистом влиянии географического фактора: оно стало возможным благодаря историческим изменениям, растянувшимся на десятилетия и столетия [14, с. 16].

Центральная Азия входила в число тех областей Востока, где впервые произошел переход от присваивающего к производящему хозяйству. Коллективная память первых земледельцев и скотоводов провоцировала в них смутное понимание первотворимости культуры. Они должны были испытывать ощущение своей противопоставленности природе и прежнему миру охотников и собирателей. Это побуждало их делать сильный акцент на обосновании и разработке культурозащитных представлений и ритуалов и их прочном закреплении. Эта установка на неизменность жизни,

защищавшая новообретенную культуру, заняла главенствующее положение.

Когда оформилась хозяйственная специализация различных районов Центральной Азии, появились новые доводы в пользу ценностей стабильности. По региону прошла граница между мирами земледельцев и кочевников. В мире земледельцев культурная традиция стала письменной и благодаря этому авторитетной для всего региона. Она усваивалась и кочевниками; однако плата земледельцев за приобщение к ней северных соседей была очень высока [8, с. 26]. В дальнейшем системный характер обществу придавал зороастризм. То был стабильный консерватизм. Благодаря ему, при оседании очередной кочевой волны, традиции и поведение, даже самые элементарные и заурядные, не уничтожались, а усваивались кочевниками и сохранялись надолго. Но тот же зороастризм еще больше заглушил изначально слабую склонность этой культуры к тому, чтобы создавать предпосылки для решительных изменений в будущем [20, с. 12].

Что же касается ислама, то он, во-первых, способствовал закреплению отношения к власти как к божественному установлению, во-вторых, фактически регламентировал повседневную жизнь, введя в нее универсальные политico-юридические понятия. В целом же получалось так, что и высокая идеология, и бытовой жизненный опыт многих поколений приучали людей отдавать безусловный приоритет социальной стабильности, даже неподвижности общества, высоко возносили ценности труда, мира, колLECTIVизма, послушания, семьи, многодетности, уважения к старшим. А также сообща внедряли в каждое индивидуальное сознание представление об асимметричной зависимости как норме отношений между властью и подданными. Для правителя ценность простолюдина была выражена древней формулой: «работник – отец – подданный – верующий». Собственные ценности простолюдина выстраивались по другой, зеркальной первой, формуле: «вера – покорность – плодовитость – труд». Вряд ли это могло помочь становлению независимой личности и свободному политическому выбору, зато благоприятствовало укреплению групповой солидарности, конформистского отношения к власти и к статусной иерархии в обществе [12, с. 106].

В результате создания Советского Союза Центральная Азия лишилась экономической самодостаточности и стала сырьевым придатком внeregиональных промышленных центров, в результате ее привычный хозяйственный уклад был сильно изменен. Что

касается власти, то теоретически ее представляли республиканские отделения Коммунистической партии Советского Союза, которые порой заменяли государственные структуры управления, т.е. администрация на местах носила номинальный характер, послушно выполняя все задания райкома. Сложился своеобразный симбиоз партийно-государственной номенклатуры, которая не ушла с политической арены после распада СССР и появления новых независимых стран, а наоборот, прочно заняла свое место, поменяв внешний антураж с коммунизма на демократию. Эта номенклатура как не выполняла законы и положения прежней Советской Конституции, так и не стремится соблюдать Основной закон уже независимых республик (достаточно вспомнить о введении цензуры и невозможности проявления свободы мысли и слова, создании общественных движений и партий, независимых судебных институтов и пр.).

Прежде всего, новая номенклатура отменила коммунистические принципы и стала осваивать непартийные структуры власти – это хокимиаты, министерства и ведомства, которые, в свою очередь, получили неограниченные возможности в распределении материальных и людских ресурсов стран Центральной Азии. Это стало основным моментом государственного строительства – элита трансформировала всю социально-политическую и экономическую систему, но в то же время приспособила ее к своим требованиям [18]. В области идеологии и политической культуры итоги российско-советского периода были, пожалуй, наиболее противоречивы. С одной стороны, Центральная Азия стала регионом практически сплошной функциональной грамотности, что создало благоприятные предпосылки для расширения политического кругозора населения. С другой стороны, из-за строжайшей политической цензуры, ограничивавшей объем и содержание доступной информации, эти предпосылки реализовывались далеко не в полной мере [Скиперских, 2007].

Таким образом, можно сказать, что к распаду Советского Союза республики Центральной Азии подошли в несколько разбитом положении, имея кризисы во многих сферах общественной жизни, и особенно в политической. Возможно, поэтому дальнейшее политическое развитие этих республик пошло не по европейскому демократическому пути развития, а по своеобразному консервативно-авторитарному, отвечающему традиционному восточному самосознанию народа и власти над ним. Но требования времени естественно наложили свой отпечаток, и некоторые демо-

кратические зачатки прижились и начали свое развитие. Следовательно, политические системы, сложившиеся в данном регионе после 1991 г., представляют собой так называемую интегрированную модель, сочетающую в себе как черты восточного традиционализма, так и западного демократизма.

Данная проблема имеет также большое значение для развернувшейся особенно активно в мировой политической науке дискуссии о взаимоотношениях демократии и авторитаризма в современном мире, о возможностях и потенциальных формах трансформации авторитарных политических режимов. Диапазон распространения авторитарных режимов довольно широк, и число их в настоящее время весьма велико. Переплетение разнообразных факторов, многообразие условий жизни, своеобразие политических культур различных стран порождают многочисленные вариативные формы авторитарных режимов. Для каждого из них характерны собственная расстановка социально-политических сил на политической арене, методы осуществленияластных отношений, институциональные возможности участия граждан в политической жизни и т.п.

Современная политическая система Казахстана относится к так называемому «открытым» типу. Она ориентирована преимущественно на преобразование, модернизацию внутренней среды (экономические и политические реформы), что позволяет говорить о модернизационном характере данной модели. В то же время республика готова к принятию демократии, хоть и показной. Ее авторитарный режим несколько мягче, чем, например, в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане, более подвержен «европейской» модели развития, нежели «казиатской».

Доминирование внешних факторов трансформации политической системы Казахстана чревато нестабильностью и в перспективе создает угрозу суверенитету, независимости, экономической состоятельности и территориальной целостности республики. Соседи строят отношения с ней, исходя из собственных региональных интересов, а Казахстан стремится привлечь их потенциал для решения сиюминутных внутренних проблем, отказываясь, таким образом, от долгосрочной программы и самостоятельных действий по реальной модернизации общества.

Политический режим Казахстана можно назвать «демократический царизм», благодаря особенностям политики Н. Назарбаева, помогающей осознать механизмы прихода и удержания власти, и характеру взаимоотношений «этнарха» с парламентом, оппозицией

и СМИ [1, с. 77]. Особое внимание можно уделить ближайшему родственному окружению Н. Назарбаева, воспринимаемому как «президентский жуз», который выступает не только как важнейшая опора режима, но и в качестве потенциального источника следующего казахстанского «бashi». Действующий президент, несомненно, пользуется большим авторитетом у своих сограждан. Так, на выборах в 2005 г. он набрал 91,15% голосов избирателей, а в 2011 г. – 95,5% [13]. И объясняется столь высокий рейтинг действующего главы государства, по мнению многих экспертов, именно попытками Н. Назарбаева сохранить экономическую и политическую стабильность, отсутствием реальной конкурентности, слабостью оппозиции и недоверием населения переменами во власти. Следовательно, авторитаризм в Казахстане имеет вполне жизнеспособные перспективы.

Как уже было сказано, «открытая» авторитарная модель Казахстана – это модель с некоторыми элементами демократии. Конституция государства может быть признана, если и небезусловно инструктирующей, то, во всяком случае, приближающейся к этой разновидности конституционных текстов.

Действующая в республике Конституция является вторым по счету основным нормативно-правовым документом постсоветского периода. Первая Конституция была принята в январе 1993 г. Однако уже в августе 1995 г., вследствие конфликта между президентом и законодательной властью, она была заменена новой. Согласно действующей Конституции, Казахстан – демократическое правовое унитарное государство, имеющее три независимые ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную. Исполнительную власть возглавляет президент. Законодательную власть осуществляет двухпалатный парламент (Сенат и Мажилис), судебную – Конституционный суд и система местных судов (все судьи назначаются президентом на десятилетний срок). В Конституции Казахстана доминирование президента над законодательной и контроль над судебной властью очевидны [7, ст. 44–47, 50, 53–55, 58, 71, 73, 82].

Так, формирование Верховного суда страны вроде бы оказывается прерогативой Сената – но поскольку сам Сенат образуется таким образом, что просто не может быть нелояльным президенту, Верховный суд, а с ним и вся судебная система находятся в руках президента. Кроме того, Конституция Казахстана написана под конкретного президента и конкретную политическую ситуацию, а значит, обладает сильнейшим изъяном – конъюнктурна.

Например, в ст. 91 говорится о том, что «проект изменений и дополнений в Конституцию не выносится на республиканский референдум, если Президент решит передать его на рассмотрение Парламента» или первый состав Конституционного совета Республики Казахстан формируется следующим образом: Президент Республики, Председатель Сената парламента и Председатель Мажилиса парламента назначают по одному из членов Конституционного совета сроком на три года, а по одному из членов Конституционного совета – сроком на шесть лет, Председатель Конституционного совета назначается Президентом Республики Казахстан сроком на шесть лет (97) [7].

Таким образом, в стране установилась президентская республика со значительными и постоянно расширяющимися полномочиями главы государства. Режим правления президента в целом подпадает под категорию «просвещенный» бонапартизм. Президент республики предпочитает находить эффективные способы нейтрализации сохраняющихся элементов демократии, а не грубо их попирать или вовсе ликвидировать. Сами эти способы, как это тоже очень характерно для политической практики бонапартизма, замаскированы под свободное волеизъявление – то всего народа (референдумы), то его выборных представителей (инициатива казахстанского парламента с переносом президентских выборов).

Другая отличительная черта данного режима – постоянное балансирование между разными политическими и социальными силами – в Казахстане приобрела значительную специфику. Она заключается в том, что приходится учитывать не просто многонациональный состав населения, но и не преодоленный культурный дуализм общества. Это, с одной стороны, не позволяет отказаться от остаточной демократии, с другой – как раз очень помогает добиваться своих политических целей с помощью ссылок на необходимость поддерживать межнациональный мир [17, с. 37].

Наконец, яркой особенностью Казахстана, видимо, следует считать то обстоятельство, что здесь президент уже в основном прошел этап социального балансирования. Сейчас он опирается на им же взращенную «искусственную касту, для которой сохранение его режима – вопрос о хлебе насущном». Эта каста – симбиоз капитализирующихся чиновников и бюрократизирующихся предпринимателей. Они целиком зависят от сильной президентской власти и потому полностью ей послушны.

Отличительной чертой «открытых» политических систем является, прежде всего, то, что первоначальная относительная

самостоятельность законодательной и судебной власти впоследствии была ими утрачена, но она все-таки существовала. Далее, это хотя и низкий по влиянию на политическое развитие, но всё же наивысший в регионе уровень развития партий. Допускается деятельность оппозиции и правозащитных организаций, прямые преследования противников режима проводятся «по случаю» и сравнительно мягкими методами. Имеется полусвободная пресса в столицах, в последнее время подвергающаяся, однако, всё большему «урезанию языка». Критика режима (но не личности президента) возможна, но либо игнорируется, либо купируется. Предпринимаются настойчивые – но пока не очень успешные – попытки создания объединительных идеологий с упором на верховенство идеи национальной государственности [11, с. 118].

Для Казахстана характерна также наибольшая в Центральной Азии и достаточно высокая по международным меркам открытость внешнему миру. Государство ведет активную внешнюю политику с преобладающей направленностью в сторону США, Западной Европы, Китая, стран АТР, России. В отношениях с соседями по региону попытки наладить сотрудничество сочетаются с соперничеством за ресурсы, а в случае Казахстана – и за лидерство в данном регионе [5, с. 41].

В экономической области выбран курс на интеграцию в мировую экономику, на создание льготного режима иностранному капиталу, на первоочередное развитие частного предпринимательства и экспортных сырьевых отраслей промышленности. В Казахстане национальный капитал формируется почти исключительно «сверху», на кланово-бюрократической основе. Впрочем, заявленная экономическая политика и реальные тенденции изменений сильно расходятся между собой. Одна из главных причин этого в том, что исполнительная власть эффективно решает исключительно охранительную задачу. Даже карательные органы слабы.

Таким образом, независимость досталась центральноазиатским республикам без активных усилий с их стороны. За исключением Таджикистана, здесь не сформировалась новая, конкурентная старой, элита «борцов за независимость», как нигде в бывшем СССР, оказалась значительной преемственность власти и управления. Однако само по себе такое, в общем-то исторически случайное, обстоятельство не сыграло бы существенной роли в плавном перерождении контролируемой Москвой авторитарной власти первых секретарей в никем не контролируемую авторитарную власть первых президентов, если бы не попало в резонанс с древ-

ней обрамляющей установкой на стабильность. Равным образом, низкий уровень активности всего населения в рамках современных политических структур не является лишь следствием естественной деполитизации людей, разочаровавшихся в обещаниях национального начальства и измотанных тяжелой борьбой за физическое выживание [10, с. 19].

Не меньшее значение следует отвести таким характерным чертам политической жизни, как повышенная значимость институтов социальных гарантий и клиентельских отношений в регуляции политического поведения и преобладание вертикальной этнополитической мобилизации над горизонтально распространяющимися связями межэтнической социальной солидарности. То и другое держится на двойной вековой памяти. И о том, что главной нормой, открывающей доступ, является базовый элемент традиционной политической культуры региона – послушание власти.

Вместе с тем нельзя утверждать, что нынешнее политическое развитие региона и впредь будет определяться его географией и историей. Начнем с того, что пространство не только угнетает, но и побуждает к поиску выхода. Чтобы выжить, государства Центральной Азии должны быть открыты внешнему миру. Эта истина хорошо усвоена их руководителями. Открытость государств региона жестко обусловлена их зависимостью от экспорта сырья и импорта капиталов и технологий. Но чем больше она будет, тем менее вероятна консервация авторитаризма на долгие годы.

Промежуточные результаты текущего политического творчества народов региона могут в дальнейшем трансформировать одни его элементы,нейтрализовать или погрузить в долговременное историческое небытие другие. Иначе говоря, «предпосланность» авторитарной модели не гарантирует ей эффективность, не обратимость и долговечность. Она может быть оставлена. Но для того чтобы это случилось, необходимы постепенный отход населения от привычки к государственной опеке, нарастающее давление общества на власть и в конце концов – прямая оппозиция ей в тех случаях, когда та вступает в конфликт с крупными социальными интересами [4, с. 82].

Пока в Центральной Азии это ключевое условие разрыва с авторитарной моделью выражено недостаточно. Даже «европейское» население, воспитанное в духе советского государственного патернализма, демонстрирует крайне низкий уровень политической активности. Его постоянный отток тем более усиливает черты

местных обществ, благоприятствующие трансформации «мягкого» авторитаризма в жесткую власть ради власти.

Вместе всё это ставит под сомнение легитимность авторитарной власти. Опыт авторитарных режимов развивающихся стран Востока показывает, что переход от жесткого авторитаризма к мягкому, от деспотии к направляемой демократии, от мягкого авторитаризма и направляемой демократии к режимам, способным, при всех их несовершенствах и родимых пятнах, двигаться по пути подлинной демократизации, но при этом может осуществляться по-разному и совершенно непредсказуемо.

Перед государствами Центральной Азии, в том числе Казахстаном, при всех существующих различиях, на данный момент стоит одна проблема, выраженная в форме альтернативы: сохранение прежней общественно-политической системы или переход к новой. Персонифицированный характер власти не способствует серьезным изменениям в этой сфере. Логичным становится формирование политического пространства, в котором власть и оппозиция представлены правящей номенклатурой, а реальная гражданская оппозиция и общество оказываются «вне политического процесса». В этих условиях для ряда стран Центральной Азии симптоматичным является расширение внесистемных сил, оппонирующих власти. В первую очередь, помимо политически ориентированного ислама, набирают силу этнонациональные движения, пока еще не структурированные, но имеющие серьезный потенциал [19].

В настоящий момент возможны различные сценарии трансформации «открытой» политической системы Казахстана в зависимости от степени влияния внешних факторов той или иной ориентации (ретрадиционализация, исламизация, потеря экономической независимости и, соответственно, суверенитета, укрепление государственности и т.д.). Сохранение политической системы республики и ее демократический транзит в условиях глобализации возможны только при интеграции с внешними политическими силами, заинтересованными в сохранении Казахстана как самостоятельного суверенного государства.

Столь однозначно негативное восприятие происходящего в Центральной Азии как отдельными наблюдателями в самом регионе, так и, прежде всего, комментаторами из-за его пределов, определяется несколькими факторами. Главными из них являются опасения некоего масштабного этноконфессионального конфликта, способного расширяться на сопредельные регионы. Однако мало

кто обращает внимание на то, что различия в ситуации государств Центральной Азии, а также характер взаимоотношений проживающих здесь народов сами по себе являются элементом сдерживания подобного развития событий. Активное вовлечение внeregиональных сил, имеющих собственные интересы в Центральной Азии и преследующие цель контроля над ее ресурсами, представляют в контексте данной проблемы гораздо большую опасность. Кризисный характер общественно-политических систем, сформировавшихся в регионе, также таит в себе угрозу, так как способствует обострению социальных проблем [6, с. 67]. Есть основания предполагать, что предпринимаемые сейчас в ряде государств Центральной Азии властями меры как политического, так и общественного характера, рассчитаны на создание в обществе атмосферы ожидания перемен в условиях, когда власти уже вынуждены считаться с растущим внутренним кризисом. Однако в силу своей природы общественно-политические режимы региона не могут реформироваться, так как перестанут быть жизнеспособными. Именно поэтому все предположения о кардинальных реформах не могут быть реализованы как по форме, так и по содержанию.

Литература

1. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Паузлл, К. Стром, Р. Далтон. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 546 с.
2. Закон о выборах в Республике Казахстан // Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. – Режим доступа: http://election.kz/portal/page?_pageid=73,48269&_dad=portal&_schema=PORTAL, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Изменения в общественной жизни Казахстана // TestENT. – Режим доступа: <http://www.testent.ru/index/0-91>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Казанцев А. Большой игра в Центральной Азии: Вчера, сегодня, завтра / А. Казанцев. – Москва: Наследие Евразии, 2008. – 248 с.
5. Касенов А. Итоги внешнеполитической деятельности РК и ее приоритетные задачи / А. Касенов. – Астана: КИСИ. 2005. – 239 с.
6. Касенов У.Т. Безопасность Центральной Азии / У.Т. Касенов. – Алматы: Университет «Кайнар», 1998. – 280 с.
7. Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 г. // Центр социально-психологической и правовой помощи. – Режим доступа: <http://csrk.kz/rules/27-constitution>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

8. Куртов А.А. Демократия выборов в Казахстане: Авторитарная постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения / А.А. Куртов. – Москва, 1998. – 175 с.
9. Масанов Н. Национально-государственное строительство в Казахстане: Анализ и прогноз / Н. Масанов // Вестник Евразии. – 1995. – № 1. – С. 26–28.
10. Матвеева А. Центральная Азия: Стратегический подход к построению мира / А. Матвеева. – Лондон: International Alert, 2006. – 96 с.
11. Нестерова И.В. Клановость как традиционный неформальный институт рекрутования политический элиты в республиках Центральной Азии / И.В. Нестерова // Политические проблемы современного общества. – 2009. – Вып. 11. – С. 117–124.
12. Нестерова И.В. Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: Исламский фактор / И.В. Нестерова // Политические проблемы современного общества. – 2008. – Вып. 9. – С. 105–113.
13. О предварительных итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 3 апреля 2011 г. // Кочевник. – Режим доступа: http://www.nomad.su/?a=3-201104050038_свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Панарин С.А. Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона / С.А. Панарин // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 15–18.
15. Республика Казахстан. О выборах в Республике Казахстан от 28.09.1995; Конституционный закон № 2464. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004029? свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Сатпаев Д. Характеристика политический системы Казахстана с точки зрения ее легитимности / Д. Сатпаев // ZONA: интернет-газета. Режим доступа: <http://www.zonak.net/articles/5401>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Свечников Л. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона / Л. Свечников. – Москва: Институт стратегических оценок и анализа, 2010. – 254 с.
18. Среднеазиатская элита – это партийная советская номенклатура // Разумные решения: Аналитический центр. – Режим доступа: <http://analitika.org/ca/politics/406-20070924043639753.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Улунян А. Центральная Азия – реформ не будет / А. Улунян // ЦентрАзия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1175845500>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Шукров Ш. Центральная Азия / Ш. Шукров, Р. Шукров. – Москва: Панорама, 1996. – 160 с.

«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2014 г., № 4, с. 118–125.

Б. Балджи,

приглашенный эксперт программы
по Ближнему Востоку Центра Карнеги (США)

**ДЖАМА'АТ АТ-ТАБЛИГ
И ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ СВЯЗЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
С ИНДИЙСКИМ СУБКОНТИНЕНТОМ***

Изучая причины продолжающегося «возрождения» ислама в Центральной Азии, исследователи привыкли выстраивать типологию факторов этого явления. Как правило, выделяют внутренние факторы – местные традиции, конфессиональную политику и прочее, а также внешние факторы, связанные с деятельностью зарубежных государств и исламистских организаций, более всего повлиявших на трансформацию ислама в странах Центральной Азии, в том числе религиозное влияние из арабских стран, Турции, Ирана и Афганистана. При этом нередко забывают про течения, идущие из Индии и Пакистана, которые, однако, имели сильное и длительное влияние в регионе.

Роль ислама в отношениях двух регионов может быть понята лишь через их историю, особенно в эпоху интенсивных взаимодействий при Великих Моголах. Обращение к истории поможет понять природу современных исламских движений, происходящих из Индийского субконтинента, и их развитие в постсоветской Центральной Азии. Эти движения немногочисленны – суфийское братство Накшбандийя, движения Ахмадийя и Джама'ат ат-Таблиг.

**Исторические вехи исламского взаимодействия
Центральной Азии с Индией**

До прихода ислама у Центральной Азии были интенсивные религиозные контакты с Индией. Пришедший оттуда буддизм приобрел в Центральной Азии своеобразные формы, которые повлияли как на его бытование в Китае, так и в последующем на развитие ислама в Центральной Азии [Fussman, 2007; Fussman, 2009; Leriche, Pidaev, 2008, р. 163]. С распространением в Индии

* Автор данной статьи выражает глубокую признательность Елене Муратовой за перевод статьи с английского языка на русский и Сергею Абашину и Владимиру Бобровникову за научное редактирование перевода.

мусульманского вероучения сначала под влиянием походов Махмуда Газневи (997–1030) и завоеваний Газневидов (975–1187), а затем завоеваний Гуридов (1148–1215), особенно под предводительством Mu'izz ad-dina Мухаммада (1173–1206), сходный путь прошел ислам¹. Наиболее интенсивным воздействие местных традиций было во времена Делийского султаната (1206–1526).

Утверждение в Индии происходящей из Центральной Азии династии Моголов (1526–1858) еще более усилило эти взаимодействия. Под влиянием личных, религиозных и политических причин многие жители Центральной Азии последовали за Бабуром в Индию, начав массовые перемещения населения между двумя регионами². Это привело к межкультурным влияниям и заимствованиям в области литературы, искусства миниатюры, музыки, астрономии и архитектуры [Расульзаде, 1968]. Благодаря религиозной свободе, царившей в Индии, многие центральноазиатские мистики и просто верующие находили там пристанище в периоды, когда политico-религиозная ситуация в их регионе была сложной [Foltz, 1998, p. 190]. Еще более важен тот факт, что многие правители династии Моголов, начиная с Бабура (1526–1530), были последователями накшбандийских шейхов и поддерживали личные связи с мусульманскими властителями Центральной Азии³.

История братства Накшбандийя, сложившегося в Центральной Азии, отражает динамику исламских взаимодействий между этим регионом и Индией. На начальном этапе протобратьство, восходящее к Хвадже 'Абд ал-Халику Гидждувани (ум. 1220), и само братство Накшбандийя, названное по имени Баха' ад-дина Накшбанда (1318–1389), было слабо организовано⁴. Хваджа 'Убайд Аллах Ахрап (1404–1490), третья важная фигура в истории братства, централизовал движение и духовно укрепил его. Как и другие занимавшиеся политикой шейхи, Хваджа Ахрап не стеснялся заигрывать с властью, был вовлечен в государственные и экономические дела [Gross, 2007, p. 233–259]. Контролируемые им много-

¹ О распространении ислама в Индии см.: [Gaborieau, 2007; Schimmel, 1980].

² Об истории отношений Индии с Центральной Азией см. специальный выпуск журнала *Cahiers d'Asie Centrale* (№ 1, 1996), <http://asiecentrale.revues.org/index400.html>; [Beisembiev, 2007, p. 260–274].

³ Бабур был последователем Хваджи 'Убайд Аллаха Ахрапа, который дал императору его мусульманское имя – Захир ад-дин Мухаммад.

⁴ Эта периодизация дана по работе [Algar, 1990, p. 3–44]. Более недавнее и полное исследование братства см.: [Weismann, 2007].

численные вакфы позволили ему упрочить свое положение и вступить в отношения с правителями, которые нуждались в легитимации своей власти. Эта традиция сильных связей между политическими лидерами и суфийскими шейхами продолжилась и при Моголах.

Проникновение братства Накшбандий в Индию происходило в несколько этапов. Первый связан с альянсом Бабура и шейха Хваджи Баки би-Ллаха (1563–1603), по всей видимости, одного из самых способных преемников Хваджи 'Убайд Аллаха Ахрара. Как Бабур в политической и социальной сфере, так и Хваджа Баки би-Ллах в духовной сфере были связующим звеном Центральной Азии и Индии при Моголах. Впоследствии и другие суфийские наставники и их последователи оказывались в Индии. Кто-то бежал от политического давления Шейбанидов¹, кого-то прельщали политические и экономические возможности Индии, кто-то стремился к духовному поиску, а кто-то направлялся в хадж в Мекку через порт Сурат (нынешняя провинция Гуджарат).

Следующий этап в распространении Накшбандий в Индии связан с деятельностью шейха Ахмада Сирхинди (1564–1624). Он считается следующим по значимости после Баха' ад-дина Накшбанда духовным лидером, известным среди своих последователей как *муджадид-и альф-и сани* (обновитель второго [по пришествии ислама] тысячелетия). В 1599 г. Ахмад Сирхинди по пути в Мекку остановился в Дели и получил *иджазу* (разрешение на ведение наставнической деятельности в братстве). Вскоре после этого он основал и собственное направление в братстве, известном как Накшбандий-Муджадидийя. В XVII в. оно стало первым суфийским братством индийского происхождения, оказавшим влияние на Центральную Азию. Преемник и потомок Сирхинди шейх Хабибуллах направлял своих преемников (*халифа*) в регион, в результате чего деятельность Накшбандий в нем активизировалась. Под влиянием этих инициатив шейхи Бухары стали приезжать в Индию за получением *иджазы* и, вернувшись обратно, распространяли там новое направление братства [Gross, 2007, р. 233–259].

Упадок Хивинского и Кокандского ханств, а также Бухарского эмирата, выделившихся из империи Тимуридов, наряду с появлением и последующим установлением владычества России

¹ Династия Чингизидов, покорившая Центральную Азию во времена Тимуридов и доминировавшая в ее большей части с 1529 г. до начала XVIII в.

в Центральной Азии, не прервали религиозных и культурных контактов региона с Индией. Вместе с тем осознание превосходства русских и новые связи с мусульманами Российской империи и за ее пределами вызвали появление в регионе реформаторского движения, известного в российской и западной литературе как движение *джадидов*. Его идеяными вдохновителями были скорее тюркоязычные интеллектуалы Российской и Османской империй, нежели мусульманская духовная элита Индии, языками самовыражения которой были фарси и арабский¹. Однако в более позднюю эпоху определенное влияние в регионе имели реформаторы из Индии: как их светское крыло с центром в городе Алигарх, так и более консервативная школа из Деобанда². Это влияние имело место и в советскую эпоху в условиях гонений на религию в целом³.

При советской власти в Центральной Азии по-прежнему существовали свои религиозные центры. Там прошли подготовку многие из будущих лидеров исламистских групп различных направлений, от умеренных до самых радикальных. В их числе был Мухаммаджан Рустамов, известный как Домулла Хиндустани (1895–1986), родившийся в Коканде (в современном Узбекистане). Он часто бывал в Индии и Афганистане, где выучил хинди и урду, языки, которые он позднее преподавал в Институте востоковедения Академии наук Таджикской ССР в Душанбе [Бабаджанов, Муминов, Олкотт, 2004, с. 43–59]. Хотя он не может считаться

¹ Существует обширная литература о движении джадидов, которое занимает существенное место в истории социально-политических идей мусульманских народов Центральной Азии. См., например: [Le reformisme..., 1966, р. 242].

² Подробнее о сложных взаимоотношениях между системой Деобанди и Алигархом см.: Кисуксан, 1994, р. 48–58.

³ Современные исследования положения ислама в советскую эпоху отмечают относительный характер его подавления и противоречивость государственной политики в отношении него. Репрессии 1930-х годов не помешали властям в последующие десятилетия смотреть сквозь пальцы на скрытую и нелегальную исламскую активность. В этой связи следует обратиться к исследованиям С.А. Дюдуаньона о значении святости и святых (*аулийа'*) в исламе Нового и Новейшего времени («Islam et saintete») и о религиозных и политических последствиях, культурных и социально-экономических предпосылках реисламизации сельских общин советской и постсоветской Центральной Евразии во второй половине XX и в начале XXI в. Проект выполнен группой западных и постсоветских исследователей под руководством С.А. Дюдуаньона и К. Ноак из Амстердамского университета при поддержке Фонда Фольксвагена. Совсем недавно по его результатам выпущена коллективная монография (Dudoignon, Noack, 2014).

представителем деобандской школы, тем не менее Хиндустани испытал ее влияние. В условиях антирелигиозных гонений он основал нелегальную частную школу (*худжра*)¹, влияние которой до сих пор ощущается в Центральной Азии. Его могила, расположенная рядом с могилой Маулана Йакуба Чархи (еще одной важной фигуры братства Накшбандийя) в Центральной мечети Душанбе, посещается многочисленными паломниками со всей Центральной Азии.

Возобновление связей государств постсоветской Центральной Азии с мусульманским миром после достижения независимости

Определенная либерализация общества в эпоху Перестройки, распад Советского Союза и появление на его руинах независимых государств имели исторические последствия для судьбы ислама в Центральной Азии. Теперь ничто не мешало отправлению мусульманского культа. Деятельность традиционных мусульманских духовных элит региона возобновилась. Более того, новые власти в каждом из государств региона стремились продемонстрировать благосклонность к исламу и приветствовали его вовлечение в той или иной форме в новую политическую идентичность. В некоторых случаях, например в Узбекистане, новые элиты не стеснялись использовать ислам для легитимации своей власти. Такой подход к религии, тем не менее, не избавил властей предержащих от чувства неловкости по отношению к исламу, пристекающему из страха перед невозможностью его всеобъемлющего контроля [Olcott, Ziyayeva, 2008, p. 52].

Одним из последствий этих перемен в регионе стало появление разных исламских влияний из стран Ближнего Востока, Аравийского полуострова и Турции. Исламские группы Индийского субконтинента также оказали определенное влияние на постсоветскую Центральную Азию. Три исламских движения стремились обосноваться в регионе. Это тарикат Накшбандийя, чье историческое значение для региона было отмечено выше, транснациональное движение индийского происхождения Ахмадийя, а также Джама'ат ат-Таблиг, который впервые появился в Центральной Азии.

¹ Тайную и неформальную группу изучения ислама.

Возрождение суфизма в Центральной Азии уже было предметом ряда исследований¹. Эксперты отмечают, что это исламское направление умело воспользовалось противоречивой политикой узбекского руководства. Хотя президент Узбекистана Ислам Каримов и превозносил достоинства суфизма как скромного и толерантного направления в исламе и видел в нем образец для достижения социальной гармонии в стране, одновременно он выражал беспокойство его возможным превращением в конкурирующую политическую силу [Olcott, 2007, p. 42]. В начале 1990-х годов при финансовой поддержке руководства Турции, бывшей тогда в хороших отношениях с Узбекистаном, И. Каримов участвовал в реставрации мавзолея Баха' ад-дина Накшбанда в Бухаре, превратившегося в огромный комплекс, вмещающий тысячи паломников. Такая поддержка местного братства Накшбандий позволила ему наладить контакты с отделениями последнего за рубежом, особенно в Турции, где наследие тариката было особенно заметным.

Неудивительно, что в таких условиях один из накшбандийских наставников, шейх Мухаммад Зулфикар Накшбанди Муджадди из Лахора, достиг большого успеха в Центральной Азии. Он посетил Таджикистан и Узбекистан, где сумел приобрести последователей². Среди учеников пакистанского шейха был Салим Бухари, человек с современным высшим светским образованием, получивший диплом в Германии. В 2008 г. он стал директором занимающегося изучением суфизма и суфийской культуры Фонда Баха' ад-дина Накшбанда в Бухаре [Olcott, 2007, p. 42]. Основная цель его деятельности состояла в активизации исследования наследия Накшбандий. Однако в последующем, опасаясь его успехов, Ташкент отказал ему в предоставлении визы, и больше учений в Узбекистан не вернулся [Olcott, 2007, p. 26]. Он оказал большое влияние на развитие религиозной ситуации в Центральной Азии, особенно в Таджикистане, где отношение властей к исламу было более мягким.

Второе религиозное движение индийского происхождения, присутствующее в Центральной Азии на протяжении ряда лет, – Ахмадийя. Основано оно было Мирзой Гулямом Ахмадом (1838–1908) в 1889 г. под влиянием проникновения в Британскую Индию протестантских миссионеров и появления в ней реформаторского

¹ См.: [Zarcone, 2000, p. 297–323].

² О его духовной генеалогии см.: <http://www.tasawwuf.org/shaykhsilsilah.htm>

течения Арья Самадж¹. Мирза Гулям Ахмад объявил себя одновременно предсказанным Мессией (*махди*), обновителем веры (*муджадид*) и перевоплощением Иисуса, пришедшим для «оживления» ислама и его окончательной победы. Примечательно, что он внес в свое учение элементы индуизма, в частности фигуру Кришны. Одним из основных положений его учения было замещение вооруженного джихада «джихадом языка» (*джихад би-л-лисан*), что означало распространение ислама посредством проповеди и мирных акций [Friedmann, 1989; Servan-Schreiber, 2002, р. 8–12]. Задимствовав миссионерские приемы и организационную структуру у протестантов, Мирза Гулям Ахмад за несколько десятилетий приобрел последователей во многих странах мира.

После его смерти в Ахмадий произошел раскол, в результате которого образовалось два направления, граница между которыми довольно условна. Большая группа последователей, называемая Кадиани (по названию города в Индии), настаивает на пророческом статусе Мирзы Гуляма Ахмада и на том, что руководство общиной после его смерти должно перейти к его преемникам-халифам. Меньшая часть последователей, известная как Лахорская школа, считает, что основатель движения был просто восстановителем без пророческих полномочий и что общиной должен руководить орган избранных людей (*анджуман*). Оба крыла движения подвергаются гонениям в странах мусульманского мира, особенно в Пакистане и Саудовской Аравии, где они были признаны еретическими и, как следствие, не допускаются к совершению паломничества в Мекку [Kennedy, 1989, р. 71–99].

Несмотря на преследования в большинстве мусульманских стран, последователи Ахмадий сумели распространить движение по всему миру – в Африке, Европе и США. Они достигли заметных успехов в Албании, стране, известной своей изоляционистской и антирелигиозной политикой. Из стран Центральной Азии Ахмадий успешна лишь в Киргизстане. Одна из основных причин – религиозная свобода, отличающая это государство от соседних жестких режимов². Хотя Ахмадий была встречена правоверным исламом враждебно, в 2002 г. движение было официально заре-

¹ Об этой секте, иногда характеризуемой в качестве реформистского движения, см.: [Chamupati, 2001; Lai, Sharma, 1993].

² Об отношении властей Киргизстана к Ахмадий см.: http://www.forum18.org/Archive.php?article_id=322

гистрировано Министерством юстиции Киргизстана. Однако позже «по соображениям безопасности» регистрация была отменена. В 2011 г. члены общины вновь обратились с просьбой о регистрации, но получили отказ от Государственной комиссии по делам религий. Несмотря на это, религиозная община продолжает развивать свою деятельность. Никаких признаков официального присутствия этого движения в соседних странах нет.

Джама'ат ат-Таблиг – новая исламская община индийского происхождения

К настоящему времени влиятельным исламским движением индийского происхождения является Джама'ат ат-Таблиг. Оно было основано в конце 1920-х годов в индийской провинции Мевават Мухаммадом Ильясом Кандхалави (1885–1944), известным индийским суфием. Следует отметить, что существуют разные мнения относительно того, имело ли его проповедование суфийские корни¹. Слово «Таблиг» означает «донесение [исламского призыва]», и Джама'ат ат-Таблиг стремится возродить эту практику, которая считается фундаментальной обязанностью каждого мусульманина. Члены этой организации строго следуют установлениям исламского права. Они соблюдают религиозные догмы и нормы религиозной практики. Их активность ограничена мусульманским сообществом, а их главная цель – пробуждение мусульман по всему миру. Движение имеет аполитичный характер, следуя, таким образом, наставлениям своего основателя Мухаммада Ильяса, который стремился удержать свою общину от политических дебатов в Индии, где имели место противоречия между мусульманами и индусами.

Первоначально движение сосредоточилось преимущественно на индийских мусульманах, пытаясь укрепить их веру и очистить их религиозные практики, которые были перемешаны с доисламскими верованиями. Позже миссионеры Джама'ат ат-

¹ Это сложный вопрос, разделивший исследователей. Даже современные последователи движения не могут прийти к общему мнению об отношении их движения к суфизму. В этой связи можно обратиться к следующей работе: [Gaborieau, 2006].

Таблига распространяли свою деятельность по всему миру, включая Западную Европу и особенно Францию¹.

Джама'ат ат-Таблиг выделяется среди других исламских организаций представлением о том, что религиозная миссия *да'ва* открыта каждому мусульманину, а не узкому кругу ученых и клириков [Шуас, 1944]. Проповедники, которые в соответствии с основополагающим правилом Джама'ат ат-Таблига путешествуют по миру для распространения ислама, являются волонтерами, которые самостоятельно финансируют свою деятельность. В основном это мужчины разного социально-профессионального уровня. Миссионеры проходят подготовку в рамках курсов разной длительности – от трех, десяти, двадцати и сорока дней до четырех месяцев, что соответствует духовным потребностям каждого человека [Metcalf, 2004; Masud, 2000, p. 200]. Каждый новичок должен освоить несколько коротких курсов, чтобы окончить четырехмесячный курс и получить звание *кадим*, что означает «один из старших в доме».

Джама'ат ат-Таблиг имеет свою концепцию миссионерской деятельности. Традиционная концепция исламского призыва, восходящая ко времени Пророка Мухаммада и его сподвижников, была составной частью распространения ислама и была связана с джихадом. Обращение в ислам считалось коллективной обязанностью скорее исламского государства, нежели отдельного индивида. Мухаммад Ильяс Кандхалави предпринял радикальную реформу этой концепции: он трансформировал джихад в мирный процесс, в призыв, ставший личной обязанностью каждого верующего. Для того чтобы стать хорошим мусульманином, члену сообщества необходимо посвятить часть своей энергии и времени миссионерской деятельности².

Согласно сведениям от некоторых членов Джама'ат ат-Таблига, последователи их общинды впервые прибыли в Центральную Азию в 1960–1970-х годах. Это была небольшая группа индийских студентов, приехавших в рамках советских стипендий в период хороших отношений двух государств [Horn, 1982,

¹ Оно действует там с 1960-х годов, особенно в среде иммигрантов из Северной Африки. Например, известная организация *Foi et Pratique*, активная в бедных окраинах Франции, является ответвлением Джама'ат ат-Таблига. По этому вопросу можно обратиться к работе: [Khedimella, 2002, p. 20–21].

² О разных формах и представлениях о прозелитизме, включая концепты *да'ва*, *таглиб* и *джихад*, см.: [Masud, 2000, p. 79–121].

р. 235]. То была первая попытка Джама'ат ат-Таблига установить связь с регионом. Основная активность этой общины связана с распадом Советского Союза, когда Центральная Азия оказалась открытой для зарубежных исламских движений. Путь Джама'ат ат-Таблига в Центральную Азию не был легким, так как наиболее влиятельные исламские движения в регионе изначально были из стран арабского мира и особенно из Турции. Турецкие исламские общины помимо всего прочего использовали фактор языковой близости с народами региона [Balci, 2007, р. 367–390].

Хотя сложно точно датировать время утверждения Джама'ат ат-Таблига в регионе, только после 11 сентября 2001 г. его присутствие приобрело реальные очертания в городах Центральной Азии. Те трагические события во многом стали определяющими, так как побудили правительства региона начать преследование религиозных организаций, воспринимаемых ими в качестве политических и / или радикальных. Так как Джама'ат ат-Таблиг был неполитической и нерадикальной организацией, то она рассматривалась местными властями (по крайней мере, некоторыми из них) как потенциальное средство контроля молодежи, часть которой симпатизировала радикальным исламистским организациям. Благодаря этой терпимости и тому факту, что члены общины в пакистанских одеждах (*shalvar kamis*) ходили от дома к дому, призывая людей к молитве, Джама'ат ат-Таблиг вскоре стал заметным явлением и одновременно предметом интереса со стороны религиозных деятелей и исследователей.

Джама'ат ат-Таблиг присутствует не во всех центральноазиатских государствах. В настоящий момент движение едва активно в Узбекистане и Таджикистане, довольно заметно в Казахстане, наиболее успешно в Киргизстане и отсутствует в Туркменистане. Власти Узбекистана в стремлении полностью контролировать ислам во всех его проявлениях посчитали Джама'ат ат-Таблиг потенциальной угрозой национальной безопасности страны. Они официально запретили деятельность организации, несмотря на то что один из наиболее авторитетных и харизматических религиозных лидеров страны, бывший муфтий республики Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф заявил о том, что Джама'ат ат-Таблиг – неполитическая и безвредная организация [Rotar, 2003]. Несколько активистов, пытавшихся развивать свою деятельность, были арестованы [Saidazimova, 2012]. Борясь с любыми формами радикального ислама, узбекский режим ассоциирует любое исламское движение, не прошедшее официальной регистрации в Министерстве

юстиции, с радикальным исламизмом наподобие Исламского движения Узбекистана (ИДУ)¹ или «Хизб ут-Тахрир»².

В Таджикистане активисты Джама'ат ат-Таблига также не имеют легального статуса, а официальная позиция в отношении них колеблется между терпимостью и репрессиями. Это происходит в условиях, когда в результате легального участия исламской политической партии (Исламской партии возрождения / ИПВ) в политической жизни власти демонстрируют благосклонность к исламу. В августе 2009 г., когда я оказался в Душанбе, там прошли репрессии, в ходе которых несколько активистов были помещены в тюрьму за принадлежность к нелегальному исламистскому движению [Tajikistan jails.., 2009]. Согласно мнению эксперта по исламу в Таджикистане, как бы это ни казалось парадоксальным, запрет на Джама'ат ат-Таблиг был инициирован исламистами в таджикской элите. ИПВ видит в Джама'ат ат-Таблиге потенциального конкурента, тогда как светская часть правительства в принципе готова сосуществовать с этим движением³.

¹ Исламское движение Узбекистана – одна из наиболее радикальных джихадистских организаций страны. Она была создана в первые годы независимости. Состоя из разных исламистских групп, действовавших в узбекской части Ферганской долины в начале 1990-х годов, партия трансформировалась во влиятельную военизированную организацию, доставлявшую беспокойство узбекским властям. Во время гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) ИДУ нашло там прибежище, использовав территорию этого государства как плацдарм для своей деятельности. После национального примирения в Таджикистане движение перебралось в Афганистан, где сблизилось с «Талибаном» и «Аль-Каидой». Это оказалось фатальным для движения, так как во время американских бомбардировок в Афганистане в ноябре 2011 г. военный лидер движения Джума Намангани был убит. Тахир Юлдашев, политический лидер движения, остался жив, но так и не смог возродить движение. По некоторым сведениям, он находится в сложном положении в Пакистане. Об истории и развитии этой политической военной организации см.: [Terrorisme.., 2008, р. 32].

² «Хизб ут-Тахрир» – исламистская партия, основанная в Иордании в 1950-х годах. Ее штаб-квартира находится в Лондоне. Она появилась в Центральной Азии в 1990-х годах. Партия призывает к возрождению халифата для объединения всех мусульман мира. Хотя ее активисты не прибегают к насилию, им присущ довольно радикальный дискурс в отношении режимов Центральной Азии, что в конечном итоге обернулось их жестким преследованием. Из-за скрытного характера партии существует лишь несколько серьезных исследований о ней. Среди них: [Chaudet, 2006, р. 113–125; Farouki, 1996; Karagiannis, 2005, р. 137–149].

³ Интервью с Саидом Ахмадом Каландаром, таджикским исследователем. Душанбе, июль 2009.

В Казахстане Джама'ат ат-Таблиг терпят, но легально не регистрируют. Власти не позволяют ему пройти официальную регистрацию в Министерстве юстиции и в Государственном агентстве по делам религий. Отказывая ему в легальном статусе, власти таким образом пытаются воспрепятствовать его политизации. Это означает, что члены общины могут встречаться, но в любой момент им могут запретить проповедь. Вместе с тем члены Джама'ат ат-Таблига не подвергаются преследованиям и проповедуют открыто. Однако в некоторых отдаленных городах они иногда подвергаются аресту и допросу со стороны сотрудников службы безопасности [Rotar, 2012].

Киргизстан – своеобразный рай на земле для активистов Джама'ат ат-Таблига. Им разрешено легально действовать на всей территории страны. Община присутствует в Бишкеке и Нарыне, но более основательно действует на юге страны, в центре Ферганской долины – в Оше, Джалаал-Абаде и Баткене – регионах, где религиозность населения традиционно была высокой. Ряд факторов может объяснить значительное присутствие Джама'ат ат-Таблига в Киргизстане. Помимо большей религиозной свободы успех обуславливают и некоторые особенности ислама, проповедуемые Джама'ат ат-Таблигом. Члены организации, которых называют *да'ватчилар* (те, кто занимается призывом), слабо образованы в религии и скорее любители в своем деле [Toktogulova, 2009]. Поэтому они предлагают «минималистский ислам». Движение стремится достучаться до молодежи, отвратить ее от пагубных привычек (алкоголя и наркотиков) и научить основным столпам ислама, в частности молитве и чтению Корана, вовлечь в миссионерскую деятельность, что позволило бы заполучить новых членов общины.

Согласно моим полевым исследованиям в Оше, половину населения которого составляют узбеки, члены Джама'ат ат-Таблига представлены почти исключительно киргизами. Возможное объяснение этому (которое, конечно, нуждается в подтверждении) состоит в том, что это движение ориентировано преимущественно на «неопытных» мусульман и потому не имеет успеха среди более религиозно сведущих узбеков. Этот аргумент находит подтверждение в теории, которой придерживаются все эксперты по Джама'ат ат-Таблигу: движение успешно среди мусульман, плохо осведомленных о своей религии, и среди тех сообществ, которые имеют слабые социальные связи. Действительно, киргизское общество беднее других обществ Центральной

Азии, к тому же оно было лишь сравнительно недавно и поверхностно исламизировано.

Во всех регионах, где присутствует движение, наблюдается один и тот же метод проповедования. Он был унаследован от основателей Джама'ат ат-Таблига и распространяется членами движения, прошедшими подготовку в Индии, Пакистане и даже Бангладеш. Так, обычно после пятничного намаза небольшая группа (часто из четырех человек) отправляется в путь и движется от двери к двери, приглашая людей на религиозные собрания, проводимые в ближайшей мечети. Во время моей последней поездки в Бишкек в октябре 2010 г. я был приглашен совершить такой маршрут, который на языке общинны называется *гагат* (перс. «патруль»). После окончания намаза несколько групп по четыре человека во главе с избранным лидером отправились обходить ближайшие окрестности.

Точно по такому же принципу ячейки общинны повсеместно организовывают трех- и 40-дневные туры проповедования. Маленькие группы направляются в определенный город или деревню, проводят там три или 40 дней, во время которых «патрулируют» территорию, привлекая как можно больше верующих. Определить лидеров общинны сложно, так как движение стремится быть эгалитарным и неиерархичным [Reetz, 2008, p. 98–124]. Каждый член Джама'ат ат-Таблига должен уделять три дня в месяц и 40 дней в году этой миссионерской деятельности, которая стала для них своего рода «столпом» ислама.

Собрания последователей движения проходят на территории мечети той или иной местности, так как Джама'ат ат-Таблиг не имеет своих помещений. После окончания «патрулирования» активист отчитывается перед лидером, называемым *амиром*. Член каждой группы докладывает о том, как много домов они посетили, какой была реакция людей на их призывы. После этого амир читает длинную проповедь, называемую *бейян*, которая обычно концентрируется на комментировании отрывка из Корана или хадиса¹.

¹ Муса Хадималлах, исследовавший деятельность этого движения во французских окрестностях, наблюдал ту же самую миссионерскую практику. См.: [Khedimellah, 2001, p. 5–18].

Джама'ат ат-Таблиг и другие исламские группировки Центральной Азии

Анализ взаимоотношений Джама'ат ат-Таблига с другими исламскими движениями и организациями – непростое дело. Хотя все исламские акторы географически могут находиться в одних и тех же местах, они держатся особняком, а в некоторых случаях вообще игнорируют друг друга.

Первый исламский актор, с которым Джама'ат ат-Таблиг столкнулся в Центральной Азии, был официальный, или государственный, ислам. Это наследие советского режима является частью государственных попыток контролировать религию посредством институций: Государственного комитета по делам религий, который входит в правительство, и Духовного управления, возглавляемого муфтием, кадием или шейх-уль-исламом. Во всех государствах Центральной Азии движение имеет плохие отношения с официальными структурами. Стиля одежды членов Джама'ат ат-Таблига (*шалвар камис*) и их длинных бород достаточно для того, чтобы вызывать раздражение у представителей государства, которые придерживаются западного внешнего стиля¹.

Официальный ислам несколько обеспокоен деятельностью этого движения, представленного молодыми необразованными активистами, довольно успешными в своем миссионерском поиске, показателем чего могут служить заполненные мечети в ряде городов. Но даже если официальным религиозным руководителям и не нравится движение, они вынуждены терпимо относиться к его последователям. Происходит это потому, что активистов Джама'ат ат-Таблига сложно выдворить из мечети, так как они следуют законам и не совершают никаких проступков. В Киргизстане движение, имея легальный статус и официальную регистрацию, продвинулось настолько, что Духовное управление создало специальный отдел по призыву для координации миссионерской активности.

¹ В Казахстане во время моей поездки в июле 2009 г. я стал свидетелем странной ситуации. Хотя члены Джама'ат ат-Таблига молились позади имама Большой мечети пять раз в день, он не имел никакого представления о том, кто они и что они делают. Во время моего интервью с имамом он заявил, что не хочет общаться с ними. Тем не менее он попросил меня рассказать ему о целях Джама'ат ат-Таблига. В результате я проговорил больше, чем имам, у которого я пришел брать интервью, и у меня сложилось впечатление, что я рассказал ему много интересного о его единоверцах, находящихся под влиянием Джама'ат ат-Таблига.

Поэтому такие вопросы, как число людей в каждом «патруле», территории, которые они охватывают, количество денег, выделенных на это, и т.д. обсуждаются представителями официального ислама с членами Джама'ат ат-Таблига. Государство даже попыталось, хоть и безуспешно, навязать им свой стиль одежды. Однако миссионеры Джама'ат ат-Таблига предпочли одеяния, привезенные непосредственно из Индии и Пакистана¹.

Джама'ат ат-Таблиг – не единственная исламская организация, независимая от властей и развивающая миссионерскую деятельность. Есть и другие движения, которые нелегальны, так как считаются политическими и радикальными. Одно из них – «Хизб ут-Тахрир». Присутствуя в некоторых городах Центральной Азии, особенно Ферганской долины, члены партии действуют скрытно. Партия имеет утопическую политическую программу, в основе которой – возрождение Всемирного халифата, который вновь объединит всех мусульман мира в единую умму. Этот политический проект был подвергнут запрету и преследованию во всех центральноазиатских государствах, особенно в Узбекистане, где партия имела довольно сильные позиции в начале 2000-х годов.

Многие местные эксперты утверждают, что связей между Джама'ат ат-Таблигом и «Хизб ут-Тахрир» почти не существует, что, однако, сложно подтвердить эмпирически, так как последняя организация закрыта для исследования. Тем не менее очевидно, что ее организационная структура и идеология противоречат Джама'ат ат-Таблигу. Это позволяет предположить отсутствие какой-либо тайной кооперации между ними. Если поинтересоваться мнением активистов Джама'ат ат-Таблига, то можно услышать несогласие с методами «Хизб ут-Тахрир». Они укажут на то, что лидеры их движения запретили политическую деятельность, которая воспринимается как *фитна*, источник разногласий и раздора в мусульманском сообществе.

Другие исламские движения на «рынке» центральноазиатского ислама представлены главным образом теми группами, которые пришли из Турции и чья активность в регионе подкрепляется их языковой близостью местным тюркским народам и хорошими отношениями между Анкарой со столицами большинства государств региона. Они не составляют особой конкуренции Джама'ат ат-Таблигу, которая нацелена на другую аудиторию.

¹ Интервью с Равшаном Братовым, сотрудником сектора призыва Духовного управления мусульман Киргизстана.

В первую очередь это последователи тариката Накшбандийя. Один из лидеров братства, Осман Нури Топбаш, открыл несколько медресе в Центральной Азии¹. Его работы были переведены на несколько центральноазиатских языков, а также на русский, и могут быть с легкостью найдены в большинстве магазинов около мечетей в больших городах региона (особенно в Киргизстане и Казахстане). Другое турецкое исламистское движение, Сулейманджилар, названное по имени его основателя Сулеймана Тунахана (1881–1959), присутствует в Центральной Азии через несколько коранических школ, действующих без официального разрешения². Наконец, активно в Центральной Азии неосуфийское братство Нурджулар, основанное Саидом Нурси (1876–1960). Одно из современных ответвлений братства возглавляется Фетхуллахом Гюленом (род. 1938)³. Этому турецкому движению присущи менее агрессивный прозелитизм и фокусирование на долгосрочных целях.

Община Гюлена не конфликтует с Джама'ат ат-Таблигом. То же самое можно сказать и о других турецких исламских движениях. Турецкие движения направлены на более образованных людей и действуют в рамках сфер турецкого влияния, например в секторе образования, или коммерции. Складывается впечатление, что турецкие и прочие исламские организации не знают друг о друге и даже равнодушны к дискурсу и действиям чужих сторонников. В других странах, например в Азербайджане, существуют те же тенденции развития ислама, но там, в отличие от Центральной Азии, Управление мусульман Кавказа регулярно организовывает диалоговые встречи между разными движениями. Наконец, важно рассмотреть современные связи между ячейками Джама'ат ат-Таблига в Центральной Азии и на Индийском субконтиненте. Как отмечалось выше, Джама'ат ат-Таблиг в Центральной Азии

¹ Три нижеследующих сайта позволяют получить общее представление об идеях лидера этого братства и его общины. Сайт на французском – www.terredepaix.com; турецком – www.altinoluk.com (ежемесячный журнал движения) и сайт, связанный с его общиной, – www.gonuldunyamiz.com

² Один из лидеров движения, Сулейманджилар, которого я встретил в Бишкеке в июле 2009 г., сообщил о 19 институтах движения в Киргизстане и 42 – в Казахстане. Размер этих заведений варьируется. Медресе может включать как 20 студентов, так и 300. Сайт www.tunahan.org предоставляет информацию об идеях духовного лидера движения Сулеймана Тунахана.

³ О миссионерской деятельности последователей Сайда Нурси и Фетхуллаха Гюлена см.: [Balci, 2003].

появился через проповедников из Индии, Пакистана и Бангладеш, прибывших в 1990-х и в начале 2000-х годов. В последние годы лишь несколько активистов Джама'ат ат-Таблига прибыли оттуда для продолжения дела, начатого их предшественниками. С другой стороны, полевые исследования в октябре 2009 г. в Нью-Дели, Деобанде и Лакхнау позволили обнаружить наложенный маршрут движения таблиговцев из Центральной Азии в Индию.

Исторический центр Джама'ат ат-Таблига располагается в традиционном квартале Нью-Дели – Низамуддин. Он продолжает привлекать таблиговцев со всего мира, в том числе из Центральной Азии. Я направился туда для получения нескольких интервью. Ежедневно и ежечасно последователи движения прибывали туда и принимались центром, который внешнему наблюдателю может показаться лишенным всякой организационной структуры. Посетители прибывали туда в рамках прохождения своих трех- и 40-дневных, а также четырехмесячных курсов обучения. Духовные наставники каждый вечер читали им проповеди, которые переводились с урду на арабский, русский или английский языки в зависимости от групп посетителей¹.

Паломников из стран бывшего СССР, по-видимому, должно быть много, так как даже во время моего присутствия там находилось как минимум десять человек, и все время прибывали новички. Молодые казахи, киргизы, таджики, татары и чеченцы приезжали туда послушать проповеди на урду, которые для них переводил татарин, по-видимому, связанный с этим центром. К моему удивлению, там оказались и два узбека из Коканда, которые случайно попали в центр. Интервью показали, что перемещение последователей происходит преимущественно в одном направлении. Жители Центральной Азии отправляются в паломничество в Индию, но индийские миссионеры больше не видят необходимости ехать в страны бывшего СССР для распространения своего учения.

Проведя несколько дней или недель в центре Низамуддина, посетители продолжают паломничество к другим центрам Джама'ат ат-Таблига, особенно в Деобанд, Калькутту, Мумбай и Лакхнау. Однако я не обнаружил центральноазиатских студентов, зачисленных на длительное обучение в религиозные институты этих городов. Чиновники, которых я встретил, включая ректора

¹ Во время моего присутствия в центре молодой человек смешанного французско-марокканского происхождения переводил на французский язык для группы, состоявшей из французов, выходцев из Северной Африки и Турции.

самого большого медресе в Деобанде, пояснили, что после сентября 2001 г. власти Индии не позволяют им принимать иностранных студентов на длительные периоды, за исключением нескольких малайзийцев и индонезийцев. Поэтому миссионеры Джама'ат ат-Таблига прибывают в эти города на трехдневный срок, после чего направляются в другие точки Индии, Пакистана и Бангладеш. В Деобанде, в доме, построенном специально для посетителей (*дар аз-зу'йф*), я встретил нескольких таджикских паломников, которые планировали продолжить паломничество в Лакхнау.

По сравнению с другими исламскими группами Центральной Азии группы Джама'ат ат-Таблига не ведут торговых отношений. Так, молодежь, встречаенная в этих индийских городах, не занималась никаким бизнесом параллельно с их религиозной активностью. Лишь узбеки с целью получения визы в Индию были вынуждены вступить в торговые отношения Индии с их страной. Те, кого я встретил, получили индийские бизнес-визы и занимались доставкой автомобильных запчастей, недоступных в Узбекистане.

Заключение

Исламскому возрождению в Центральной Азии способствовало несколько индо-пакистанских групп. Джама'ат ат-Таблиг направил туда значительное число миссионеров и сумел привлечь молодежь с целью ее духовного очищения. Особенно успешной была деятельность движения в городах Киргизстана, в которых высок уровень бедности и безработицы и где Джама'ат ат-Таблигу было легче осуществлять свою деятельность благодаря наличию сравнительно высокого уровня религиозной свободы.

Хотя присутствие индо-пакистанского исламского влияния в Центральной Азии становится все заметнее, его роль не стоит преувеличивать. Оно не важнее турецкого или арабского влияний. Современные религиозные элиты региона сформировались в большей степени под воздействием арабского мира и Турции, нежели индо-пакистанских движений. Студенты Центральной Азии едут на учебу чаще в Египет, Сирию (по крайней мере, до волнений там) и Турцию, чем в индо-пакистанские медресе. Более того, присутствие индо-пакистанского ислама не повлияло на политические отношения Центральной Азии с Индийским субконтинентом. Обращенный к маргинальной молодежи, индо-пакистанский ислам не обладает влиянием на элиты и не имеет политических амбиций.

В силу этих обстоятельств исламские организации Индии и Пакистана, в особенности Джама'ат ат-Таблиг, должны рассматриваться как транснациональные организации. Их влияние растет. Но вместе с тем Джама'ат ат-Таблиг не имеет политического веса главным образом по причине аполитического характера организации с самого момента ее основания. Однако ее распространение во всей Центральной Азии и прозелитизм среди молодых людей может в ближайшие годы привести к тому, что она выйдет за рамки маргинальной сферы и начнет действовать среди элит. Ее аполитичная позиция в настоящий момент не означает, что она не станет политизированной в будущем, особенно если социально-экономическая ситуация в регионе ухудшится.

Литература

1. Бабаджанов Б., Муминов А., Олкотт М. Мухаммаджан Хиндустани (1892–1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании советского ислама в Средней Азии) // Восток (Oriens). – 2004. – № 5.
2. Киргизские власти отказывают религиозной секте // Радио Свобода. – <http://www.rferl.org/content/kyrgyzOfficialsrejectMuslimSect/24438562.html>
3. Расулзаде Н. Из истории среднеазиатско-индийских связей второй половины XIX в. – Ташкент: Наука, 1968.
4. Algar H. A Brief History of the Naqshbandi Order // Gaborieau M., Popovic A. and Zarcone T. (eds.). Naqshbandis: Historical Development and Present Situation of a Muslim Mystical Order. – Istanbul and Paris: ISIS Press, 1990.
5. Balci B. Between Da'wa and Mission: Turkish Missionary Movements in Central Asia and the Caucasus // Hackett R. (ed.). Proselytization Revisited: Rights Talk, Free Markets and Culture Wars. – L.: Equinox Publishers, 2007.
6. Balci B. Les missionnaires de l'islam en Asie Centrale, les écoles turques de Fethullah Gülen. – P.: Maisonneuve et Larose-IFEAC, 2003.
7. Beisembiev. Ferghana's Contacts with India in the 18th and 19th Centuries (According to the Khokhand Chronicles) // Scott L. (ed). India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800. – N.Y.: Oxford University Press USA, 2007.
8. Chamupati M.A. Ten Commandments of Arya Samaj. – New Delhi: D.A.V. Publications, 2001.
9. Chaudet D. Hizb ut-Tahrir: An Islamist Threat to Central Asia? // Journal of Muslim Minority Affairs. – Vol. 26. – No 1. – 2006.
10. Dudoignon S.A., Noack C (eds.) Allah's Kolkhozes: Migration, De-Stalinization, Privatization and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s). – B.: Klaus Schwarz Verlag, 2014.
11. Farouki S. A Fundamental Quest: Hizb ut-Tahrir and the Search for the Islamic Caliphate. – L.: Grey Seal, 1996.
12. Foltz C.R. Mughal India and Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 1998.

13. Friedmann Y. Prophecy Continuous: Aspects of Ahmadi Religious Thought and its Medieval Background. – Berkeley, LA: University of California Press, 1989.
14. Fussman G. «Les inscriptions indiennes en Asie Centrale», «Arrivee et developpement du bouddhisme dans la region de Kaboul», lectures given at IFEAC in April 2007 and in May 2009.
15. Gaborieau M. What is left of Sufism in Tablighi Jama'at? // Archives de sciences sociales des religions. – Vol. 135. – 2006.
16. Gaborieau M. Un autre Islam: Inde, Pakistan, Bangladesh. – P.: Albin Michel, 2007.
17. Gross J.A. The Naqshbandiyya Connection from Central Asia to India and Back (16th–19th centuries) // Scott L. (ed). India and Central Asia: Commerce and culture, 1500–1800. – N.Y.: Oxford University Press USA, 2007.
18. Horn R. Soviet-Indian Relations: Issues and Influences. – N.Y.: Praeger Publishers, 1982.
19. Ilyas M. A Call to Muslims to Become an Ummah. – India: Aligarh, 1944.
20. Karagiannis T. Political Islam and Social Movement Theory: the Case of Hizb ut Tahrir in Kyrgyzstan // Religion, State and Society. – Vol. 33. – No 2. – 2005.
21. Kennedy C. Towards the Definition of a Muslim in an Islamic State: The Case of the Ahmadiyya in Pakistan // Vajpeyi D. and Malik Y. (eds.). Religious and Ethnic Minority Politics in South Asia. – New Delhi: Manohar, 1989.
22. Khedimella M. Esthetics and Poetics Dimensions of Apostolic Islam in France: The Emblematic Case of Young Preachers of the Tabligh Movement // Him Newsletter. – Issue 1. – Vol. 11. – 2002.
23. Khedimellah M. Les jeunes predicateurs du mouvement Tabligh, la dignite identitaire retrouvee par le puritanisme religieux? // Revue anthropologique. – No 10. – 2001.
24. Kucukcan T. An Analytical Comparison of the Aligarh and the Deobandi Schools // Islamic Quarterly. – Vol. 38. – No 1. – 1994.
25. Lai R., Sharma L. (ed.). A History of The Arya Samaj. New Delhi: South Asia Books, 1993.
26. Le reformisme musulman en Asie centrale, du 'premier renouveau' a la sovietisation // Les Cahiers du Monde Russe. – No. 1–2. – 1996.
27. Leriche P., Pidaev S. Termez sur Oxus Cite capitale d'Asie centrale. – P.: Maisonneuve and Larose-IFEAC, 2008.
28. Masud M. Travellers in Faith: Studies of the Tablighi Jamaat as a Transnational Islamic Movement for Faith Renewal. – Leiden and Boston: Brill, 2000.
29. Metcalf B. Islamic Revival in British India: Deoband, 1860–1900. – Princeton: Princeton University Press, 2004.
30. Nasriddinov E. Spiritual Nomadism and Central Asian Tablighi Travelers // Ab Imperio. – 2012. – No 2.
31. Olcott M. Sufism in Central Asia. A Force of Moderation or a Cause of Politicization? // Carnegie Papers. – No. 84. – May 2007.
32. Olcott M., Ziyayeva D. Islam in Uzbekistan: Religious Education and State Ideology // Carnegie Papers. – No. 91. – July 2008.
33. Reetz D. The «Faith Bureaucracy» of the Tablighi Jama'at: An Insight into their Self Organization, (Intizam) // Beckerlegge G. (ed.). Colonialism, Modernity, and

- Religious Identities: Religious Reform Movements in South Asia. – Oxford and Delhi: Oxford University Press, 2008.
34. Rotar I. Kazakhstan: Punished for Preaching in Mosques // *Forum* 18. 14 November 2006.
35. Rotar I. Uzbekistan: Why were some Tabligh Members Given Lesser Jail Terms than Others? // *Forum* 18. 3 December 2003.
36. Roux J.P. Babur, Histoire des Grands Moghols. – P.: Fayard, 1986.
37. Saidazimova G. Uzbekistan: Tabligh Jamaat Group Added To Uzbek Government's Blacklist // Radio Free Europe-Radio Liberty. – <http://www.rferl.org/content/article/1056505.html>
38. Schimmel A. Islam in the Indian Subcontinent. – Leiden: Brill, 1980.
39. Servan-Schreiber C. Le mouvement Ahmadiyya: Une organisation musulmane transnationale et missionnaire originale II *Apres-Demain*. No. 447–449. October–December 2002.
40. Tajikistan jails five members of Tablighi Jamaat // *Daily Times*. August 12, 2009.
41. Terrorisme islamiste dans la grande Asie Centrale: al Qaidisation du jihadisme ouzbek // IFRI Centre Russie / CEI. December 2008.
42. Toktogulova M. Le role de la *da 'wa* dans la reislamisation au Kirghizistan // *Cahiers d'Asie centrale* [Online], No. 15/16. 2007. – <http://asiecentrale.revues.org/index77.html>
43. Weismann I. The Naqshbandiyya: Orthodoxy and Activism in a Worldwide Sufi Tradition. – London–New York: Routledge, 2007.
44. Zarcone T. Ahmad Yasavi heros des nouvelles republiques centrasiatiques // Revue du monde musulman et de la Mediterranee. No. 89–90. 2000.
«Восток =Oriens»,
M., 2014 г., № 6, с. 5–17.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В. Иваненко,

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра Азии
и Ближнего Востока РИСИ

АФГАНСКИЙ УЗЕЛ

Концептуальные особенности стратегии США в Афганистане и Евразии

На протяжении многих десятилетий Афганистан является важнейшим вектором политического курса США на евразийском континенте. Он стал центром притяжения военно-политических усилий Вашингтона в силу географической близости к Советскому Союзу, а затем к России и региону Центральной Азии. Кроме того, Афганистан – важное звено выдвинутой З. Бжезинским, бывшим советником по национальной безопасности президента США Дж. Картера, идеи создания «дуги нестабильности» вокруг СССР / России, включавшей также так называемые «зеленые (исламские) пояса напряженности», продвижение которой продолжается и по сей день.

Известный российский специалист по Среднему Востоку и Центральной Азии, консультант РИСИ Д. Рюриков, много лет проработавший на афганском направлении и занимавший пост посла России в Узбекистане, справедливо предложил ввести в научный оборот категорию «американский замысел в отношении Афганистана». Его реализация началась со втягивания СССР в вооруженный конфликт в этой стране (1979), продолжилась операцией «Несокрушимая свобода», начатой в 2001 г., и будет осуществляться после 2014 г., т.е. после ее завершения. Такой подход действительно может способствовать более глубокому концептуальному и хронологическому анализу афганской политики США, не сводя его к событиям только текущего столетия.

З. Бжезинский, который по сей день оказывает серьезное влияние на формирование внешнеполитической линии США и НАТО, еще в 1979 г. заложил основы не только американского замысла в отношении Афганистана, но и всего евразийского курса Вашингтона. Тогда он продвигал тезис о том, что советское влияние в Афганистане будто бы угрожает национальным интересам США. На самом деле за этим тезисом стояла оценка афганской ситуации не только как ловушки для СССР, но и как «ценного политического шанса для продвижения Вашингтоном своих интересов в Евразии». Упомянутые принципы нашли отражение в стратегических концепциях НАТО последнего времени.

В 80-х годах прошлого столетия З. Бжезинский требовал «пускать русским кровь», а американские конгрессмены – еще и «отдать русским долг за 58 тыс. американцев, погибших во Вьетнаме». На практике это вылилось в интенсивную военную и финансую помощь афганским «моджахедам» («борцам за веру» или «воинам джихада») со стороны спецслужб США и Пакистана во взаимодействии с саудовскими исламистскими фондами. В конце концов, это создало реальные угрозы безопасности СССР, поскольку военная напряженность приблизилась к его границам. В 1988 г. по инициативе ЦРУ США был образован так называемый «Исламский союз северных народов Афганистана» (ИССНА) со штаб-квартирой в Пешаваре. В его задачи входило расшатывание ситуации в мусульманских анклавах СССР.

Обращает на себя внимание то, что у афганских моджахедов и у движения «Талибан» (ДТ), впоследствии свергнувшего власть моджахедов в Афганистане, были практически те же спонсоры и вдохновители: ЦРУ США, саудовцы, Объединенное разведуправление (ОРУ) и МВД Пакистана, пакистанская правая исламская партия «Джамаатеислами». Показательно, что в феврале 1995 г. «Уолл-стрит джорнал» писала: «Талибы – это, возможно, лучшее, что появилось в Афганистане за последние годы».

В 1999 г. была разработана новая на тот момент Стратегическая концепция НАТО. В экспертном сообществе она расценивалась как попытка оправдания натовской интервенции в Югославии. Но за ее положениями ясно просматривается и подготовка вторжения в Афганистан и Ирак. Концепция предполагала присвоение Альянсу права по своему усмотрению проводить военные операции за пределами его территории с учетом таких рисков, как терроризм, саботаж, организованная преступность и т.п. Это, в частности, противоречило ст. 53 Устава ООН, которая

говорит о том, что «никакие принудительные действия не предпринимаются... региональными органами без полномочий Совета Безопасности». Таким образом, Концепция 1999 г. фактически вывела НАТО за рамки международного правового поля.

Поводом для операции «Несокрушимая свобода», в начале которой был осуществлен ввод американских и натовских войск в Афганистан, стали, как известно, теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Существуют разные толкования этой трагедии, в том числе и опровергающие официальную версию Белого дома. В контексте же данного исследования для нас важно то, что вторжение в Афганистан, базировавшееся на принципах, заложенных в Стратегической концепции 1999 г., планировалось задолго до 11 сентября 2001 г. Известно, что уже 14 сентября американские представители начали переговоры с руководством Узбекистана о создании там военной базы для поддержки операции США в Афганистане, что свидетельствует о высокой степени предварительной подготовки к оккупации этой страны.

Последовательная цепь американских специальных и военных операций на афганском направлении – помохь афганским моджахедам, создание движения «Талибан» в противовес моджахедам, вторжение в Афганистан для обуздания талибов – часть стратегии Вашингтона по созданию обстановки нестабильности в Евразии. Продолжением этого курса стали вторжение США в Ирак под надуманным предлогом наличия у Багдада ОМУ, создание атмосферы политической турбулентности в обширном регионе Северной Африки и Ближнего Востока, или так называемая «арабская весна». Последствия тех или иных операций Вашингтона, ранее осуществленных в рамках этого курса, дают вполне предсказуемые рецидивы спустя многие годы. Очевидно, к примеру, что американцам не пришлось бы наносить удары по боевикам ИГИЛ в Ираке в 2014 г., если бы своим вторжением туда в 2002 г. они не создали там постоянно действующий очаг терроризма.

Как представляется, используемые сейчас методики изучения событий в Евразии, сфокусированные в основном на страновых и узкогеографических подходах к той или иной проблематике, в целом дают достаточно широкий материал для понимания происходящего в том или ином государстве или в отношениях сопредельных стран. Тем не менее работа «по осям» (скажем, Афганистан–США, США–Иран, Афганистан–Центральная Азия, Турция–Сирия, США–Сирия, США–Украина и др.) мало приближает нас к пониманию движущих механизмов и возможных результатов

происходящих в Евразии процессов. Цепь вооруженных и не-вооруженных конфликтов, возникающих на нашем континенте, требует их анализа в контексте евразийской политики Вашингтона.

В 2002 г. Госдепартамент США разработал проект «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», объявленная цель которого – осуществление «демократических преобразований» в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки. Его реализация стала причиной устранения неугодных режимов и расширения региона нестабильности на целый ряд из предусматривавшихся этим проектом арабских государств. В 2004 г. К. Рейнхард, президент одной из самых крупных мировых рекламных и маркетинговых фирм «DDB Worldwide», создал проект «Бизнес для дипломатии». Он охватывает подготовку менеджеров из 62 стран, воспитывая у них необходимые качества в интересах «имплементации лучших глобальных политических линий и практик». Считается, что в рамках этого проекта прошли подготовку и многие «революционеры» из арабских стран.

Накануне событий 2011 г. в Тунисе, положивших начало «арабской весне», была обнародована Стратегия национальной безопасности США 2010 г. Она предполагала «содействие в демократизации» странам третьего мира, вплоть до применения «превентивных мер против авторитарных режимов». Примеры ее реализации на практике – натовское вторжение в Ливию и помочь исламским экстремистам, в том числе алькаидовцам в Сирии. Рост исламского экстремизма в ваххабитском обличье, спровоцированный «арабской весной», отразился не только на Ливии, Сирии, Ираке, но и на обстановке на российском Северном Кавказе. На общий источник инициации событий на Украине и «арабской весны» указал В. Путин в своем обращении по поводу Крыма от 18 марта 2014 г.: «...странам навязывались стандарты, которые никак не соответствовали ни образу их жизни, ни традициям, ни культуре этих народов. В результате вместо демократии и свободы – хаос, вспышки насилия, череда переворотов. “Арабская весна” сменилась “арабской зимой”. Подобный сценарий был реализован и на Украине».

Характерно, что во время массовых беспорядков в Киеве, на площади Независимости, сторонники оппозиции рядом с национальным флагом Украины водрузили флаг сирийских экстремистов – бойцов поддерживаемой США так называемой «Сирийской свободной армии».

Что касается курса Вашингтона в отношении нашей страны, то он остается неизменным на протяжении длительного исторического периода. Очевидны совпадения, например, между афганскими событиями 80-х годов прошлого столетия и украинскими 2014 г. Помощь Вашингтона и его союзников экстремистским группировкам привела к возникновению, а затем и консервации состояния гражданской войны в Афганистане на многие десятилетия. Рядом с границами СССР тогда образовался постоянно тлеющий очаг нестабильности. Москва оказалась противопоставленной чуть ли не всему международному сообществу, понесла большие человеческие и экономические потери, столкнулась с серьезными, если не фатальными, внутриполитическими трудностями.

Американская операция на Украине привела к тому, что она, как и Афганистан, оказалась ввергнутой в пучину гражданской войны. Антироссийская составляющая этой операции заключается в дестабилизации ситуации в «подбрюшье» России (продолжение «дуги нестабильности», по З. Бжезинскому), в создании для нее внешнеполитических проблем и беспрецедентных экономических трудностей. Кроме того, под предлогом «русской угрозы» натовцы планируют развернуть в Восточной Европе пять новых военных баз.

Не менее очевидно, что следующим значимым для Вашингтона достижением было бы втягивание России в гражданскую войну на Украине, как в конце 70-х – Советского Союза в войну в Афганистане.

И в Афганистане, и на Украине американцы сыграли на противопоставлении частей населения этих стран по этноязыковому признаку. В Афганистане с созданием движения талибов началось военное противостояние между в массе своей пуштуноязычными южанами и таджико- и узбекоговорящими северянами. На Украине – между украиноговорящим Западом и русскоязычным Востоком.

И там, и там американский локомотив «демократии» продвигается, опираясь на крайне экстремистские и антигуманные силы. Режим талибов в Афганистане был отмечен средневековым варварством и человеконенавистничеством. Всё это свойственно им и сейчас. В июне 2014 г. в провинции Герат талибы отрезали пальцы 11 избирателям, которые возвращались с президентских выборов. Согласно порядку, принятому в Афганистане, где значительная часть населения неграмотна, подпись под документом может заменить чернильный отпечаток большого пальца. Именно

этот палец талибы и отрезали избирателям. Все пострадавшие – люди весьма преклонного возраста, то есть представители самой почитаемой в Афганистане категории населения, которых не только калечить, но даже противоречить им не принято.

А что же Украина? Как относиться к желанию Ю. Тимошенко «расстреливать русских на Украине из ядерного оружия» или к призыву одного из украинских капелланов греко-католической церкви «за каждого нацгвардейца убивать десятки ополченцев» (русскоязычных)? Мы уже не говорим о массовых расстрелах мирного населения украинскими силовиками. Они стали причиной того, что созданный в ходе вьетнамской войны всемирно известным философом Б. Расселом международный трибунал его имени обвинил П. Порошенко и лауреата Нобелевской премии мира Б. Обаму в геноциде мирного населения, признав их виновными в военных преступлениях.

Если к этому добавить ставшие регулярными высказывания Б. Обамы о лидирующей роли США в современном мире и сопоставить их с нацистским лозунгом Второй мировой «Германия превыше всего», то напрашиваются и соответствующие идеологические характеристики американского курса.

По наблюдениям эксперта РИСИ В. Холодкова, борьба на нефтяном фронте против России ведется теми же методами, что и во время советского присутствия в Афганистане. По договоренностям, достигнутым тогда директором ЦРУ У. Кейси с королем Саудовской Аравии, были предприняты совместные акции для обрушения мировых цен на «черное золото», что нанесло удар по экономике СССР. В ходе визита в марте 2014 г. президента Б. Обамы в Саудовскую Аравию тоже были согласованы совместные действия по игре на понижение цен на нефть и газ с известным результатом для России.

Еще одно совпадение могло бы сойти за исторический анекдот, если бы не было чревато серьезными последствиями. Во втором десятилетии XXI в., как и в предпоследнем десятилетии века XX, инициатор поставок оружия в Афганистан З. Бжезинский призывает поставлять его и на Украину, дабы отомстить России за... Вьетнам.

В то же время одним из отличий афганской ситуации, скажем, до вывода советских войск из Афганистана, и нынешней украинской заключается в несравненно более высокой степени мобилизации Вашингтоном своих европейских союзников для организации политического и экономического давления на Россию.

Очевидной целью этой составляющей украинской кампании США является выгодная Вашингтону и ущербная для Москвы и европейских столиц их изоляция друг от друга.

«Несокрушимая свобода», безусловно, стала одним из ключевых, но всё-таки эпизодом практики вторжений США в другие страны. Журнал «The News» недавно опубликовал перечень нападений США на другие страны. С учетом последних событий в Ираке получается, что с начала прошлого столетия американцы вторгались в другие страны или наносили по ним удары 97 раз. 45 эпизодов приходится на американский континент и 52 – на Евразию, Северную и Южную Африку. Причем с последнего десятилетия XX в. все вторжения, авиационные и военно-морские удары осуществлялись Вашингтоном за пределами своего континента (21 эпизод). Авторы упомянутого исследования включили в свой список и события на Украине 2014 г. Вашингтон применил там прием, опробованный в Афганистане. На Украине, как и в ИРА, действуют наемники из американских частных военных компаний (ЧВК) – например, фирма «Blackwater», в руководство которой входят многие бывшие высокопоставленные функционеры ЦРУ и Пентагона. Таким способом Вашингтон осуществляет слегка закамуфлированное разведывательное и военное вмешательство в украинские дела.

Моральные аспекты упомянутой операции «Несокрушимая свобода» также более чем сомнительны. Еще в самом ее начале политолог З. Гроссман (США) писал: «К сожалению, американские военные... готовы лишить жизни тысячи иностранцев, доказывая, что убивать американских граждан было неправильно». По свидетельству директора региональной программы «Amnesty International» по Азиатско-Тихоокеанскому региону Р. Беннета, «тысячи афганцев были убиты и ранены американскими военными, но у пострадавших и их родственников нет никаких шансов на возмещение ущерба: военная юстиция США почти никогда не привлекает к ответственности за незаконные убийства и другие злоупотребления».

Продвижение американских интересов в регион Ближнего и Среднего Востока путем организации вооруженных конфликтов имеет и чисто экономическую подоплеку, на которой мы не имеем возможности подробно остановиться. Любые локальные конфликты повышают спрос на доллар, поскольку инвесторы используют его в качестве «валюты-убежища». Самый свежий пример, под-

тврждающий этот тезис, – тот же конфликт на Украине. Кроме того, взлетают акции компаний ВПК США.

США, исламские экстремисты и наркотики

В 90-х годах прошлого столетия стала проявляться двойственность позиции Вашингтона и по отношению к действовавшим на территории Афганистана «Аль-Каиде» и движению «Талибан» (ДТ). США предоставили убежище саудовскому миллионеру У. бен-Ладену, обвинявшемуся в совершении терактов против американских посольств в Кении и Танзании, где погибли 224 человека. Это было бы трудно объяснить, не имей семейство Бушей и клан бен-Ладена общего нефтяного бизнеса в Техасе. Кроме того, в тот период Дж. Буш-старший был директором ЦРУ, активно работавшим с талибами.

В октябре 1999 г. США инициировали подготовку резолюции 1267 Совета Безопасности ООН, которой были введены санкции против ДТ. Но это произошло уже при демократе Б. Клинтоне. Когда же в Белый дом вернулся республиканец Дж. Буш-младший, а затем демократ Б. Обама, – к отношениям между США, ДТ и «Аль-Каидой» вопросов появилось еще больше, чем при Бушестаршем. Попавшая же в СМИ информация о том, что еще в возрасте 25 лет Барак Хусейн Обама был связан с руководителями исламской экстремистской организации «Чёрные пантеры» и саудовской монархией, может многое объяснить. Если верить этой информации, то будущий президент США поступил в Гарвардскую школу права по рекомендации наставника руководителей этой организации Халида аль-Мансура, который одновременно был специальным советником саудовского принца Аль-Валида бин-Талала, вкладывавшего большие средства в поддержку исламских благотворительных организаций в США и в обучение студентов.

На протяжении двух десятилетий, прошедших с того момента, когда талибы впервые серьезно заявили о себе, отношения между американскими силовыми структурами и ДТ приобрели крайне запутанный характер. В Афганистане талибы и американские силовики находятся в состоянии перманентного вооруженного противостояния и взаимозависимости. Но если талибы вполне могли бы существовать и без американцев, то последним ДТ необходимо как повод для присутствия в этой стране.

13 лет боевых и антитеррористических действий в Афганистане возглавляемого США оккупационного военного контингента, численность которого иногда доходила до 150 тыс. человек, и почти 300 тыс. афганских военнослужащих, полицейских и других силовиков не смогли достичь решающего успеха в борьбе с талибами. Такого рода «парадокс» объясняет заключение эксперта Центра новой американской безопасности П. Кронина: «Интересы США не предполагают военной победы над талибами, более того, такая стратегия была бы контрпродуктивной для наших интересов». Афганские же источники утверждают, что натовцы снабжают боевиков оборудованием, боеприпасами и даже оказывают им содействие в переброске групп боевиков из одного района в другой. Эта поддержка имеет и финансовую составляющую. Специальный инспектор по восстановлению Афганистана Дж. Сопко заявил, что благодаря контрактам, заключенным США с афганскими компаниями, которые поддерживают боевиков, талибы получили с 2008 г. более 150 млн долл.

С целью привлечь талибов к политическому процессу и создать видимость позитивного развития ситуации в Афганистане Вашингтон и Кабул согласились на учреждение представительства ДТ в Дохе. 18 июня 2013 г. там состоялась церемония открытия офиса талибов. Однако дело закончилось дипломатическим конфузом. В официальной обстановке в присутствии представителей МИД Катара и США талибы подняли свой флаг, а над входом в представительство прикрепили табличку «Миссия Исламского Эмирата Афганистан», имея в виду самопровозглашенное государство на территории Афганистана в период правления ДТ, с 1996 по 2001 г. В ответ президент ИРА Х. Карзай запретил афганским представителям участвовать в переговорах с талибами в Катаре. В результате флаг сняли, «миссию» временно прикрыли, но «осадок остался».

Тем не менее уже в ноябре того же, 2013 г. в афганской провинции Гильменд началась аprobация проекта по фактической передаче полевым командирам талибов контроля над рядом южных провинций ИРА. Эту миссию неофициально выполнял британский контингент НАТО. Однако верхушка талибов рассчитывает на то, что после 2014 г. не отдельные провинции, а вся власть в Афганистане перейдет к ДТ.

За время натовского пребывания в Афганистане там в десятки раз возросло производство наркотиков. В ИРА сосредоточено 90% мирового производства героина, из них не менее 25%

направляется по «Северному маршруту», проходящему через территории государств Центральной Азии в Россию. По оценкам ООН, в год от афганского героина у нас погибает до 10 тыс. человек. Число людей, которые ежегодно умирают от передозировки героина, к примеру, в странах НАТО (также более 10 тыс. человек), в 5 раз превышает общее число военнослужащих Альянса, убитых в Афганистане в период с 2001 по 2009 г.

Объемы наркопроизводства напрямую зависят от посевных площадей, которые за время присутствия войск НАТО в Афганистане не только не сократились, а наоборот, значительно возросли. В 2013 г. их площадь составляла около 154 тыс. га. Борьба с наркотрафиком бесперспективна, пока не устранена первопричина наркопроблемы – наркопосевы. В Колумбии американцы для борьбы с актуальной для США «кокаиновой угрозой» распыляют с воздуха дефолианты. Однако в Афганистане войска НАТО не пытаются бороться с производством опиатов, предпочтая не сориться с местными наркобаронами и наркокартелями. Американцы делают упор исключительно на борьбу с наркотрафиком, а не с выращиванием опиатов и наркопроизводством. Таким образом, проблема сознательно переворачивается с ног на голову, и основное внимание фокусируется на борьбе с ее последствиями, а не причинами. Резолюция 1833 СБ ООН призывала Международные силы содействия безопасности устраниить угрозы, создаваемые незаконным производством и оборотом наркотиков. Однако командование натовскими контингентами оставило эти призывы без внимания. Суть проблемы заключается в том, что афганские наркотики не несут угрозы США. Туда они поступают из Мексики и Колумбии. Странно другое: в «борьбе» с афганской наркоугрозой страдающие от нее европейцы придерживаются той же линии, что и Вашингтон.

В контексте сопутствующей темы «ДТ – наркотики» нельзя не упомянуть распространенного в российском экспертном сообществе мнения о том, что талибы-де, прийдя к власти, прекратят производство наркотиков. Это предположение строится на основе precedента, когда накануне операции «Несокрушимая свобода» лидеры талибов действительно наложили вето на наркопроизводство. Тогда эта акция носила одновременно вынужденный и по большому счету достаточно безобидный для ДТ характер. С одной стороны, антиталибские санкции достигли апогея, с другой – имело место перепроизводство опиатов, которые не могли «переварить» имевшиеся в Афганистане нарколаборатории.

Нельзя, конечно, полностью исключать того, что в случае прихода к власти в Афганистане талибов они, чтобы добиться расположения мирового сообщества, объявили о прекращении производства наркотиков, но долго это продолжаться не может. Экономика Афганистана носит абсолютно наркозависимый характер. Прекратить производство наркотиков для талибов будет равнозначно тому, чтобы остаться или почти остаться без средств к существованию. В любом случае наркопоток из Афганистана как до, так и после сокращения натовских контингентов, будет оставаться одной из главных угроз безопасности России.

Военные и политические итоги операции «Несокрушимая свобода»

Под впечатлением неубедительных достижений Вашингтона в борьбе с афганскими экстремистами в международном экспертном сообществе нередко высказывается мысль о том, что США в Афганистане потерпели поражение. Это очевидно, но только если исключить, что действительной целью операции «Несокрушимая свобода», завершающейся в 2014 г., было обеспечение долговременного военного присутствия США на Среднем Востоке. Выступая в марте 2011 г. в Сенатском комитете по обороне, командующий войсками НАТО в ИРА в тот период генерал Д. Петреус заявил, что для США крайне важно остаться в регионе, в котором у них имеются жизненно важные интересы, а инструментом этого присутствия должны стать «совместные афганоамериканские базы». В подписанным 30 сентября 2014 г. двустороннем «Соглашении о сотрудничестве в области обороны и безопасности» обозначены девять баз на территории Афганистана, которые могут быть использованы ВС США: Кабул, Баграм, Мазари-Шариф, Герат, Кандагар, Шураб, Гардез, Джелалабад, Шинданд. Эти базы охватывают практически весь периметр границ Афганистана. О каком поражении Вашингтона в таком случае может идти речь? Вопрос тем не менее заключается в том, во что выльется в экономическом и военно-политическом плане существование этих баз для самих США и региона. Но это уже дело будущего. Очевидно, что декларированная США «война с международным терроризмом», которую они действительно формально проиграли, была только средством приближения к главной цели.

Ее достижение неожиданно для американцев застопорилось в конце 2013 г. В ноябре президент Афганистана Х. Карзай отка-

зался подписать упомянутое соглашение, переложив эту обязанность на нового президента. Существуют разные предположения насчет мотивов, которыми он руководствовался. Есть мнение, что афганский президент, таким образом, добивался от американцев поддержки на предстоявших в апреле 2014 г. президентских выборах кандидатуры своего брата Каюма, чего они делать не собирались. Нельзя сбрасывать со счетов и то соображение, что он не хотел войти в историю как президент, обеспечивший американцам долговременное присутствие в своей стране.

Тем не менее главный для американцев вопрос президентских выборов в Афганистане – подписание упомянутого двустороннего соглашения – выглядел для Вашингтона решенным уже после первого тура выборов, состоявшегося в апреле 2014 г. Один из его победителей – пуштун и откровенно проамериканский политик А.Г. Ахмадзай подписание этого документа ставил во главу угла своей избирательной кампании. Да и А. Абдулла – выразитель интересов нацменьшинств – также обещал поставить под ним свою подпись.

Несмотря на то что первый тур голосования выиграл Абдулла, которому до полной победы не хватило чуть больше 5% голосов, мало кто из наблюдателей сомневался в окончательной победе Ахмадзая в силу традиционной ставки американцев в афганской политике на пуштунов.

Второй тур голосования, состоявшийся 14 июня 2014 г., поначалу не предвещал каких-либо катализмов. Несмотря на попытки вооруженной оппозиции сорвать его проведение, явка избирателей составила 58%. По предварительным итогам второго тура голосования Ахмадзай набрал 56,4% голосов против 43,6% Абдуллы. Трудности возникли из-за скандала с вывозом из здания Национальной избирательной комиссии грузовика с чистыми бюллетенями, который организовал ее председатель, замеченный в связях с Ахмадзаем. Абдулла заявил, что он не признает результаты выборов. Дело дошло до полного пересчета голосов. Его результаты Абдулла тоже долго не признавал. Очевидно, в это время между командами претендентов шел торг за распределение властных полномочий.

С 2001 г. и по сей день вопрос о президенте Афганистана никогда не был чисто внутренней афганской проблемой, он всегда имел американскую доминанту. Вмешательство США в электоральный процесс в ИРА, похоже, сам того не ведая, подтвердил Б. Обама. В мае 2014 г., выступая перед выпускниками военной

академии Вест-Пойнт, он заявил: «Афганцы голосовали за первую в их истории демократическую передачу власти». Другими словами, все предыдущие выборы, когда президентом избирался американский ставленник Х. Карзай, не были демократичными. И на выборах 2014 г., после плотной работы американских дипломатов с кандидатами в президенты, их победителем был вновь объявлен пуштун и проамериканский политик, теперь уже А.Г. Ахмадзай. Пост главы правительства достался А. Абдулле. «Избрание» президента состоялось на основе соглашения между претендентами о разделе власти. Такого рода подведение итогов выборов Конституцией Афганистана не предусмотрено.

В связи с этим нельзя не отметить, что форма подведения итогов президентских выборов 2014 г. является своего рода миной замедленного действия, заложенной под военно-политическую ситуацию в Афганистане. Нелегитимность подписанных кандидатами соглашения может привести к тому, что президент, являющийся представителем одного этнополитического лагеря, может не признать полномочий главы правительства, выражающего интересы другого, и наоборот. Бывшие конкуренты под давлением Вашингтона договорились создать «правительство национального единства». Однако в том, что оно таковым и будет, поводов сомневаться значительно больше, чем верить. Недовольство влиятельных представителей населенного нацменьшинствами севера Афганистана результатами выборов президента стало очевидно сразу после их окончания. Губернатор провинции Балхтаджик Ата Мухаммад Нур демонстративно отказался поздравить А.Г. Ахмадзая с победой.

Интересно то, что Ахмадзай, во время своей предвыборной кампании ратовавший за подписание двустороннего «Соглашения о сотрудничестве в области обороны и безопасности», как и Х. Карзай, подписывать его не стал. Он переложил эту обязанность на вновь назначенного советником президента по вопросам национальной безопасности, бывшего министра МВД ИРА М.Х. Атмара. Таким образом, первые лица Афганистана с завидным постоянством уходят от того, чтобы поставить свою подпись под документом, лишающим их страну независимости.

Со стороны США американо-афганское соглашение подписал посол в Кабуле Дж. Каннингем, со стороны НАТО – старший гражданский представитель Альянса в Кабуле М. Джохемс. Обращает на себя внимание низкий статус подписавших данный документ.

Выборам президента Афганистана сопутствовало ухудшение ситуации с безопасностью в стране. Военно-политическая обстановка в ИРА сохраняла высокую напряженность. Только за первую половину 2014 г. ДТ осуществило 691 атаку на населенные пункты и силовые структуры Афганистана, иностранные военные гарнизоны. По признанию властей ИРА, текущий год стал самым кровавым для афганских силовиков. С начала года потери только полиции составили 1523 человека убитыми. На рост напряженности указывает и статистика Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА). По ее данным, с января по июнь прошлого года количество жертв среди мирного населения увеличилось на 24% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Боевики активизировали военные действия на территориях, перешедших под ответственность национальных афганских силовых структур, блокировали транспортные пути, захватывали сельские районы и уездные центры. Продолжающийся вывод войск сопровождается потерей Кабулом контроля над отдаленными районами страны.

Одновременно не затихала и так называемая «война «зеленых» против «синих»» – нападения афганских силовиков на своих западных «братьев по оружию». В августе 2014 г. во время посещения высокопоставленной американской делегацией военной академии под Кабулом афганский солдат открыл огонь по ней из автоматического оружия. В результате погиб американский генерал-лейтенант и ранены восемь солдат, четверо из них тяжело; кроме того, получили ранения немецкий и афганский генералы. Всего с 2011 г. зафиксировано 87 таких «инсайдерских атак».

В мае 2014 г. Б. Обама озвучил план вывода войск из Афганистана. После окончания боевых операций в декабре 2014 г. в стране должны остаться сроком на один год 9800 американских военнослужащих. В течение 2015 г. их численность сократится вдвое. Остающийся контингент будет заниматься советнической деятельностью и обучением афганских военных. В течение 2016 г. численность американских военных в Афганистане станет еще в 2 раза меньше. Потом она сократится до обычных размеров армейской группы помощи, работающей под руководством послы и занимающейся вопросами поставок оружия. Американские союзники по НАТО также подтвердили сохранение в Афганистане до 5 тыс. военных инструкторов. После 2014 г. «Несокрушимая свобода» преобразуется в следующую операцию, под названием «Решительная поддержка», в рамках которой натовские военные и будут выполнять вышеописанные функции.

Афганцы неодинаково отреагировали на заявления американского президента. Те из них, кто поддерживает центральную власть, крайне озабочены последствиями такого решения и даже считают, что вывод войск США ввергнет страну в кризис. Руководство же талибов уверено, что заявление Обамы вдохновило боевиков и «священный джихад будет актуален, пока последний американский солдат не покинет землю Афганистана».

План президента США скорее камуфлирует, чем демонстрирует реальные намерения Вашингтона по обеспечению американского военного присутствия в Афганистане. В нем вообще ничего не говорится об упоминавшихся выше частных военных компаниях. В середине 2013 г. на одного американского военнослужащего приходилось 1,6 контрактника. Американское присутствие в Афганистане вроде бы сокращается, но частная армия там остается. По мнению американских аналитиков, все возрастающее использование контрактников в Афганистане дискредитирует саму идею вывода войск из этой страны.

Б. Обама пытается демонстрировать своим соотечественникам желание «перевернуть афганскую страницу» в истории страны, 13 лет довлевшую над внешней политикой США. Важную роль сыграло и то, что за 14 лет в Афганистане погибло уже 2340 американцев. Обнародовав упомянутый план, Обама заявил, что «окончание Афганской войны... позволит переадресовать ресурсы на обеспечение более широкого пакета задач в глобальном измерении». Очевидно, на сокращение американских контингентов в Афганистане повлияло решение об их наращивании в Восточной Европе. Другое направление стратегических усилий США – Азиатско-Тихоокеанский регион. По заявлению заместителя министра обороны США Р.О. Уорка, к 2020 г. там будут дислоцированы 60% военно-морских и военно-воздушных сил этого государства.

* * *

С 1979 г. на Среднем и Ближнем Востоке, как следствие нескольких разведывательно-информационных и военных операций США, сформировался постоянно действующий очаг напряженности, дестабилизирующий ситуацию в Северной Африке и Евразии и к тому же находящийся на значительном удалении от США. Нарастающий хаос в международных делах непосредственно связан с планомерно продвигаемым США процессом торможения создания второго мирового центра силы.

Выше мы говорили о целесообразности введения в научный оборот категории «американский замысел в отношении Афганистана», реализация которого началась еще в 1979 г. втягиванием СССР в вооруженный конфликт в этой стране. Как представляется, формат этой категории можно было бы расширить до «американского замысла в отношении Евразии». Эта концепция может раздвинуть не только географические рамки исследования американского присутствия в Евразии, но и прогностическую базу, касающуюся намерений Вашингтона в регионе. Вторжение в Афганистан, стимуляция «арабской весны», поддержка фундаменталистов в Ливии и Сирии, события на Украине видятся частью этого замысла. Важнейшей его составляющей является и стремление остановить продвижение России в число мировых лидеров. В случае решения этой задачи основные усилия Вашингтон сосредоточит на Пекине.

Одна из угроз безопасности России исходит из практики создания под предлогом борьбы с терроризмом постоянных американских военных баз в Афганистане и государствах Центральной Азии, а в перспективе, возможно, и на Кавказе. Просматривается также линия на увязывание натовских баз в Афганистане и ЦА в единую систему. В непосредственной близости от базы в афганском Мазари-Шарифе находится немецкая военная база в узбекском Термезе. Кроме того, США создают сеть военных опорных пунктов в государствах Центральной Азии, которыми могут быть транзитные и логистические центры, а также учебные центры «по борьбе с терроризмом». Для решения этой задачи открыт центральноазиатский офис связи НАТО в Ташкенте. Появились указания на то, что после визита в Ташкент командующего Центральным командованием Вооруженных сил США Л. Остина 30 июля 2014 г. забрезжила перспектива воссоздания в Узбекистане военной базы США, которая была ликвидирована после андижанских событий 2005 г.

Американцы, соперничая с Россией, сотрудничают и с Таджикистаном в военной сфере и подготовке кадров для силовых структур. Тем не менее в октябре 2013 г. нижняя палата таджикского парламента ратифицировала новое соглашение о российской 201-й военной базе на территории республики, продлевавшее срок ее пребывания до 2042 г. Таджики долго затягивали вопрос о продлении данного соглашения, но в конце концов пошли на это в надежде, что «российские военнослужащие могут оказать

содействие в случае проникновения в республику террористических группировок», понятно, с какого направления.

В Афганистане и регионе Центральной Азии уже сейчас действует около десяти различных террористических организаций, связанных с афганским движением «Талибан». В большинстве случаев отряды Исламского движения Узбекистана, Исламского движения Таджикистана и другие действуют как структурные подразделения ДТ. В Афганистане упомянутые радикальные группировки вооружаются, пополняются и приобретают боевой опыт. В тренировочных лагерях боевиков проходят обучение и российские исламисты из Поволжья и Северного Кавказа. Появление их в России уже стало объективной реальностью.

Любое развитие ситуации в Афганистане после 2014 г. за-консервирует эту страну в качестве системообразующего элемента дестабилизации на Среднем Востоке. В увязке с обстановкой на Ближнем Востоке ИРА станет одним из двух основных полюсов нестабильности в Евразии в целом. Афганские талибы уже предложили боевикам ИГИЛ «всю возможную поддержку».

В связи с этим значительно возрастает роль региональных международных организаций, в первую очередь ШОС и ОДКБ. Имеющаяся в ОДКБ военная составляющая делает ее важным элементом противодействия региональным угрозам, исходящим из Афганистана. Механизм договора уже был задействован в ситуации с вторжением боевиков ИДУ из Афганистана в Киргизию в 2012 г. Он может быть использован вновь в случае повторения подобной ситуации. Соответствующие решения на этот счет Организацией уже приняты.

На фоне рисков, исходящих из Афганистана, и нового мас-сированного наступления США в Евразии обнадеживающе выглядит проявление давно напрашивавшейся тенденции расширения и силового укрепления ШОС. О реальности такого рода намерений свидетельствуют прошедшие на территории Китая накануне саммита самые масштабные за историю ШОС совместные военные учения – «Мирная миссия-2014». Официальным поводом для их проведения стало ожидаемое сокращение натовских контингентов в Афганистане. Запланировано вступление в ШОС в качестве полноправных членов Индии и Пакистана. В итоге получается, что, проводя агрессивную стратегическую линию в Евразии, направленную на недопущение образования там второго мирового полюса силы, США сами способствуют его формированию. Если к этому добавить, что ключевые члены ШОС и Индия входят и

в БРИКС, то этот полюс приобретает весьма внушительные очертания.

Не менее важно и определение роли России в афганских делах в связи с неизбежной регионализацией решения афганской проблемы. Актуальным становится вопрос о возобновлении российского присутствия в Афганистане. К примеру, американцы, индийцы и китайцы открыли в Афганистане университеты, благодаря которым не только осуществляют подготовку национальных кадров, но и увеличивают число своих сторонников в ИРА. В то же время Россия, имеющая за плечами советский опыт и богатую традицию сотрудничества с Афганистаном в области высшего и среднего специального образования, вообще ушла из этого сегмента общественной жизни ИРА. То же относится и к присутствию России в медиийной сфере Афганистана, которую полностью контролируют США, их союзники, а также Индия, Иран и Пакистан.

Регионализация афганской проблемы открывает перед Россией возможности укрепить свои политические позиции в Афганистане, на Среднем Востоке и в Центральной Азии. Уже накопленный Москвой опыт и авторитет при решении сирийской проблемы, продемонстрированная российской дипломатией способность усадить враждующие стороны за стол переговоров могут стать хорошей базой и в немалой степени способствовать разрешению внутриафганского конфликта. «Регуляторами» ситуации в Афганистане и вокруг него, несмотря на определенные противоречия внутри триады, могли бы стать Москва, Пекин и Нью-Дели. Весьма ценным было бы участие в этом процессе также Ирана и Пакистана.

«Москва», М., 2015 г., № 3, март, с. 138–149.

У. Шарипов,

доктор исторических наук (ИВ РАН)

СИРИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ –

НАЧАЛО ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ХХI в.

Сирия – одно из древнейших государственных образований Ближнего Востока. Несмотря на многократно складывавшиеся неблагоприятные обстоятельства на ее историческом пути существования, она сохранила свой самостоятельный цивилизационный и политический облик. После восстановления в 1941 г. государ-

ственной независимости¹ Сирия неоднократно переживала внутренние государственные перевороты. Наконец, в 1963 г. после очередного военного переворота власть в стране утвердилась в руках Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) (часто используется название «Баас» (ар. «возрождение»)). В 1964 г. была принята новая Конституция, в которой была закреплена ведущая роль ПАСВ. Такая верховная власть в Сирии незыблемо сохранилась вплоть до начала второго десятилетия XXI в. В этот период по арабским странам Ближнего Востока прокатилась так называемая «арабская весна» – общественные социальные потрясения, которые захватили также и Сирию.

I этап

Антиправительственные выступления, спорадически вспыхивавшие в ряде сирийских городов и районов с конца первого десятилетия XXI в., уже в марте 2011 г. обозначили начало глобального политического кризиса сирийской государственности. Началась вооруженная борьба организованной разношерстной оппозиции с центральной властью Сирии. Лидеры повстанцев требовали безусловной отставки президента Башара Асада и правительства, а также демократизации политической системы.

В свою очередь, центральные власти, пытаясь ослабить давление оппозиции и разрядить конфликтную ситуацию, стали предлагать постепенное реформирование государственной структуры управления в качестве единственного варианта разрешения внутриполитического социального кризиса – это парламентские выборы в стране. Осуществив определенные перестановки в центральном правительстве, отменив режим чрезвычайного положения, действовавший в стране 48 лет, президент Башар Асад и поддерживавшие его правящие круги отказались делать какие-либо другие уступки оппозиционерам.

Однако оппозиция, в свою очередь, заявила, что это – «запоздалые меры». Таким образом, вооруженная борьба в стране получила стимул к расширенному развитию.

¹ В 1922 г. Лига Наций приняла решение разделить бывшие сирийские владения Османской империи между Великобританией и Францией. Великобритания получила Иорданию и Палестину, а Франция – современную территорию Сирии и Ливана (так называемый «мандат Лиги Наций»).

Подразделения сирийской армии поочередно стали вводиться в города Деръя, Дума, Банияс, Хама, Хомс, Алеппо, Талкалах, Идлиб, Растан, Джиср аш-Шугур, Дейр-эз-Зор, Забадани, Латакия и в ряд других, в которых наблюдались антиправительственные вооруженные акты.

С лета 2011 г. лидеры повстанцев и перебежчики из Национальной армии приступили к формированию более крупных боевых отрядов, которые начали вооруженную кампанию против сирийских регулярных подразделений. В результате ожесточенные столкновения вспыхнули на севере, юге и востоке страны, которые усилились к концу года. На этом этапе ряд повстанческих вооруженных подразделений пошли на взаимное объединение, провозгласив образование Свободной армии Сирии, и таким образом стали демонстрировать всё более организованный характер своих боевых операций. В конце 2011 г. повстанцы установили контроль над некоторыми городами и деревнями в провинции Идлиб, а также захватили город Забадани в провинции Риф Дамаск и расположенный недалеко от Дамаска город Дума.

Практически с самого начала вооруженного выступления сирийской оппозиции, особенно с мая 2011 г., США и другие страны, заявляя о жестоком подавлении правительственными силовыми органами протестов и выступлений оппозиции, начали оказывать на сирийского президента Башара Асада нарастающее давление.

Прежде чем определять роль США и других западных держав во внутрисирийском политическом конфликте, небезынтересно представить материалы о двойных стандартах их подхода к событиям в указанной стране. Так, в монографии российских исследователей М. Мусина и Эль-Мюрида «Сирия, Ливия, далее везде! Что будет далее с нами» было отмечено, что «США и Турция на нефтедоллары Катара и Саудовской Аравии активно дестабилизируют ситуацию в Сирии. В то время как Хилари Клинтон убеждает мировое сообщество в необходимости военной интервенции в Сирию, ЦРУ активно поддерживает и тренирует боевиков. США и их союзники по НАТО вербовали главарей террористических организаций и обычных уголовников из разных стран мира в качестве наемников, а затем готовили их в специальных лагерях на турецкой и ливанской территории...» Границу с Сирией перешли до 10 тыс. профессиональных наемников, боевиков и террористов, имеющих на вооружении 50 танков и БМП, десятки ПЗРК. А президент США Б. Обама подписал секретный указ

о разведывательном и коммуникационном обеспечении военных операций ССА (так называемая «Сирийская Свободная Армия») [М. Мусин и Эль-Мюрид «Сирия, Ливия, далее везде! Что будет далее с нами», М., 2013, с. 126–127, 150].

На этом основании президент США Б. Обама подписал указ о замораживании активов Б. Асада и еще шестерых высших сирийских чиновников в американских финансовых учреждениях. В руководстве НАТО принялись обсуждать вопрос о вооруженном вмешательстве сил альянса в Сирии (естественно, для свержения существующего в стране режима). Особенно инициативу в данном отношении проявлял президент Франции Н. Саркози, который усердно призывал Б. Асада уйти в отставку, а иначе встанет вопрос в НАТО о направлении «миротворческих» вооруженных сил в Сирию [агентство Франс Пресс. РИА «Новости», 03.01.12].

Лига арабских государств (ЛАГ), со своей стороны, после ряда совещаний, в которых ощущалась инициативность представителей аравийских монархий, отправила в Дамаск группу наблюдателей, чтобы «разобраться» в сложившейся кризисной ситуации в Сирии. Естественно, настрой в Лиге принял скорее антиправительственный характер. Так, в ноябре 2011 г. ЛАГ приостановила участие Сирии в заседаниях этой организации. Как заявил по итогам внеочередного совещания комитета глав МИД Лиги по Сирии премьер-министр и МИД Катара шейх Хамад бен Джасем Аль Тани, «членство Дамаска не будет восстановлено, пока сирийское руководство не выполнит все пункты межарабского плана по нормализации обстановки в стране. Иначе, решение о приостановке членства Сирии в ЛАГ вступит в силу уже 16 ноября». Кроме того, Лига призвала арабские правительства отозвать послов из Дамаска. От имени данной организации было рекомендовано ввести экономические и политические санкции против официального Дамаска, если тот не начнет выполнять взятые им в рамках межарабской инициативы обязательства. В то же время они указали на необходимость решения внутрисирийского кризиса исключительно силами ЛАГ, без иностранного вмешательства [ITAR-TASS, 12.11.2011].

В ответ Дамаск заявил, что решения ЛАГ в свой адрес означают, что эта организация отказывается от возможности объективно содействовать урегулированию ситуации в Сирии.

Агентство Франс Пресс сообщило, что США и Европейский союз (ЕС) поддержали решение Лиги арабских государств (ЛАГ) приостановить членство Сирии в этой организации. В частности,

президент Соединенных Штатов Барак Обама заявил, что «поддерживает инициативу ЛАГ завершить политический кризис (в Сирии) и возложить ответственность (за него) на сирийское правительство». Далее Обама отметил: «Мы продолжим работать с нашими друзьями и союзниками над тем, чтобы оказывать давление на режим Башара Асада и поддержать народ Сирии в тот момент, когда он требует уважения (к себе) и демократической передачи власти». Кроме того, в поддержку решения приостановить членство Сирии в ЛАГ высказались глава МИД Франции Ален Жюппе и министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг [РИА «Новости», 12.11.2011].

Москва же сочла необъективными решения Лиги арабских государств по сирийскому вопросу. Глава МИД РФ Сергей Лавров сказал: «Мы считаем неправильным приостановку членства Сирии в ЛАГ. Те, кто это решение принимал, утратили очень важную возможность перевести ситуацию в более транспарентное, т.е. в более прозрачное русло».

Принципиальная «битва иностранных гигантов за Сирию» в лице мировых держав приняла активные формы в стенах ООН, и в том числе в Совете Безопасности ООН. Как известно, Москва и Пекин дистанцировались от позиции, занятой западными державами. 29.04.2011 г. по инициативе США на специальной сессии Совета ООН по правам человека была принятая антиасадовская резолюция, за которую проголосовало немногим более половины членского состава этого органа. Россия, Китай и еще семь государств голосовали против, 11 стран воздержались или не участвовали в голосовании [А.И. Вавилов «США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы», М., 2012, с. 225].

Оценивая российскую и китайскую позиции в целом, можно сказать, что в Москве и Пекине опасались повторения в Сирии «сценария» Ливии, где при санкционированной СБ ООН поддержке ограниченных действий войск НАТО, которая на практике признала весьма большие масштабы, местная оппозиция смогла свергнуть режим Muamara Kaddafi, но стабильность в ливийском обществе восстановить так и не удалось. Следует сказать, что многие страны «третьего мира» разделяли такую точку зрения и выражали поддержку выступлениям «восточных» мировых держав в СБ ООН. Так, в частности, активный партнер Дамаска Иран посчитал верным решение РФ и КНР о вето на санкции ООН по Сирии.

Однако политическая ситуация в Сирии стала малоуправляемой и подверженной прямому влиянию местных экстремистских и внешних сил: то есть расширились возможности и пути «по раскручиванию» социально-политического кризиса в стране. Причем, сама ЛАГ признала безрезультатность попыток остановить этот процесс [WSJ: «Газета». Ru, 03.01.12.].

Примирению сторон не помогло проведение референдума. 26 февраля 2012 г. в Сирии состоялся референдум по проекту новой конституции. К нему были допущены более 14 млн граждан страны. В референдуме приняли участие почти 8,5 млн граждан Сирии, достигших 18 лет, что составляло 57,4% от списка избирателей. Явка избирателей разнилась в зависимости от района: так, в Лatakии она была зарегистрирована на уровне 72%, в Тартусе – около 80%, зато в Хомсе и Идлибе референдум, по сути, оказался несостоявшимся, так как боевики, контролировавшие эти города, не дали проголосовать мирным гражданам. <...>

Новый Основной закон Сирии упразднил главенствующее положение правящей политической партии «Баас», провозгласив равные возможности в выборах в парламент и исполнительные органы для всех политических партий. Министр внутренних дел Мохаммед аль-Шаар заявил, что 89,4% участников референдума избирателей одобрили представленный проект конституции. Правительство Башара Асада расценило конституционный референдум как шаг на пути реформ. Таким образом, руководство республики рассчитывало, что принятие новой конституции поможет вывести страну из политического тупика. Оппозиция, в свою очередь, посчитала референдум «политической игрой» и призвала население к его бойкоту.

США расценили прошедший референдум как попытку Башара Асада удержаться у власти. «Мы отклоняем результаты референдума, как абсолютно циничные. По сути, он (Башар Асад) поставил кусок бумаги, который он контролирует, на голосование, чтобы он мог попытаться сохранить контроль», – заявила пресс-секретарь Госдепартамента США Виктория Нуланд. Совет Европейского союза же, как сообщила пресс-секретарь Совета Сюзан Кифер, согласился на введение новых санкций в отношении Сирии. По ее словам, счета семи сирийских министров в ЕС были заморожены и им был запрещен въезд на территорию стран Союза. Наряду с этим были также заморожены активы сирийского Центробанка в ЕС. В дальнейшем санкции Запада в отношении

Дамаска еще более ужесточились [www.scan-interfax.ru, 24.05.2011; SalamNews, NEWSru.com, 24.11.2011].

Таким образом, «битва за Дамаск» внутри и вовне, на основании геостратегической линии Запада для БСВ, приняла затяжной и ожесточающийся характер, так как по существу от ее исхода решалась судьба существования исторически сложившегося и сравнительно активно функционировавшего до этого момента «фронта» антиимпериалистически настроенных государств – Ирана, Сирии и Ливии.

Ввиду нараставшей угрозы высадки иностранных военных контингентов на территории Сирии, Москва еще в 2011 г. предприняла меры, чтобы не допустить использования сирийских портов для осуществления этих операций. Поэтому 19 ноября 2011 г. в трехмесячный поход в Средиземное море и Атлантику была отправлена авианосная группа кораблей в составе авианосца «Адмирал Кузнецов», с авиакрылом из восьми истребителей Су-33, нескольких МиГ-29К, двух вертолетов ПЛО (противолодочной обороны) Ка-27, а также в сопровождении большого противолодочного корабля «Адмирал Чебаненко». В течение некоторого времени эта группа проводила учения вблизи порта Траблус (Тартус, сирийская провинция Латакия) [«Независимая газета», «Коммерсант». ИТАР ТАСС, 20.11.2011].

Данное решение, как и общая настороженность Москвы по поводу планов Запада в отношении Сирии, имели под собой серьезное основание. Так, в частности, 4 января 2012 г. администрация Обамы создала специальный секретный комитет для подготовки «вариантов» помощи сирийской оппозиции. Сформированную для этого немногочисленную группу чиновников Госдепартамента, Пентагона, Министерства финансов и других госучреждений возглавил Стив Саймон из Совета национальной безопасности. Она действует в обход обычных процедур взаимодействия между правительственные учреждениями. Один из членов группы, Фред Хофф из Госдепартамента, в декабре назвал сирийское правительство «ходящим покойником» [журнал «Foreign Policy», Wash., 28.12.2011].

Между прочим представляется целесообразным для выявления практической деятельности внешних сил, заинтересованных в смене политического руководства в Сирийской Республике, остановиться на некоторой более конкретной информации, прошедшей на страницах известных изданий западных СМИ.

В частности, один из вариантов, разрабатывавшихся в этом направлении, предполагал помочь Сирийскому национальному совету (SNC) – организации оппозиции, базировавшейся в Лондоне и призывающей к международной военной интервенции в Сирию. В данной связи один из функционеров SNC, исполнительный директор лондонского Стратегического исследовательского и коммуникационного центра Осама Монаджед, опубликовал статью «Безопасная зона для Сирии». В ней он практически слово в слово повторил «Интервенцию в Сирию», опубликованную 20 декабря 2011 г. лондонским Обществом Генри Джексона (как известно, эта организация проводит в жизнь старую имперскую традицию британского «круглого стола», программу вечной войны и уничтожения национального государства). Видные члены Общества Джексона – это представители высших кругов и спецслужб Великобритании, такие как сэр Ричард Дирлав, в 1999–2004 гг. возглавлявший английскую МИ-6 при Тони Блэре. Это общество являлось английским консультантом американских неоконсерваторов, формировавших политику при Джордже Буше-старшем, выступало советником таких политических авторитетов, как Джеймс Вулси, Ричард Перл, Вильям Кристол и Джош Муравчик и др.

Сценарий военного нападения на Сирию (в статье «Интервенция в Сирию») разработал Майкл Вайс, возглавлявший службу коммуникаций Общества Джексона. Инструкция начиналась с рекомендаций по созданию «предлога» для иностранной вооруженной интервенции. Если бы такой предлог не предоставил Совет Безопасности ООН, то было возможным использовать любые обвинения режима Башара Асада. Кроме того, Генеральная Ассамблея ООН могла прибегнуть к принятию исключительной резолюции (конечно, антиасадовской). Далее в сценарии писалось: «Военная интервенция может начаться превентивными воздушными ударами английских, французских, турецких и американских соединений, после чего последует наземная операция для создания “сирийской зоны безопасности” – сирийского “Бенгази”, оперативной базы мятежников». Причем Вайс повторил аргументацию, использовавшуюся в свое время перед вторжением в Ирак: «Сирия слаба в военном отношении и не сможет оказать серьезного сопротивления. “Хезболла” ничего не сможет сделать. Россия не вмешается, что бы ни говорили в Москве» [larouchepub.com, 05.01.2012].

Осама Монаджед принял концептуальный проект М. Вайса с незначительными поправками.

Входящий в SNC Сирийский наблюдательный совет по правам человека (при лондонском Стратегическом исследовательском и коммуникационном центре) является по существу единственным источником информации для мировых СМИ о количестве жертв в Сирии; их данными пользуется даже Комиссия по правам человека ООН. По отзывам Фила Джиральди, бывшего сотрудника ЦРУ, аналитики ЦРУ скептически относятся к этой информации, равно как и к информации о массовом дезертирстве из сирийской армии и ожесточенных столкновениях между дезертирами и войсками, лояльными правительству. Они также знали, что мятежников в течение ряда лет вооружали, обучали и финансировали иностранные правительства [larouchepub.com, 05.01.2012; «Figaro», 23.01.2012; «Financial times», 04.02.2012].

В этом аспекте различные СМИ признавали, что оборонительное и наступательное вооружение поставлялось в Сирию в том числе и из западных стран, хотя поставки и не санкционировались напрямую их правительствами. Поэтому оппозиция не испытывала проблем с получением вооружения из-за рубежа [РБК, 24.02.12]. Причем, информантами из среды сирийской оппозиции отмечалось, что иностранные державы попустительствовали закупкам оружия через сирийских эмигрантов, которые провозили контрабандой легкое оружие, средства связи и очковые приборы ночного видения для повстанцев внутри Сирии [Переводика, 25.02.12].

Москва, в свою очередь, обратилась в контртеррористические структуры ООН с требованием прояснить намерения официальных лиц ряда государств, которые выступали за вооружение боевых отрядов сирийской оппозиции, связанной с «Аль-Каидой» [РИА Новости, 28.02.2012].

Таким образом, «борьба за Сирию» на «внешнем фронте» продолжала идти противоположными курсами без каких-либо признаков сближения позиций между западными и восточными державами.

Внешнее давление на правящий режим в Сирии приобрело крупномасштабное международное звучание. 17 февраля 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, выражавшую осуждение режима Башара Асада и полную поддержку требований ЛАГ. За резолюцию проголосовали 137 государств, 17 государств воздержались. Против проголосовали 12 государств: Россия, Китай, Иран, Венесуэла, КНДР, Боливия, Белоруссия, Зимбабве, Куба, Никарагуа, Эквадор, Сирия [«Известия», «Коммерсантъ», «Независимая газета», М., 18.02.2012].

Хотя в поддержку центрального правительства Сирии в ООН выступил только ограниченный круг государств, однако гораздо большее число стран заявили о неприемлемости варианта внешнего вооруженного вмешательства в этой стране. В частности, 7 июня 2012 г. страны – участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) приняли декларацию, в которой предостерегли Запад от военных операций в Сирии и Иране [«Женъминжибао» (КНР), «Казахстанская правда», «Российская газета», «Комсомольская правда», 08.06.2012].

Западные и восточные державы вплоть до сегодняшнего дня отстаивают свои противоположные друг другу позиции и проводят соответствующие мероприятия для поддержки своих подходов к сирийской проблеме.

МИД РФ Лавров при этом постоянно подчеркивал, что ныне сложившийся диалог между державами «не является деловым подходом» и не помогает делу. Выступая далее по сирийскому вопросу, глава МИД Сергей Лавров высказал точку зрения, что «некоторые западные партнеры Москвы «недоговороспособны». При этом Запад уже открыто начал шантажировать Россию своим проектом резолюции, разрешавшим вооруженное вторжение в страну <...> Однако Москва всё еще рассчитывала договориться с коллегами по Совбезу ООН о выработке единой позиции по Сирии» [ИТАР ТАСС, 17.7.2012].

Однако разность подхода к сирийскому вопросу со стороны Запада, с одной стороны, и России и КНР – с другой, сохранилась и даже ожесточилась, так как палата представителей Конгресса США приняла поправку, запрещавшую Пентагону сотрудничать с российской госкомпанией «Рособронэкспорт» в связи с тем, что она осуществляла поставки вооружений правительству Сирии. В поддержку этого решения, которое было оформлено как один из пунктов проекта военного бюджета Соединенных Штатов на 2013 финансовый год, высказались 407 законодателей, против – пять. Причем, американские законодатели продемонстрировали свою решимость наказывать всех своих оппонентов, если они выступали против позиции Вашингтона.

В 2013 г. ожесточенное внутреннее противоборство в Сирии продолжилось. В конце мая этого года правительственные войска предприняли обширные наступательные операции против вооруженной оппозиции в различных провинциях страны. Крупномасштабное наступление развернуто было сразу на четырех фронтах: в Эль-Кусейре (провинция Хомс), в провинции Хама, в районе

Барзе в провинции Дамаск и в Дераа на юге страны рядом с Иорданией [www.km.ru, 20.05.2013].

Но главным из наступательных направлений оказался город Эль-Кусейр, где проживает около 25 тыс. человек. Он около года находился в руках вооруженной оппозиции. Город расположен вблизи границы с Ливаном и имеет важное стратегическое значение. Через этот регион на сирийскую территорию для оппозиционных вооруженных формирований перебрасывалось до 60% оружия и боевиков (после того, как сирийская армия с тяжелыми боями несколько ослабила каналы переброски вооружений через турецко-сирийскую границу в район Алеппо, а также через сирийско-иорданский пограничный участок). Сирийско-ливанский пограничный регион фактически стал главным в проникновении оружия извне. Занятый оппозиционерами регион Аль-Кусейра по существу отсекал Дамаск от побережья. Более того, согласно оценке Тель-Авива и Вашингтона, до 80% тяжелых видов вооружения, переданных в Ливан Ираном и Сирией враждебной Израилю шиитской военизированной организации «Хезболла», шли через Аль-Кусейр.

Осада Аль-Кусейра правительственными войсками длилась несколько недель. Сирийская армия сражалась с тысячами боевиков организации «Джабхат аль-Нусра», которая является ячейкой «Аль-Каиды» в Сирии. Следует отметить, что в этой операции снова проявилась конфессиональная конфронтация между воюющими сторонами. В боях за Аль-Кусейр на стороне сирийской армии воевали подразделения ливанской шиитской организации «Хезболла». Глава «Хезболлы», шейх Насралла, открыто признал участие его сподвижников в этих боях ради защиты проживающих в окрестностях города меньшинств, прежде всего шиитов. По данным ООН, в ходе операции были убиты и ранены более 1,5 тыс. человек. Город был полностью очищен от террористов [NEWSLAND, 05.06.2013]. Правительственные войска стали перебрасываться к Алеппо, Хомсу, а также в восточные районы страны.

Используя тот факт, что сирийская армия перешла в наступление в Аль-Кусейре, так называемая «национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии», заявила о своем отказе от участия в конференции «Женева-2». Инициаторами мирных переговоров в Швейцарии выступали Россия и США. Изначально говорилось о том, что встреча может быть успешной только в том случае, если стороны сядут за стол переговоров без каких-либо

предварительных условий [russian.rt.com., NEWSLAND, 05.06.2013].

Чтобы определить причины выступлений и согласия на примирение сирийской оппозиции, следует учесть ее большую зависимость от аравийских спонсоров, особенно от Катара, который, как сообщило агентство «anna-news.info», уже вложил в указанную оппозицию более 3 млрд долл., а с апреля 2012 по март 2013 г. осуществил 70 грузовых авиарейсов с оружием и боеприпасами через Турцию для вооруженных группировок [Иван Гладилин, km.ru, NEWSLAND, 05.06.2013].

Тель-Авив, удовлетворенный происходящими в соседней Сирии трагическими событиями, разрушающими ее, не преминул воспользоваться таким удобным обстоятельством: в начале мая 2013 г. нанес ракетный удар по ряду военных объектов Сирии. Дамаск заявил, что оставляет за собой право на ответ, а президент Сирии Башар Асад пригрозил Израилю в случае повторения ракетного удара по сирийской территории полномасштабной войной. Британский еженедельник «Санди Таймс» сообщил, что сирийская армия нацелила на Израиль ракеты класса земля-земля «Гишрин». Ракетным войскам Сирии был отдан приказ о нанесении удара по Тель-Авиву в случае, если израильская армия вновь атакует объекты на сирийской территории [The Sunday Times, 10, 18.05.2013].

Еще большее беспокойство у Израиля, США, Британии и Турции вызвали поставки Сирии новейших противокорабельных ракет «Яхонт» и других более совершенных крылатых ракет, оснащенных сверхсовременным радаром, который увеличивает их эффективность, а Москва усилила свою группировку ВМС у берегов Сирии. Кроме того, были согласованы поставки до конца 2013 г. боевых самолетов МиГ-29ММ2 (по контракту, заключенному еще в 2007 г.) [NEWSLAND, 31.05., 01.06.2013].

Далее, стали широко распространяться слухи о возможном появлении у Дамаска российских систем противовоздушной обороны С-300 (согласно информации, предоставленной Израилем, речь идет о шести пусковых установках и 144 ракетах, контракт на поставку которых оценивается в 900 млн долл.) [«Wall Street Journal», USA, 09.05.2013]. Таким образом, Сирия была гарантирована от вооруженного вмешательства извне [NEWSLAND, 17.05.2013].

Реакция Запада была следующей: на встречах МИД РФ и США, а затем 13 мая в Сочи Путина и премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона российская сторона изложила свою

известную позицию, что поставки вооружений Сирии могут осуществляться только по прежде заключенным контрактам и в случае, если не прекратятся поставки вооружений извне повстанцам; а министр иностранных дел РФ Сергей Лавров подчеркнул, что Россия выполняет давно подписанные контракты на поставку лишь оборонительного вооружения, чтобы Сирия могла защитить себя от ударов с воздуха [«Российская газета» – www.rg.ru, 08, 21.05.2013].

В ответ 22 мая 2013 г. западные державы отменили эмбарго на поставки вооружений в Сирию, а руководители этих государств приложили усилия для принятия однобокой антисирийской резолюции на Генассамблее ООН, а также не дали согласия на проведение примирительной конференции по Сирии (в развитие Женевской конференции, которая состоялась в июне 2012 г.) с участием Ирана.

В качестве предварительного вывода о I этапе, т.е. о затянувшихся внутреннем конфликте в Сирии и дипломатической дуэли между державами накануне появления на политической карте БСВ движения «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), представляется целесообразным сказать следующее: как видно из трехлетнего противоборства сторон в Сирии и вокруг нее, страна была серьезно разрушена, рассечена трещинами на множество социальных слоев, а также по национально-религиозным и территориальным сегментам. Причем, внешний фактор в лице мировых держав и ряда заинтересованных международных организаций по-прежнему активно влиял на развитие политической ситуации в Сирии. Иностранная помощь воюющим сторонам не прекращалась. Местное население страны, в зависимости от религиозной, этнической и политической принадлежности, находилось под прессом шантажа: возможных актов физических расправ и изгнания из родных мест. Воспользовавшись сложившейся трагической ситуацией в Сирии, иностранные идеологи постоянно вещали о продолжении плохой судьбы этой страны и на перспективу. Так, мировые СМИ и политологи-эксперты утверждали, что это – «тупик». Вместе с тем фактические события показали, что в вооруженной борьбе за власть в Сирии произошел перелом – правительственные войска одержали победу в принципиальном сражении за контроль над сильно укрепленным регионом на сирийско-ливанской границе, который был основным в снабжении оппозиции вооружениями и кадрами из-за рубежа. Как определили международные эксперты, данный факт значительно облегчал

задачу режиму президента Башара Асада подавить сопротивление вооруженной сирийской оппозиции на остальной территории страны.

Если оценивать итоги гражданской войны в Сирии с точки зрения реализации американской концепции «Большого Ближнего Востока», представляется целесообразным констатировать, что определенные результаты Вашингтоном были достигнуты: Сирия, хотя и сохранила свою целостность, вместе с тем еще на много лет была обречена залечивать нанесенные ей раны, заниматьсянейтрализацией сильно обострившегося внутри страны этноконфессионального и социального антагонизма, а также восстановлением своих позиций в международной сфере. То есть Сирия, так же как и Афганистан, Ирак и Ливия, оказалась отброшенной на несколько десятилетий назад в своем естественном развитии, находилась под прессом угрозы начала процесса территориального распада. При этом не следует упускать из виду, что серьезные потери для своей стабильности и развития претерпевали и другие страны БСВ – Египет, Иран и т.д. Инициатива в формировании общего политического климата в регионе все более стала принадлежать аравийским монархиям, а следовательно, прозападным режимам.

II этап

В 2014 г. политические и военные события в Сирии приняли новый оборот. На региональной сцене БСВ появился новый крайне радикальный фактор – «Исламское государство Ирака и Леванта».

«Исламское государство Ирака и Леванта» – суннитская организация, захватившая в Ираке и Сирии обширную территорию в течение 2013–2014 гг. после слияния двух «филиалов» «Аль-Каиды» – «Исламское государство Ирак» и сирийской «Джебхат ан-Нусра». Ранее ИГИ, которое образовалось в 2006 г. в результате слияния 11 радикальных суннитских формирований во главе с подразделением «Аль-Каиды» в Ираке («Каида аль-джихад в Ираке») ставило цель: как только из Ирака будут выведены войска США и других стран международной коалиции, захватить центральную часть Ирака, населенную суннитами, и превратить ее в военизированное исламское суннитское государство. Его границы должны были охватывать провинции Багдад, Анбар, Диала, Киркук, Салах-эд-Дин, Найнава и некоторые районы провинций Бабиль и Васит.

Таким образом, можно констатировать, что начальная деятельность имела под собой объективную потребность восстановить права иракских суннитов в социальной межконфессиональной структуре послесаддамовского иракского государства. Однако в дальнейшем, на основе достигнутых быстрых военных успехов в сфере приобретения подконтрольных для себя территорий в Ираке, целью ИГИЛ стало создание обширного исламского эмирата на общем пространстве трех ныне существующих государств – Ливана, Сирии и Ирака¹.

В ходе формирования новоявленного исламского государства и ввиду обнаружившихся внутренних противоречий между входившими в ИГИЛ исламскими политическими группировками, в структуре данного объединения происходили изменения. Так, из-за регулярных столкновений между иракской и сирийской группировками глава «Аль-Каиды» аз-Завахири в ноябре 2013 г. принял решение о роспуске ИГИЛ, с тем чтобы «Исламское государство Ирак» в Ираке и «Джебхат ан-Нусра» в Сирии действовали независимо друг от друга (а затем официально заявил, что не признает принадлежность ИГИЛ к «Аль-Каиде»). Однако это объединение продолжило действовать на территории Ирака и Сирии отдельно от «Джебхат ан-Нусра». Так называемые умеренные группировки сирийской оппозиции – «Армия моджахедов», «Повстанческий фронт Сирии», «Исламский фронт» и «Джебхат ан-Нусра» – выступили против деятельности ИГИЛ на территории страны. Численность вооруженных сил ИГИЛ, по данным лондонского журнала «Экономист» на июнь 2014 г., составляла 11 тыс. человек: в Ираке 6 тыс. бойцов ИГИЛ, в Сирии – 5 тыс., включая 3 тыс. иностранных наемников.

Важную (а, может быть, решающую) роль в формировании вооруженной коалиции и в ее военных успехах, несомненно, сыграл финансовый фактор. Он был разносторонним и пополнялся из новых источников. Так, член иранского меджлиса Мухаммад Салех Джокар утверждает, что ИГИЛ получило финансовую помощь из ряда стран Ближнего Востока, в том числе от Саудовской Аравии и Кувейта, в объеме 4 млрд долл. на ведение террористической деятельности в Ираке, а также в Сирии на борьбу с режимом Башара Асада.

¹ В данной связи, информация об ИГИЛ и борьбе международной коалиции против него в данной статье охватывает не только Сирию.

В частности, явную иллюстрацию данной деятельности представляет собой международный скандал, возникший в связи с мятежом местных племен арабов-суннитов в провинции Анбар в конце 2013 г., организованным активистами ИГИЛ. Всего в течение нескольких дней боевики установили контроль фактически над всем «суннитским треугольником» Ирака и впервые провозгласили здесь «Исламский халифат». Как выяснилось, на организацию мятежа против «шиитского» правительства аль-Малики мятежники получили от саудовских спецслужб в течение почти четырех лет 150 млн долл. Власти Ирака довели эту информацию до сведения Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, который, под давлением неопровергимых доказательств, согласился рассмотреть вопрос о деятельности Саудовской Аравии в области содействия исламским радикалам. Однако, дальше «заявлений о намерениях» дело по данному вопросу не пошло, так как западные делегации в ООН сделали всё возможное, чтобы заблокировать предложенную Москвой и поддержанную Тегераном, Дамаском и Пекином, общую резолюцию «О борьбе с источниками финансирования террористов» [Iran.ru, 03.10.2014, статья И. Панкратенко «Ирано-саудовское “потепление”: пустынные миражи»].

Кроме того, значительная часть вооружений, закупленных сирийской оппозицией не без участия западных спецслужб, а также средства поддержки ее боевиков впоследствии перешли в ИГИЛ вместе с отливом ряда военизированных подразделений в ряды данного формирования. Параллельно большие денежные средства поступали и от частных инвесторов из стран Персидского залива.

В целом все вышеизложенные финансовые вливания из-за рубежа преимущественно осуществлялись на начальном этапе «суннитского джихадистского восстания» в Ираке и Сирии.

В ходе успешного развития наступательных операций, после захвата Северного Ирака, в руки ИГИЛ перешли доходы от нефтепредприятий (добыча и транспортировка и переработка). Особенно важными стали валютные поступления от экспорта нефти. Примечательно, что, по мнению ряда экспертов, источником финансирования группировки служили также доходы от грабежей, выкупов, полученных после взятия заложников. В частности, в Мосуле в июне 2014 г. боевики ИГИЛ ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долл.

В результате столкновений между ИГИЛ, с одной стороны, и антиправительственной оппозицией – с другой, в Сирии жертвами с начала 2014 г. до осени стали свыше 3 тыс. человек.

Новая цель ИГИЛ на создание «масштабного» исламского эмирата, на первых порах охватывающего территории нескольких ближневосточных стран, вступила в противоречие как с ныне существующими на Ближнем Востоке государственными образованиями, так и с интересами Вашингтона и западных держав в целом в данном регионе. Ввиду того что методы завоевательной деятельности ИГИЛ отличались бескомпромиссностью в отношениях с Западом и местными правительствами, данная организация вызвала чрезвычайно резкое противодействие со стороны своих оппонентов.

Прежде всего, ввиду того что ИГИЛ вступила в сотрудничество с «Аль-Каидой», на нее СБ ООН распространил международные санкции: резолюции 1267 (1999) и 1989 (2011), принятые еще ранее против «Аль-Каиды».

Правящие круги США и держав НАТО, увидев в бурно разvивающейся завоевательной деятельности ИГИЛ в Сирии и Ираке, не подконтрольной влиянию Запада и их ближневосточных союзников и нарушающей вооруженными средствами установившееся вмешательством международной коалиции относительное равновесие в государствах региона, встало на путь принятия собственных чрезвычайных мер военного характера в отношении данного нового фактора. В Вашингтоне и НАТО было принято решение на непосредственную вооруженную борьбу с ИГИЛ. Причем, президент США Б. Обама 11 сентября 2014 г. провозгласил новую стратегию действий Вооруженных сил США в Сирии и Ираке. Он заявил, что не станет вводить американские войска, а будет бомбить территорию Ирака и Сирии [Нью-Йорк Таймс, «Индепендент» (Л), 26.09.2014].

В феврале 2014 г. ИГИЛ была признана террористической группировкой, и Вашингтон призвал к началу вооруженной борьбы с нею мировое сообщество. Абу Бакр аль-Багдади, известный также по имени Абу Дуа, ставший эмиром Исламского государства Ирака в 2010 г., был Вашингтоном внесен в список особо опасных террористов, и за его голову была объявлена награда в 10 млн долл.

Со своей стороны, боевики ИГИЛ в ответ на продолжение США и державами НАТО военных операций на БСВ и прямой угрозы против Исламского государства публично казнили трех

плененных журналистов – граждан США и Великобритании. Даные факты еще более настроили державы НАТО на развязывание военных карательных акций против ИГИЛ.

В сентябре 2014 г. США, без каких-либо согласований с ООН, с державами G8, не считаясь с мнением правительства стран БСВ, развернули жестокие бомбардировки позиций ИГИЛ на территории Сирии (в частности, в городе и окрестностях Ракка – столице ИГИЛ, а также вблизи Алеппо) и в курдских районах Ирака. Кроме того, американское руководство запланировало отправку в Ирак еще около 500 американских военных советников и подготовку отрядов так называемой умеренной сирийской оппозиции, в частности Сирийской свободной армии, на базах в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и Турции для борьбы с экстремистами из ИГ и сирийскими правительственными войсками. Что касается дипломатических действий с ООН, Дамаском и Багдадом, то Вашингтон информировал их о своих действиях только после начала бомбардировок объектов в Сирии и Ираке [РИА Новости <http://ria.ru/world/20140923/1025215315.html#ixzz3E80iHS8K>].

Что касается Великобритании и Франции, то эти европейские державы, напоминая мировому сообществу о своих прежде существовавших колониях и подмандатных территориях на Ближнем Востоке, присоединились к бомбардировкам мятежных, по их определению, сил ИГИЛ: Франция занялась этим «промышлением» в Сирии и Ираке, а Великобритания – пока на захваченных ИГИЛ территориях Ирака.

Аравийские режимы, на начальном этапе «суннитского джадидистского движения» предоставляя некоторую финансовую поддержку повстанцам, круто изменили свою позицию в отношении ИГИЛ и стали оказывать содействие карательным операциям Запада.

Интересно отметить такой факт, что Запад в своих военных действиях избрал комфортный для себя вариант кровопролития в Сирии и Ираке. Провозгласив отказ от введения своих наземных войск на территории указанных государств, западные державы заявили о своем полном праве бомбить вооруженные силы ИГИЛ в количествах и пределах, угодных им. То есть не терять ничего и никого из своих наступательных средств, а заливать кровью и разрушениями всё на земле, что подпадает под бомбардировки и ракетные удары сверху. А так как в результате таких ударов гибнут большие массы не только «игиловцев», но и попутно множество

местных мирных жителей, а также осуществляются разрушения промышленных предприятий, торговых и транспортных объектов, да и жилых строений, то можно констатировать, что Запад хорошо устроился в такой войне – это яркая демонстрация сегодня расизма в действии.

Уже к октябрю 2014 г. самолеты коалиции атаковали захваченные боевиками нефтеперерабатывающие заводы в районе Аль-Хоуль и Раджам-эль-Тукижи в пригороде Аль-Хасаки. Бомбардировке также подвергся главный газоперерабатывающий завод Сирии, в провинции Дейр-эз-Зор, а также нефтяные месторождения и заводы на границе с Ираком, которые также контролировались ИГИЛ. Всего, по отчетам западных информагентств, были разбомблены 15 из 20 НПЗ [«Финмаркет, ГК «Альпари», «Файненшлтаймс», 30.09.2014].

По информации вице-адмирала Джона Кирби, командующего американскими военными действиями на Ближнем Востоке, в операции против ИГИЛ используются истребители, бомбардировщики, а также крылатые ракеты «Томагавк» – к октябрю 2014 г. было совершено более 170 налетов [ИТАР-ТАСС, 29, 30.09.2014].

Прежде чем касаться вопроса о результивности военных столкновений на БСВ в связи с ИГИЛ и делать общие выводы о сегодняшней сирийской трагедии (да и Ирака), представляется целесообразным предварить все это некоторой оговоркой. Как показывает действительность, в международных отношениях западные державы считаются только со своими интересами. Поэтому они утвердились в необходимости неоспоримого господства своего мнения на мировой арене. То есть в случае каких-либо международных конфликтов, за каждого убитого или раненного европейца азиаты и другие народы так называемого «третьего мира» должны платить в десятки и сотни раз большие жертвы. Пользуясь подавляющим господством Запада в мировых СМИ и международных организациях, а также превосходством в вооруженных силах, они навязывают мировой общественности свои варианты решения таких проблем – только жестокие массовые расправы в отношениях с непокорностью противоборствующей стороны. Министр иностранных дел России С. Лавров на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2014 г., в частности, так определил главный принцип внешней политики Вашингтона: «США ввели в действие “вертикальное структурирование человечества” в угоду своих небезобидных стандартов понимания

национальных интересов» [ИТАР-ТАСС, «Независимая газета», 28.09.2014]. Таким образом, можно констатировать, что Западом, по сути, открыто пропагандируется и реализуется расизм в области «человеческих прав», что жизнь одного европейца всегда и без сомнения превыше жизни массы азиатов и африканцев, включая детей, женщин и стариков. И обязательно взаимные противоречия и коллизии должны оплачиваться только по такому счету.

В качестве общих выводов представляется возможным сказать следующее.

Происходящие в настоящее время политические коллизии на БСВ отражают перманентный процесс разрешения политических противоречий в странах региона. Причем их обострение провоцируется непосредственно и косвенно вмешательством Запада – США и держав блока НАТО.

Как отмечают политологи в России и за рубежом, события в Сирии и Ираке в связи с ИГИЛ повышают мотивацию для сохранения и даже расширения американского военного присутствия на БСВ. Правящие круги Саудовской Аравии и других аравийских режимов, серьезно опасаясь угроз со стороны местных радикалов, поощряемых ИГИЛ, всегда будут стремиться сохранять американское присутствие любой ценой, сохранять американские базы как последнего защитника своей легитимности. Кроме того, мятежная активность ИГИЛ помогает Западу официально «легализовать распад Ирака на три государства – суннитское, шиитское и курдское». К таким выводам, в частности, пришли эксперты Института проблем международной безопасности РАН [ИТАР-ТАСС, 30.09. 2014].

Вместе с тем президент Академии геополитических проблем России, доктор военных наук Константин Сивков призвал не переоценивать значение военного фактора в борьбе с указанной террористической группировкой. «Говорить о том, что ИГИЛ удастся разгромить военным путем, разбомбить – полная чепуха. Разгром такой системы потребует комплексных факторов, причем военный фактор будет далеко не самый главный», – заявил он. По его словам, военные действия не принесут результата без реализации мер в двух областях: информационной и финансовой. Сивков отметил, что необходимо «дезавуировать идеологические основы» ИГ. Однако сделать это будет непросто, поскольку рядовые боевики – это «искренние радикалы-исламисты», убеждения которых сложно изменить. «Как данное сделать сейчас – сложно представить, поскольку для этого потребуется сложная массированная информа-

ционная война, направленная на массы населения, на которые такие факторы действуют очень ограниченно», – заявил Сивков [ИТАР-ТАСС, 30.09.2014].

«Узловые проблемы современных международных
отношений в Азии и Африке / ИВ РАН»,
М., 2015 г., с. 100–120.

О. Бибикова,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
МУСУЛЬМАНЕ ГРЕЦИИ

В 1833 г. Греческая церковь отделилась от Константино-польской патриархии и стала автокефальной (независимой). На территории материковой и островной Греции существовало более 20 монастырей, которые сделали Грецию центром притяжения православных верующих всего мира. Однако еще в XVII–XVIII вв. здесь возникли мусульманские общины. Как и в соседних странах, наличие мусульманского населения Греции связано с историческим прошлым, когда Греция была в составе Османской империи. Под властью Порты Греция находилась 350 лет – с 1460 г. В 1669 г. к Османской империи был присоединен остров Крит. Значительные изменения в составе населения в этот период были связаны с тем, что османские власти, руководствуясь экономическими и политическими соображениями, осуществляли масштабные перемещения населения. Чтобы не оставаться под властью турок и не подвергнуться насильственному переселению многие греки бежали за границу.

Греция в составе Османской империи

Практически с середины XIII в. греки, проживавшие в Малой Азии, где центром был Константинополь, переживали период постоянных междуусобиц. Захват Константинополя сначала крестоносцами в 1204 г., а затем в 1261 г. латинянами привел к усилению этнорелигиозной вражды и установлению атмосферы всеобщего политического хаоса. Устав от нарастающего социально-экономического кризиса, греки с облегчением восприняли вести об установлении османского режима, который был единственной надеждой на обретение стабильности, пусть даже в условиях исламизации.

Внутри Османской империи существовало четкое разделение по конфессиональному признаку. Все народы делились на *миллеты* (общины): миллеты мусульман, православных христиан, иудеев и армян. Глава каждого миллета утверждался султаном и был ответственен перед османской администрацией за всё происходившее в жизни миллета¹. Миллет православных христиан возглавлял Константинопольский патриарх. Он был приравнен в правах к министру султанского правительства, и его кандидатуру утверждал султан, который мог сместить его с этой должности. Зачастую на пост патриарха назначали того, кто больше заплатит². В таких условиях церковь меньше всего задумывалась об интересах верующих. Например, она не протестовала против указа об ограничении размеров землевладений православных христиан. В результате на Пелопоннесе, где мусульман было около 10% населения, доля принадлежавших им земель возросла с 2/3 в 1770 г. до 4/5 в 1814 г.

Греки, так же как и народы Балканского полуострова, должны были поставлять мальчиков для службы в армии или турецкой

¹ Система миллетов имела свои достоинства и недостатки. При ней православные греки представляли собой отдельную этническую единицу; она способствовала сохранению православия в условиях социального давления со стороны мусульман. Служа литургию на греческом языке и предпринимая некоторые усилия в области образования, церковь помогала грекам сохраниться как народу, хотя на большей части территории Малой Азии и кое-где в континентальной Греции языком общения стал турецкий.

² В 1629 г. патриарх Кирилл Лукарис опубликовал текст Исповедания веры, который в ряде положений излагал кальвинистские богословские воззрения, что свидетельствует о влиянии протестантской церкви. Среди православного духовенства сформировалась оппозиция патриарху Кириллу, которого поддерживали посольства протестантских держав в Константинополе (прежде всего Голландии). Духовенство выдвинуло нового кандидата – Афанасия, который заплатил султану наличными 60 тыс. талеров, предоставленных французским посольством, что отражало интересы католических держав. В феврале 1634 г. Афанасий был избран на Патриарший престол, но уже через несколько дней уступил престол возвратившемуся из ссылки Кириллу Лукарису, ввиду того что голландское посольство сумело выплатить Порте сумму в 70 тыс. талеров. Подобные примеры свидетельствуют о том, что европейские державы стремились распространить свое влияние на Восток, подкупая духовенство, а также о том, что патриархия не была очень озабочена проблемами православных на территории Османской империи.

администрации. Эта «подать детьми» (девширме)¹ вызывала протест греческих христиан, однако каждые четыре года османские чиновники обезжали все подвластные территории, отбирая христианских детей. «Самые сильные и рослые становились янычарами, отборными воинами, которые вселяли ужас повсюду – от Евфрата до Вены. По иронии судьбы тысячи христианских юношь вынуждены были сражаться со своими единоверцами, жертвуя жизнью для укрепления мусульманской веры»². В середине XVII в. этот налог был отменен, но христианское население Европы по-прежнему должно было поставлять молодых здоровых мужчин для пожизненной службы в армии или военном флоте.

Греки, испокон веков проживавшие на побережье Малой Азии, постепенно адаптировались к османскому режиму. Как пишут английские исследователи Т. Ботсвейн и К. Николсон, «турецкие аристократы презирали труд торговца или чиновника. Это привело к парадокальному положению, когда 11 фанариотских³ семей забрали в свои руки все основные государственные должности. В частности, хиосские⁴ Пангиотаки фактически формировали внешнюю политику Османской империи. Другой грек – Александр Маврокордатос – исполнял роль главного турецкого посредника при заключении Карловицкого мира (1699). После 1709 г. должности господарей (т.е. правителей) Молдавии и Валахии (современной Румынии) тоже стали монополией фанариотских семей»⁵. Добавим сюда прослойку состоятельных греков-коммерсантов, появившихся во второй половине XVI в. Первым греческим богачом времен Османской империи был Михаил Кантакузен⁶ (казнен в 1578 г.). Турки прозвали его «Шайтан-Оглу». Он получил от сул-

¹ Слово *девширме* – произошло от глагола *девширмек* – собирать, рвать (цветы). В греческой традиции отбор мальчиков для султана назывался *пезомазома* – похищение детей.

² Ботсвейн Т., Николсон К. Греция. История страны. – М., 2007. – С. 223.

³ Фанар – квартал в Константинополе, в период завоевания османами здесь жили богатые греческие семьи.

⁴ Хиос – остров в Эгейском море. В настоящее время принадлежит Греции.

⁵ Ботсвейн Т., Николсон К. Греция. История страны. – М., 2007. – С. 230.

⁶ Не путать с Михаилом Кантакузеном (1848–1894), служившим в Российской империи, а также Дмитрием Кантакузеном, который был директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий, правнук графа М.М. Сперанского. Еще один представитель этого рода полковник Г.М. Кантакузен участвовал в сражении при Бородино.

тана монополию на торговлю пушниной с Московским царством, зарабатывая 60 тыс. дукатов в год. Фома Кантакузен был турецким послом в России, Дмитрий Кантакузен был дважды (1673–1676 и 1684) правителем Молдавии, а Шербан (1679, умер в 1689) и его племянник Стефан (1714, умер в 1716) – правителями Валахии. Грек Александр Карапетори (Александр-паша – 1833–1906) сначала был поверенным великого визиря Суффет-паши, а затем управлял иностранными делами Порты; Константин Музурес (Музурес-паша), губернатор на о. Самос, стал позднее первым посланником Порты в Афинах, а затем в Лондоне. Гречанкой была любимая жена¹ султана Ахмеда I (1603–1617), подарившая ему двух сыновей, ставших впоследствии султанами (Мурад IV и Ибрагим Безумный). Т. Босвейн и К. Николсон в своей книге об истории Греции приводят слова одного историка, который остроумно заметил, что «греки завоевали Османскую империю изнутри... Понятно, что многие из них – священники, богатые торговцы, государственные чиновники и землевладельцы – были кровно заинтересованы в сохранении существующей системы, обеспечивающей им столь высокий статус»².

Истоки антитурецких / антимусульманских настроений Греции

В 1821 г. в Греции вспыхнуло восстание³ против турок, которое переросло в международный конфликт. Поскольку султан не мог подавить это восстание своими силами, он обратился за

¹ При рождении ее звали Анастасия, по гаремной традиции ей дали новое имя – Касем, она была уроженкой острова Корфу. На протяжении десятилетий эта женщина царила в серале и фактически правила делами империи. С ее смертью в 1652 г. пришел конец эпохи, известной как «женское правление».

² Ботсвейн Т., Николсон К. Греция. История страны. – М., 2007. – С. 231. Грек Иоаннис (Антонович) Каподистрия (1776–1831) долгое время находился на русской службе: сначала секретарем посольства в Вене, затем в 1816 г. был назначен управляющим Министерством иностранных дел Российской империи и занимал эту должность до 1822 г. В 1827 г. был избран президентом Греции.

³ Православная церковь по-своему отреагировала на восстание в Греции, призвав упрочить Османскую империю как ниспосланную Богом защиту православных христиан от влияния Рима и французской «системы свободы». В ответ греческий эмигрант Адамантос Кораис (известный также как литератор и филолог, основоположник современного греческого литературного языка) выступил с обличением высшего греческого духовенства и призвал к распространению светского образования.

помощью к Египту, в то время автономной части Османской империи. Египетская армия и флот (в 1824 г. – на Крите, а в 1825 г. – на материке) жестоко подавили восстание во многих районах Пелопоннеса. Расправа с греками привлекла внимание западных держав, поскольку многие в Европе сочувствовали восставшим и призывали свои правительства защитить колыбель западной цивилизации. Однако в официальных кругах Англии и Франции высказывались опасения, что в сложившейся ситуации может произойти интервенция России в Грецию, а это грозило нарушить равновесие сил в Европе. Тем не менее великие державы согласились организовать совместную англо-франко-русскую эскадру, которая выступила в защиту греков и в 1827 г. разгромила египетско-турецкий флот в бухте Наварин. В 1828 г. Россия объявила Османской империи войну и добилась крупных успехов, о чем свидетельствует Адрианопольский мирный договор (1829). Султан был вынужден признать независимость Греции. В 1830 г. три великие державы – Англия, Франция и Россия – подписали Лондонский протокол, который определил статус Греческого государства, а в 1834 г. Афины были объявлены его столицей. Однако объединение греческих земель затянулось на долгие годы. В границы нового государства – Королевства Греция вошли земли на Балканском полуострове южнее линии от залива Арты до залива Волос, остров Эвбея и острова Киклады. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в состав Греции вошли Фессалия и часть Южного Эпира. А Западная Фракия, остальная часть Южного Эпира, южная часть македонских земель и остров Крит были присоединены после Балканских войн 1912–1913 гг., и только в 1947 г. в состав Греции были включены Додеканесские острова¹.

В ходе своей истории Греция неоднократно теряла свои территории, в частности после поражения Греции в греко-турецкой войне 1919–1922 гг. она утратила право на округ Смирна (совр. Измир в Турции) и всю Восточную Фракию. В результате христианское население округа (которое составляло 71% населения довоенного Измира) было обречено на истребление, предпринятое турками. После войны в 1923 г. было подписано соглашение об обмене населением². Обмен производился по религиозному

¹ <http://www.greciya.net/istoriya-grecii>. Некогда на Додеканесских островах функционировала мусульманская община. Сегодня она не существует.

² Не подлежали депортации греки-фанариоты Константинополя, на тот момент их было около 270 тыс. человек, а также население островов Имброс

(а не этническому) признаку. Так, всё православное население выселялось из Анатолии (несмотря на то что большинство христиан из внутренних районов полуострова уже утратило способность говорить по-гречески и перешло на турецкий язык), а грекоязычные мусульмане (недавние христиане) вынуждены были покинуть территорию Греции.

Джон Эш, английский поэт и писатель, в своем документальном романе «Византийское путешествие» пишет: «Насильственные миграции 1922–1923 гг. затронули около 2 млн человек, включая 390 тыс. изгнанных из Греции мусульман, а также 1 млн 250 тыс. греков и 100 тыс. армян, изгнанных из Анатолии и Фракии. За один год население Греции увеличилось на треть. Никто не знает, сколько людей умерло в пути или не выдержало голода и болезней после того, как они уже достигли “безопасной” территории. Анатолийские греки никогда не считали Грецию своей родиной. Они так долго жили среди турок, что многие из них даже не говорили по-гречески. Их предки населяли Анатолию более 2 тыс. лет; они построили там города и великое множество храмов и монастырей. Даже после завоевания при достаточно терпимом правлении сельджукских и османских султанов многие из них процветали, но всё это кончилось этническими чистками...»¹

Обмен населением был неравноценным: 1,5 млн выселенных христиан из Анатолии прибыли в Грецию. В обратном направлении – в Турцию – выехали 500 тыс. (по другим данным – 390 тыс.) мусульман. Обмен был сопряжен с большими финансовыми расходами, что создало в Греции социальный кризис, выразившийся в массовой безработице, в появлении трущоб, а также значитель-

(ныне Гекчиада) и Тенедос (ныне Бозджаада). С другой стороны, в Греции оставалось мусульманское население Западной Фракии, около 86 тыс. человек. <http://kromni.livejournal.com/49450.html>. Однако к 1955 г. в Константинополе осталось не более 100 тыс. греков. Острова Имброс и Тенедос в конце концов были полностью заселены турками, в 1974 г. там было запрещено обучение на греческом языке.

¹ Эш Дж. Византийское путешествие. М., 2014. С. 106. Свидетелем исхода стал Эрнест Хэмингуэй, писавший репортажи для «Торонто стар». В заметке, датированной 22 октября 1922 г., он писал: «В бесконечном хаотическом исходе христианское население Восточной Фракии заполонило дороги в Македонию. Главная колonna, пересекающая реку Марица в Адрианополе, растянулась на 290 миль. 20 миль повозок, запряженных коровами, волами и грязными буйволами. Истощеные шатающиеся мужчины, женщины и дети, закутавшиеся в одеяла, как слепые бредут под дождем со своими пожитками...» (там же, с. 105–106).

ной эмиграции греков за рубеж¹. В этих условиях ирредентистские устремления греков в тот период потеряли смысл, так как и без того скучные ресурсы страны были истощены. Греко-турецкий обмен населением не включил в себя мусульман Западной Фракии. В качестве ответной уступки, Турция обязалась блюсти права греков в Стамбуле (г. Константинополь). При этом положение мусульман в Греции было несравненно комфортнее, чем положение христиан в Турции, где власти постоянно стравливали оставшихся христиан с мусульманами, прежде всего в Стамбуле².

В тот период освободившиеся от османского ига государства стремились гомогенизировать население своих стран. С северного побережья Эгейского моря греческие власти, опасаясь притязаний Болгарии на эти территории, выселили 60 тыс. болгар-христиан в Болгарию. У Греции уже давно сложились непростые отношения с соседними славянскими государствами. Причиной взаимного недоверия были исторические прецеденты, связанные с деятельностью Константинопольского патриархата во времена османского господства, а также амбиции, как Греции, так и соседних государств. Правителями Греции долгое время владела идея энозиса – возвращения утраченных территорий, на которых некогда жили греки. В свою очередь, Афины опасались панславянских настроений. Османские власти практиковали постоянные переселения на подвластных территориях. Например, при первых признаках неповиновения христиан (например, сербов), их переселяли в районы массового проживания мусульман. Таким образом, этносы и

¹ <http://www.ru.wikipedia.org/wik>. В дальнейшем оказалось, что Греция выполняла свои обязательства гораздо лучше, чем Турция.

² В сентябре 1955 г. в Стамбуле был организован погром, вылившийся в разграбление греческих, армянских и еврейских магазинов в квартале Бейоглу. В ходе беспорядков погибли 13 (по другим данным 16) греков (включая двух священников) и один армянин. Кроме того, были разрушены многие церкви, сожжены здания, повреждена инфраструктура города. Экономический ущерб от погрома в долгосрочной перспективе составил около 1,2 млрд руб. (соврем. оценка). Беспорядки затронули и другие города Турции, в первую очередь Измир (бывшая Смирна). Погром заставил оставшихся греков покинуть Турцию в кратчайшие сроки. Турки не скрывали истинных целей произошедшего погрома. Газета «Хюрриyet», например, писала тогда: «Мы хотели бы напомнить нашему малому соседу Греции, что непристойные дети, если они не возьмутся за ум, достойны порки. Что и говорить, Греции знакомы турецкие побои» [«Голос Армении» 21 апреля 2005 г. на сайте: <http://www.genocide.ru/lib/demoyan.htm>] В середине 80-х годов было запрещено любое школьное образование на греческом языке.

конфессии оказались разобщены, что затрудняло образование национальных государств.

К концу XIX в. Греция имела одну из самых сложных демографических ситуаций в Восточном Средиземноморье. Это объяснялось, прежде всего, тем, что греки концентрировались на побережье и на приморских равнинах, в то время как внутренние районы Балкан с VI в. осваивали славяне. Территории Анатолии (исконно эллинские) и Леванта заселялись тюркскими народами, армянами и др. Таким образом, Анатolia, на которой в свое время развивалась Византийская империя и где греческий язык и греческая культура были приоритетными, так и не стала частью Греции. В результате ассимиляционных процессов Малая Азия, бывшая еще в XII в. почти полностью христианской и грекоязычной, к началу XV в. превращается в мусульманский тюркоязычный эмират, где греческое население присутствует лишь на узкой прибрежной полосе на севере и западе полуострова. Утрата этих территорий, а также островов в Восточном Средиземноморье способствовала появлению идеи восстановления Византийской империи с центром в Константинополе и объединению всех греческих земель – *Мегалэ идэа*¹. Позднее в среде привилегированных кругов греческого населения Константинополя (фанариотов) в XVIII–XIX вв. осуществление этой идеи предполагало эволюционную трансформацию Османской империи в Византийскую, тем более что многие ключевые посты в государственном управлении, а также дипломатии, торговле и образовании находились в их руках.

К 1823 г. на территории Греции проживала лишь 1/5 часть всех греков. Поэтому сразу после того, как была признана независимость Греции в 1829 г., греки стали предпринимать усилия для воссоединения со своими соотечественниками, проживавшими на территориях не вошедших в независимое Греческое королевство, тем более что после ослабления Османской империи все балканские государства поспешили расширить свои владения. Одним из активных сторонников идеи энозиса (панэллинизма) был премьер-министр Греции Э. Венизелос (1864–1936)². Историки называют

¹ *Мегалэ идэа* – мечта о могучей державе, охватывающей два континента и пять морей.

² Элефтериос Кириаку Венизелос – греческий политик, восемь раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 г. Взгляды Венизелоса колебались от либерального республиканизма до консервативного монархизма, но всегда отличались крайним национализмом.

его главным виновником трагедии греческого народа во второй греко-турецкой войне (1919–1922), которая была связана в нарушение Мудросского перемирия. Он понадеялся на помощь Антанты (помощь оказалась незначительной) и недооценил силы турок под командованием Ататюрка. Греция потерпела поражение, которое привело не только к потере значительных территорий, но и к гуманитарной катастрофе – геноциду понтийских греков¹, проживавших до начала войны в Турции. Еще одна попытка осуществить идеалы панэллинизма произошла после военного переворота 1967 г. в период правления «чёрных полковников»², когда руководство Греции выступило за присоединение Кипра к Греции. В ситуацию немедленно вмешалась турецкая армия, которая оккупировала северную часть острова – 37% территории. В результате высадки и этнической чистки, произведенной турецкими войсками, остров был де-факто разделен на греческий и турецкий анклавы.

Естественно, что в этих условиях антитурецкие настроения в современной Греции сохраняются. Греция безоговорочно поддерживает требование мирового сообщества к правительству Турции признать геноцид армянского народа, имевший место 24 апреля 1915 г. Видные общественные деятели Греции неоднократно выступали в поддержку требования Армении. В частности, министр внутренних дел Греции П. Павлопулос даже направил в афинский офис «Ай дата» – армянской структуры, занимающейся «продвижением» признания геноцида армян, – письмо, в котором заявил, что геноцид армян имеет глубокие корни в памяти греческого народа. На одном из мероприятий, организованном «Ай дата»,

¹ Понтийские греки – этническая группа греков, потомки выходцев из исторической области Понт на северо-востоке Малой Азии (современная Турция). Современные историки датируют расселение греков на черноморском побережье приблизительно в 1200 до н.э. До того времени Черное море было известно греческому миру как *Pontos Axeinos* («Неприветливое Море»), название, измененное на *Pontos Euxeinos* («Гостеприимное Море»). В марте 1915 г. в окрестностях г. Смирны (ныне Измир) младотурками была осуществлена резня греков, призванных незадолго до этого в турецкую армию. Этнические чистки в отношении греческого населения Турции активно проводились турецкими националистами под руководством Мустафы Кемаля во время греко-турецкой войны 1919–1922 гг.

² Режим «Черных полковников» – военная диктатура правого толка в Греции в 1967–1974 гг., главным лозунгом которой стал откровенно шовинистический лозунг «Греция для греков-христиан». 15 июля 1974 г. режим организовал на острове Кипр военный переворот, в ходе которого был свергнут президент республики Кипр архиепископ Макариос III.

заместитель министра иностранных дел Греции Т. Касимис призвал Турцию признать геноцид¹. В Греции обосновался основатель армянской организации АСАЛА² А. Акопян. В свое время лидер курдских повстанцев РКК Абдулла Оджалан скрывался именно в дипломатических представительствах Греции в «третьих странах» – вплоть до своего ареста в Найроби. Таким образом, Греция оказывает всемерную поддержку всем противникам Анкары. Отсюда и происходят корни антимусульманских настроений, характерные для значительной части греков.

Грецию не миновали волны иммиграции, и теперь в ее городах кроме мусульман, проживавших в стране с давних времен, появились мусульмане-иммигранты из развивающихся стран. Само их существование в иноязычной стране заставляет объединяться в общины. Подобные сообщества стремятся сохранять свои традиции, а для взаимодействия с властями избирают соответствующие комитеты, тем более что за спиной этих людей стоят страны их исхода – в основном арабские страны, с которыми Греция поддерживает добрые отношения. В свое время Греция заключила военный договор с Сирией, который в Афинах рассматривался как «ответ» на военное сотрудничество Анкары и Тель-Авива. Таким образом, мусульманские диаспоры Греции представлены как местными, так и пришлыми мусульманами из числа иммигрантов, переехавших в Грецию в XX и XXI вв.

Мусульмане Родопского края

Ислам исповедуют оставшиеся в стране со времени Османской империи этнические турки, помаки, часть албанцев и цыган, живущих в материковой Греции, а также некоторое количество греков, проживающих во Фракии и на о. Родос. В районах традиционного проживания мусульмане сохранили численный перевес³.

¹ Эхо, Баку, 22.04.2006.

² АСАЛА – Армянская подпольная освободительная армия – международная террористическая организация, созданная решением руководства армянской националистической партии Дашнакцутюн в 1986 г. в швейцарском городе Цюрихе.

³ Греческое население Стамбула на протяжении XX в. продолжало сокращаться. К 1955 г. в городе осталось не более 100 тыс. греков и многие из них были изгнаны в результате погрома. Греко-турецкий договор имел и определенные исключения: из обмена были исключены греки-христиане Константинополя (на тот момент около 270 тыс. человек), островов Имброс (Гёкчеада) и Тенедос

В XX в. к существовавшим диаспорам автохтонных мусульман присоединилась диасpora современных иммигрантов из стран, традиционно исповедующих ислам.

До недавнего времени обе диаспоры – автохтонная и из числа иммигрантов – не контактировали между собой, однако выходцы из арабских и других стран оказались более активными, в том числе в решении ряда вопросов (например, в организации молитвенных помещений в Афинах). Они неоднократно призывали греческих мусульман выступать совместно и создать единую ассоциацию мусульман Греции.

Турецкое население Греции – это единственное религиозное меньшинство Греции, права которого официально признаны в регионе его традиционного проживания – в области Западная Фракия на севере страны. Этот район был больше подвержен исламизации и тюркизации, поэтому к началу XX в. православные греки в этом регионе составляли лишь 17% населения. У жителей этого района возникла своеобразная ситуация: дело в том, что Конституция Греции провозгласила православие государственной религией. Одновременно Конституция не признает за фракийскими турками статуса этнического меньшинства. Они находятся на положении меньшинства религиозного: официальная версия гласит, что это вовсе не турки, а греки, чьи предки когда-то приняли ислам. Кроме того, эта община – одно из двух признанных культурно-языковых меньшинств в Республике Греция, наряду с армянами. Перепись 1991 г. показала, что в Западной Фракии проживают 97 604 мусульманина, составляя 0,95% населения страны и 29% населения региона¹. В городе Комотини численность мусульманского населения составляет почти 40%, в городе Ксанти – 23%. Небольшие мусульманские общины существуют также на некоторых островах, в том числе на Додеканесе (архипелаг в юго-восточной части Эгейского моря) – 3 тыс., на островах Родос и Кос. Что касается цыган, то их большая часть является адептами Греческой православной церкви, а цыгане, проживающие во Фракии, – в основном, мусульмане. Крупная мусульманская община в области Фракия сформировалась после массовых

(Бозджаада), а также мусульмане (турки, болгары и цыгане) Западной Фракии (около 86 тыс.).

¹ По некоторым оценкам, до трети тех, кто назвал себя турком, на самом деле являются помаками, т.е. исламизированными болгарами. См.: Дума. София. 21.05.2009.

нашествий турок в XIV–XVI вв., когда здесь было основано множество турецких поселений, распространился ислам и значительная часть местного населения (православные болгары и греки) добровольно или под давлением приняли новую религию. Процессу исламизации региона активно способствовали тюркоязычные кочевники *юрюки*, которых Стамбул активно переселял на Балканы и в Грецию. Во времена османского владычества все мусульмане (болгароязычные, грекоязычные и цыгане) региона (около 75% населения) автоматически причислялись к туркам. По аналогии, всех христиан (25%) региона считали греками, хотя среди них были и представители других славянских народов, например, болгары.

Ослабление Османской империи послужило поводом к вторжению в регион войск Болгарии и Греции. Однако местное мусульманское население оказалось активный отпор и образовало свое недолговечное государство, известное как Гюмюрджинская республика (1918). По Лозаннскому мирному договору 1923 г. Западная Фракия была закреплена за Грецией.

В числе жителей Западной Фракии до сих пор проживают потомки турецких колонистов, которыми османские власти заселяли захваченные земли Восточной Европы. Естественно, что это сообщество пополнялось за счет браков с представителями исламизированного населения Греции. После того как в 1998 г. в Греции был отменен закон, разрешавший лишать гражданства представителей национальных меньшинств, в статистических документах эта категория населения фигурирует как «греки турецкого происхождения». По неофициальным оценкам, численность турок – граждан Греции, составляет примерно 80–120 тыс. человек. Приблизительность статистических данных объясняется тем, что часть турок покинула традиционный ареал своего обитания во Фракии, но, переселившись в другие районы Греции, турки стремятся не афишировать свое этническое происхождение, так как в стране сохраняется туркофobia. Но основная часть греческих турок по-прежнему проживает в двух городах – Комотини и Ксилагани. Во Фракии есть несколько деревень со смешанным населением.

В этом районе на периферии страны мусульмане образовали сплоченную и довольно изолированную от греческого общества

группу и сохранили свои права на язык и вероисповедание¹. Тем не менее имеется ряд неразрешённых проблем в сфере культуры и образования.

Политическая и культурная изоляция греческих мусульман

Как уже отмечено выше, Конституция Греции (1975) не признает за турками статуса этнического меньшинства. Более того, признавая право на существование других религий, Конституция провозглашает господствующей религию восточно-православного христианства. В соответствии с Основным законом страны все государственные чиновники обязаны приносить присягу перед православным священником². Вступая в должность, президент Греции принимает перед Палатой депутатов присягу, которая начинается словами: «Клянусь именем Святой, единосущной и нераздельной Троицы соблюдать Конституцию и законы...» (ст. 33 Конституции).

Естественно, что эта ситуация оказывает свое влияние на продвижение по служебной лестнице христиан и мусульман. Представители Европейского сообщества неоднократно указывали Греции на недопустимость фактического узаконивания дискриминации по конфессиональной принадлежности. Особенно наглядно это проявляется в области образования. Ежегодно правительство определяет квоты на получение высшего образования для представителей национальных меньшинств, тем не менее большая часть греческих турок имеет лишь начальное образование. Это объясняется рядом причин. Во-первых, основная часть турецкого населения традиционно занята в сельском хозяйстве и редко меняет род

¹ Права мусульман на образование на родном языке признаются только в регионе Западная Фракия. Мусульманские иммигрантские общины других регионов Греции этими привилегиями не пользуются.

² В последнее время в Греции заметно меняется отношение к церкви и вере. И хотя православная церковь традиционно продолжает играть в жизни государства и общества важнейшую роль, в течение последних двух десятилетий всё больше набирали силу иные тенденции. В конце 1990-х годов была отменена графа о вероисповедании в паспорте, что вызвало недовольство многих верующих. В 2000-е годы стал активно дискутироваться вопрос об отмене традиционного для Греции преподавания курса православия в школах, а также общие молитвы в школах, традиционное принесение присяги с участием священнослужителей, обсуждается также вопрос об отделении церкви от государства.

занятий. Как правило, греческие турки занимаются выращиванием табака и других сельскохозяйственных культур. Занятая ими профессиональная ниша позволяет им чувствовать себя комфортно среди единоверцев. Кроме того, стремление жить в своей общине, в соответствии с традициями предков, обусловлено также тем, что за ее пределами турки ощущают себя людьми второго сорта. Во-вторых, в Министерстве образования Греции сложилась практика направлять в школы для турецких детей наиболее слабых учителей, что привело к низкому качеству образования среди школьников региона. Учителя, не зная турецкого языка, не могут установить контакт с учащимися и их родителями. Естественно, что в этих условиях они стремятся при удобном случае сменить место работы. Кроме того, в этих школах не дается знаний греческого языка, достаточных для того, чтобы продолжить образование в греческих вузах. По сообщениям информационного портала РусОриент, «значительный интерес к образовательным процессам во Фракии проявляет известный исламский общественный фонд Ф. Гюлена». Как известно, этот турецкий меценат успешно собирает с турецких предпринимателей деньги на поддержку турецких школ по всему миру. Считается, что, по крайней мере, одна из частных школ Фракии – «Элит» – существует при поддержке упомянутого фонда. По инициативе и при поддержке бывшего депутата Галипа основано некоммерческое общество под названием «Культурная образовательная организация мусульманского меньшинства Западной Фракии». Организация предпринимает попытки взять под свою опеку все мусульманские частные образовательные учреждения. В ее планах, в частности, подбор персонала для частных школ, отбор учебных материалов. Существуют и планы по открытию филиала одного из турецких колледжей, как только будет решен вопрос о функционировании в Греции частных университетов¹. Но до сих пор многие семьи вынуждены отправлять своих детей учиться в Турцию, откуда они не всегда возвращаются, а если возвращаются, то испытывают трудности при устройстве на работу. Подобная ситуация отражается на самосознании греческих турок, способствует культивированию ощущения второсортности по сравнению с греческим национальным большинством. Можно констатировать, что мусульмане, проживающие в Западной Фракии, живут в политической и культурной изоляции.

¹ <http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=18&vid=587&lang=rus>

В других районах Греции мусульмане по-прежнему находятся перед выбором между обучением детей в одних классах с православными или оставлением детей вне стен учебных заведений. Несмотря на многократные требования мусульман предоставить им возможность детского религиозного образования на равных правах с представителями других конфессий, по сей день не достигнуто соглашение о назначении преподавателей ислама в государственные школы, как это реализовано в отношении православных греков. В последнее время запреты уступили место проволочкам.

Тем не менее некоторые уступки мусульманскому населению были сделаны. В 1960 г. специальным постановлением Ареопага (Верховного суда Греции) во Фракии было закреплено положение, согласно которому преимущественное право в регулировании семейных и в том числе наследственных разногласий принадлежало муфтию, который руководствовался шариатом. В соответствии с этим греческие суды следовали решению, которое выносил муфтий. Однако это положение неоднократно нарушалось. Так, по информации *Islam News* (со ссылкой на Greek.ru от 5 апреля 2008 г.), суд первой инстанции северо-греческой области Родопи нарушил постановление Верховного суда о приоритете в судебной практике мусульманских законов и вынес решение о разделе наследства мусульманской семьи по светским законам Греции¹.

На протяжении своего существования мусульманские общины в Греции подвергались религиозной, социальной и политической дискриминации. До недавнего времени у них не было политической партии, которая представляла бы их интересы в

¹ Речь шла об иске женщины-мусульманки против своего брата в попытке получить равные права на наследуемое имущество их скончавшегося отца. По шариату наследство умершего распределяется следующим образом: 1/8 часть получает его вдова и 7/8 получают дети, но при этом каждый сын берет долю, в два раза превышающую долю каждой дочери. В заявлении судьи говорится, что свое решение суд мотивировал борьбой за справедливость в ее светском понимании. Как посчитали греческие судьи, «применение анахронических законов, которые действовали в переходный исторический и культурный период более не представляется возможным». Решение греческого суда отменило решение местного муфтия, который обычно занимался распределением наследуемого имущества, согласно мусульманским законам. В этом случае сам факт обращения мусульманки в суд, а не в религиозную инстанцию свидетельствует о доверии к государственным инстанциям Греции и стремлении жить по ее законам.

парламенте. В районах традиционного проживания греческих мусульман (Западная Фракия) зарегистрированы две небольшие партии: «Доверие» – в провинции Родопы и «Судьба» – в провинции Ксанти. Обе партии опираются на голоса местного населения, и на парламентских выборах в 1989–1990 гг. им удалось получить по одному депутатскому мандату. Партии участвовали и в последующих выборах, однако новая избирательная система предусматривает 3%-ный барьер, препятствующий допуску малых партий в парламент.

Международные правозащитные организации отслеживают положение мусульман в Греции. В частности, благодаря усилиям правозащитников удалось отменить ряд унизительных ограничений, распространяемых на мусульман при покупке земельного участка или строения. Правозащитники обнаружили, что мусульмане (в отличие от православных греков) должны были получать соответствующие разрешения на занятие некоторыми профессиями, а также на вождение автотранспорта, и добились их отмены. Впоследствии стало известно, что на практике только 5% прошений на получение лицензий удовлетворялось. В начале 90-х годов прошлого века греческое правительство провело конфискацию значительной части принадлежавших мусульманам земель, оправдывая ее тем, что принятые новые принципы государственной земельной политики, но в итоге после конфискации эти проекты так и не были реализованы. В результате этих мероприятий в распоряжении фракийских мусульман осталось всего лишь 35% их земель, тогда как в 1923 г. им принадлежало 85%. По мнению правозащитников, греческие власти пытались таким образом побудить мусульман к эмиграции в Турцию. Кроме того, греческие чиновники, вероятно, согласно распоряжениям «сверху», использовали все возможности для того, чтобы лишать мусульман греческого гражданства. Согласно ст. 19 греческого Закона о гражданстве, лица негреческого происхождения могут быть лишены гражданства в том случае, если, выехав за пределы страны, они не докажут своего намерения вернуться обратно. Статья 20 того же закона предусматривает лишение гражданства лиц, добровольно перешедших на службу к иностранным державам. Весьма вольно трактуя эти две статьи, греческие власти лишили гражданства тысячи людей, значительную часть которых составляют мусульмане. Что касается другой категории мусульман – помаков, большая часть которых до недавнего времени проживала в Болгарии, то последние переписи населения, проведенные в Болгарии,

демонстрируют отсутствие такой категории населения, в то время как в Греции помаки по-прежнему проживают в районе, прилежащем к болгарской границе.

До 1995 г. район проживания греческих (болгароязычных) помаков был объявлен охранной зоной. Местные жители имели специальные внутренние паспорта, ограничивавшие свободу их передвижения внутри охранной зоны, контролируемой полицией. Въезд в охранную зону извне был ограничен. Таким образом, греческие помаки были изолированы (так же как и от своих собратьев в соседней Болгарии) от остального населения страны, что негативно сказалось на их ментальности.

Ситуация с языком, культурой и этническим самосознанием помаков в Греции достаточно запутанна. Как мы уже отмечали, в современной Греции болгароязычные мусульмане проживают в области Западная Фракия (в номах Ксанти, Родопи и Эврос). Греко-турецкий обмен населением не затронул эту категорию населения, но большинство православных болгар покинули Грецию, а помаки греческой части Македонии¹ были выселены в Турцию.

Влияние греко-турецких отношений на положение мусульман

Отношения между Болгарией и Грецией отягощены рядом факторов. Во-первых, это церковный раскол (схизма) между Константинопольской и Болгарской церковями, который фактически произошел еще в 1872 г., что привело к почти полной изоляции болгарского экзархата в межцерковных отношениях. Авто-

¹ Греческая Македония, или Эгейская Македония, – часть историко-географической области Македония, которая по Бухарестскому договору была включена в состав Греции и составляет свыше 25,9% территории современного греческого государства. Это второй по населению и наибольший по площади регион Греции. Македония занимает примерно 52,4% площади географической Македонии 1912 г. и насчитывает около 52,9% ее населения. Вопрос о принадлежности территории обсуждался на болгаро-греческих переговорах в 1911 г. Весной 1912 г. был подписан болгаро-греческий оборонительный союзный договор, согласно которому стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать друг другу содействие, в том числе вооруженными силами, а после – не заключать мира иначе, как совместно. Однако опасения внезапного возникновения войны с Турцией, заставлявшие обе стороны торопиться с окончанием переговоров, привели к тому, что между Болгарией и Грецией не было достигнуто соглашения о проведении границы в Македонии.

кефальский статус Болгарской церкви был признан Константино-польским патриархатом лишь в феврале 1945 г. Об этом подробно писал русский философ К.Н. Леонтьев. Во-вторых, территориальный вопрос: Греция претендует на часть западных земель Болгарии, известных как Македония (административный центр Благоевград (прежние названия Горна Джумая, Скаптопара)).

Несмотря на договорные обязательства, заключенные с Болгарией в начале XX в., греческое правительство беспокоилось по поводу возрастающего влияния славян на политику Балкан и склонялось к сотрудничеству с Турцией. На протяжении десятилетий официально Греция признавала лишь турецкий язык, на базе которого были созданы школы для всех мусульман (включая помаков) на севере страны. В результате помацкая общность на территории Греции в настоящее время сильно отуречена, а турецкий язык и культура, поддерживаемая Стамбулом, заметно укрепились. После 1990 г. греческие власти, пытаясь исправить создавшееся положение, пошли на некоторые уступки помакам, что, по их мнению, должно было стимулировать рост их собственного самосознания и сохранение болгарского языка. Однако они натолкнулись на то, что эта часть населения более ориентирована на Анкару, так как турецкие благотворительные организации оказывают небольшую, но регулярную помощь мусульманам этого региона. Налицо опасность, что здесь произойдет отуречивание помацкого населения, так, как это уже случилось в Болгарии.

По переписи 2001 г. в Греции помаками себя признали 36 тыс. человек, в том числе: 23 тыс. в nome Ксанти (22% населения), 11 тыс. в nome Родопи (10% населения), 2 тыс. в nome Эврос (2% населения). При этом 54 тыс. человек в Западной Фракии объявили себя турками, в том числе: 10 тыс. в nome Ксанти, 42 тыс. в nome Родопи, 2 тыс. в nome Эврос. Греческое правительство не отрицает права мусульман в этом регионе страны, однако имеется ряд неразрешенных проблем в сфере культуры и образования. Греки были больше подвержены полной тюркизации, поэтому к началу XX в. православные греки составляли лишь 17% населения этого региона. Однако, по некоторым данным, до трети тех, кто назвал себя турком, на самом деле являются помаками¹.

¹ (<http://www.patrides.com/march02/pomaki.htm>). Характерно, что в соседней Болгарии официальные переписи населения уже не фиксируют наличие помаков. Трагедия, пережитая болгарами-мусульманами в 1988–1989 гг., имела своим последствием переориентацию этой категории населения на Турцию.

Распад Югославии, а также нестабильность в Албании и Македонии создали на северных границах Греции опасную ситуацию. Разгоревшийся боснийский конфликт усугубил положение. В последнее десятилетие значительно активизировалась эмиграция албанцев из Албании и Македонии в Грецию.

Албанская diáspora в Греции

К мусульманскому населению Греции следует отнести и албанскую общину, которая возникла в XIV в. в период османской экспансии. Часть албанцев, проживающих на юге Албании и на севере Греции, приняла православие и находилась под опекой или влиянием греческой церкви. Именно они, живущие по обе стороны современной албано-греческой границы, являются причиной сохраняющихся взаимных претензий. Территории проживания албанцев (с точки зрения их вхождения в состав этих государств) взаимно оспариваются и по сей день, по крайней мере, на неофициальном уровне. Решениями Берлинской конференции 1878 г. часть территории балканских провинций Османской империи (где, в том числе, проживало и албанское население) вошла в состав Греческого королевства. После выхода Албании из самоизоляции во второй половине XX в. население ее южных районов стало активно развивать экономические отношения с Грецией, что во многом обеспечивало его существование. В итоге восстановилась традиционная ориентация южных албанцев на Грецию, отмечавшаяся еще в XIX в. В начале 1990-х годов албанцы стали эмигрировать в Грецию, селясь преимущественно в больших городах – Афинах и Салониках. Сегодня это самая крупная иностранная община в Греции.

Согласно переписи населения 2001 г., в Греции было зарегистрировано 443 550 албанских граждан, не считая нелегальных иммигрантов из Албании, а также албанцев, переехавших из Республики Македония¹. Негативное отношение к албанцам² имеет

¹ Дума. София 12.03.2005.

² По мнению респондентов автора из числа русских иммигрантов в Греции, положение албанской общины в последние годы значительно упрочилось. Характерно, что родители уделяют много внимания образованию детей. Имена албанцев реже мелькают в криминальной сводке. На фоне более поздних волн иммиграции – из Румынии, Болгарии, Молдавии и др. – албанцы выглядят «более цивилизованными». Это, правда, не исключает участие албанцев в криминальных группировках, особенно тех, которые традиционно связаны с незаконным оборотом наркотиков.

давнее происхождение. Во времена турецкого присутствия в Юго-Восточной Европе Стамбул предпочитал контролировать ситуацию на подвластных территориях, в том числе в Греции, с помощью войск янычар, которые держали в повиновении местное население. Среди них особо дурной славой пользовались выходцы из Албании. Сегодня присутствие албанцев в Греции рассматривается как напоминание об османском владычестве. Еще в 1879 г. лидеры албанского национального движения представили греческому правительству декларацию, в которой они заявляли о правах Албании на часть греческих земель. В частности, они претендовали не только на населенную албанцами северо-западную часть греческого Эпира – Чамерию, но и на весь Эпир. В декларации утверждалось: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; в старину Эпир был одной из составных частей Албании.., никогда греки не владели этой страной»¹. В 1982 г. МИД Албании вновь затронул вопрос об «исконных албанских районах на северо-западе Греции». Позднее Тирана даже заявила, что намерена рассматривать «проблему прав албанского населения и уточнения взаимных границ» в зависимости от политики Греции в отношении греческого меньшинства в Албании². Российские исследователи отмечают, что в Тиране и Приштине (столице Косова) можно найти карты «Великой Албании», в состав которой включена почти вся Македония с ее столицей Скопье, а также треть греческого Эпира³. Характерно, что численность албанцев в Чамерии быстро растет за счет гастарбайтеров и нелегальных эмигрантов с юга и юго-востока Албании. Греческие СМИ высказывали беспокойство по поводу того, что их количество в этом районе Эпира может превысить 70% всего населения. Кроме того, греческие эксперты опасаются массированной иммиграции албанцев с юго-запада Македонии, который уже перенаселен. В Афинах считают, что Македония не станет препятствовать оттоку албанского населения со

¹ <http://www.globoscope.ru/content/articles/1665/>

² Там же.

³ В конце 2010 г. появились сообщения о создании в Северо-Западной Греции «Освободительной армии Чамерии», готовой вооруженным путем добиваться присоединения к «Великой Албании» Эпира и Теспротии (албанцы претендуют на 11% греческой территории, включая остров Корфу и еще шесть городов). О таких настроениях свидетельствуют лозунги, которые обычно вывешиваются во время различных торжеств. В частности, наблюдатели обратили внимание на плакат с лозунгом «Без Косова и Чамерии нет Албании!», вывешенный в Приштине (Косово).

своей территории, тем более что Греция отказалась признавать Республику Македония под ее историческим названием¹ и тем самым блокировала ее вступление в Евросоюз и НАТО.

В январе 2007 г. боевики из левацкой террористической группировки «Революционная борьба» обстреляли здание американского посольства в Афинах. На осколках самоуправляемого снаряда, взорвавшегося в посольстве, специалисты обнаружили китайское клеймо и установили время изготовления снаряда – 1974 г. По мнению представителей греческих спецслужб, боеприпас был привезен из Албании, где после разграбления военных складов оружие и гранаты появились на черном рынке. По оценкам полиции в период 1997–2002 гг. из Албании в Грецию было доставлено примерно 38 500 автоматов Калашникова и других видов стрелкового оружия².

Точное количество экономических беженцев из Албании сложно определить, ведь далеко не каждый из них живет и трудится в стране легально. Согласно данным исследовательской организации Греческий фонд европейской внешней политики (ELIAMEP), «в Греции находится около 400 тыс. албанцев. Кроме них есть еще одна категория албанцев – нелегальных мигрантов, которые живут в Албании, но приезжают сюда на заработки (фронтальеры)³». В последние годы они всё меньше прибывают на сезонные работы, предпочитая жить в этой стране постоянно.

До недавнего времени в Грецию приезжали в основном мужчины и занимались для работы на стройке. После начала финансово-экономического кризиса Греция, по требованию Евро-

¹ С 1993 г. по настоящему Греции было принято новое официальное название Македонии, используемое в ООН, – Бывшая Югославская Республика Македония. Евросоюз также дал Греции гарантии, что Македония сможет стать полноправным членом этой организации только после согласования названия. В апреле 2011 г. Македония подала иск в Международный суд в Гааге. Македония обвиняет Грецию в создании препятствий для вступления Македонии в ЕС и НАТО.

² Компас, ИТАР-ТАСС. – № 8. – 2007. – С. 63. В 2001 г. британские военнослужащие даже проводили специальную операцию в Македонии, цель которой собрать и распорядиться оружием боевиков так называемой «Национальной освободительной армии Албании». Характерно, что экстремисты согласились расстаться со своим вооружением в обмен на уступки македонского правительства албанскому меньшинству в административно-правовой сфере [Независимая газета, 17.08.2001].

³ Рабочие-фронтальеры – это мигранты, ежедневно пересекающие границу, чтобы работать в соседнем государстве.

союза, приняла в 2001 г. новые законы, на основе которых ежегодно Афины выдают албанцам до полумиллиона временных и рабочих виз. Сейчас албанские семьи больше полагаются на женщин, которые заняты в таких сферах, как обслуживание или уход за пожилыми людьми¹. Репутация албанских иммигрантов подорвана криминальными элементами, которые занимаются кражами, похищениями, распространением наркотиков. Более 60% случаев оборота наркотиков, ставших предметом расследования в Греции, связано с албанцами. За этими преступлениями очень часто стоят легально действующие в Греции албанские криминальные группировки. По данным опросов, более 80% греков испытывают неприязнь к албанцам, считая, что они представляют угрозу стране.

В ноябре 2010 г. на встрече министров иностранных дел Евросоюза было принято решение об отмене визового режима с Албанией. СМИ Афин, учитывая то, что часть албанцев захочет воссоединиться с родственниками в Греции, пророчествовали, что можно ожидать значительного наплыва албанских граждан в Грецию². Многие общественные организации, в основном, в Эпире, резко осудили решение европейских министерств иностранных дел, утверждая, что положение в терзаемой экономическим кризисом Греции только ухудшится. В настоящее время албанский вопрос для Греции связан с положением греков в Южной Албании, а для последней – с положением албанского населения в пограничных греческих районах. Как уже отмечалось выше, обе стороны по-разному интерпретируют историческую принадлежность территорий и взаимно оспаривают численность в этих районах греческого и албанского населения. Имеются взаимные претензии и в связи с нарушением прав человека по этническим и религиозным признакам. Грецию не могут не беспокоить настроения ирредентизма в Албании и ее расширяющиеся связи, равно как и связи всех албанских общин Балканских стран с Турцией.

Албанцы требуют от греческих властей открытия школ и культурных центров на родном языке. Они быстро заселяют пустеющие греческие сёла и обзаводятся потомством. Это в свою очередь способствует более быстрому получению греческого гражданства. Дело в том, что согласно Закону № 3284, принятому

¹ <http://www.kompasgid.ru/?p=10559>

² По данным Национальной статистической службы и Национальной туристической организации в Грецию только в период 2000–2002 гг. прибыло более 717 тыс. албанцев. – <http://www.ria.ru/world/20020613/173939.html>

в 2004 г., лицо, родившееся на территории Греции (если при этом оно не является обладателем гражданства иной страны), может получить греческое гражданство при условии, что его родители имеют вид на жительство и проживают в Греции в течение десяти лет¹. Кроме того, греческий закон признает наличие второго гражданства.

Исламские и иудейские общины в Греции носят статус полугосударственных, в то время как католическая и другие христианские церкви признаются законом исключительно как частные организации. В июне 2004 г. Европейский суд по правам человека назвал Грецию единственной страной ЕС, в которой «ощущимы нарушения религиозной свободы». До мая 2006 г. православная церковь обладала традиционным правом давать разрешения на строительство культовых зданий других религий.

После 1990 г. в Греции начали складываться мусульманские иммигрантские общины, представленные выходцами из стран Ближнего Востока, Северной Африки, а также из Афганистана, Пакистана, Индии, Бангладеш и Сомали. Характерно, что греки активно поддерживают арабские страны в их борьбе за справедливое решение ближневосточного конфликта.

Европейские и международные организации не раз обращали внимание правительства и парламента Греческой Республики на нарушения прав и свобод национальных и религиозных меньшинств, но реальных мер к изменению дискриминационных актов пока не произошло. Тем не менее, несмотря на традиционную антитурецкую и антимусульмансскую политику, отношение к мусульманам в греческом общественном мнении не столь политизировано. Часть греков считает, что религиозные и национальные различия не повод для вражды. Людей должны объединять общечеловеческие ценности. Ряд ситуаций позволяет нам сделать вывод о том, что греческое население способно на сочувствие и оказание поддержки и помощи. В качестве примера можно привести действия греческих врачей с Кипра, которые оказывали помощь туркам, пострадавшим в августе 1999 г. от сильнейшего землетрясения. Тогда же футболисты греческого клуба ПАОК провели благотворительный матч, все средства от которого были перечислены в фонд помощи жертвам стихии в Турции².

¹ <http://www.euro-resident.ru/docs/120.html>

² <http://www.islam.ru/content/obshchestvo/1163>

Греко-турецкие отношения на рубеже XX и XXI вв.

Вероятно, несмотря на союзнические отношения в рамках НАТО, преодолеть взаимную неприязнь Афин и Анкары в ближайшем будущем не удастся. Но некоторые шаги в этом направлении уже делаются. Как и в других странах, бывших некогда под османским игом, Турция стремится поддерживать мусульманские общины, особенно те, членами которых являются турки. Можно по-разному оценивать эту помощь, но в условиях финансово-экономического кризиса она своевременна. Однако беря на себя обязательства помогать греческим мусульманам, Анкара стремится реализовать свои цели. В частности, в 1999 г. Комиссия ЕС провела проверку и выявила нарушения прав человека в отношении мусульман в Западной Фракии. Комиссия обратила внимание на то, что учебники, по которым учатся дети, изданы в Турции и содержат тексты, подрывающие престиж Греции.

В греко-турецких отношениях проблема турецкого меньшинства занимает третье место после проблемы Кипра и островов Эгейского моря. Греция формирует свою долгосрочную стратегию в отношениях с мусульманами, как в Западной Фракии и Южной Болгарии, исходя из своей антитурецкой политики. Целью этой политики является ограничение турецкого влияния на мусульманское население страны и сближение этого населения с коренным большинством Греции. В частности, в Греции разрабатывается идея об общем греческом корне населения Родоп.

Г. Папандреу, премьер-министр Греции (с 6.10.2009 г. по 9.11.2011 г.) свой первый зарубежный визит осуществил в Турцию, где принял участие в неформальной встрече глав МИД Балканских стран и провел длительные двусторонние переговоры с турецким премьер-министром Р.Т. Эрдоганом. Среди обсуждавшихся вопросов¹ были и проблемы турецкого меньшинства, проживающего в Греции. Следует отметить, что за два года до этого визита официальный представитель МИД Греции Й. Кумуцакос заявлял, что Афины не будут вести переговоры с Турцией по вопросам статуса

¹ Отношения между двумя странами омрачены спорами по поводу раздела акватории Эгейского моря, а также Кипра. В 2009 г. греческое руководство не поддержало инициативу Р.Т. Эрдогана провести четырехсторонний саммит по «кипрской проблеме» с участием представителей Турции, Греции, Турецкой Республики Северного Кипра и Греческой администрации Кипра.

мусульманского меньшинства в Греции, хотя Анкара неоднократно обращала внимание греческой стороны на то, что «это одна из наиболее важных тем в наших контактах». Глава МИД Турции А. Гюль утверждал, что Греция не признает равных прав в образовании для членов меньшинств и создает проблемы в самоуправлении мусульманских общин. Возникшее в результате стамбульской встречи оживление двусторонних связей между двумя странами позволило политическим обозревателям говорить о начале «процесса нового сближения».

Еще в 2007 г. тогдашний министр иностранных дел Греции Д. Бакоянни объявила о принятии пакета реформ, в рамках которых предусматривался фискальный иммунитет вакфов, принадлежащих турецкому национальному меньшинству¹. Однако реализация нового закона не была осуществлена. В рамках принятого пакета реформ также предполагалось предоставление религиозным деятелям статуса государственных служащих, что вызвало бурные протесты со стороны турецкого нацменьшинства. Представители турок, проживающих в Западной Фракии, заявили, что эти реформы были приняты без учета мнения турецкого нацменьшинства и потому невыполнимы. Дело в том, что внутри турецкой общины есть разногласия. В частности, турки Западной Фракии не признают муфтиев, избранных турецким нацменьшинством, проживающим в Афинах. Сохраняются спорные вопросы вокруг имущественных прав между церковными священнослужителями и представителями администрации вакфов. В 2009 г. в двух мечетях Западной Фракии («Окчулар» и «Сюнне»), находящихся в собственности администрации вакфов, случился пожар, который был охарактеризован как преднамеренный поджог.

Греция сохраняет свою позицию по ограничению прав турецкой ассоциации в Искече (Ксанти), несмотря на решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), признавшего законным деятельность данной ассоциации со всеми вытекающими последствиями. Турецкие эксперты также критикуют существующую в Греции практику, в соответствии с которой 3%-ный порог для политических партий, препятствует представителям национальных меньшинств принимать участие в политической жизни страны. В стране сохраняется практика объединения некоторых районов во время выборов, что приводит к искусственно созданнию греческого большинства в этих временных образованиях. Тем

¹ <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/24-12-09a.htm>

не менее в октябре 2009 г. турецкое нацменьшинство всё же сумело провести в парламент Греции двух своих представителей.

Современное положение мусульманской общины Греции

До 1990 г. греческие мусульмане сами избирали своих духовных лидеров, однако в последнее десятилетие правительство ввело порядок назначения муфтиев, мотивируя это тем, что муфтий исполняет не только религиозные, но и некоторые административные функции. В ответ на это мусульмане не признали назначенного христианским правительством муфтия и избрали двух новых – одного в городе Комотини, а другого – в Ксанти. Конфликт между мусульманской общиной и правительством закончился тем, что в 1996 г. избранных народом муфтиев приговорили к различным срокам лишения свободы, хотя в тюрьму никто из них не попал: один был выпущен под залог, а другой добился отмены приговора по апелляции. После этого правительство уже не выпускало из виду ни одного кандидата на пост муфтия.

Турецкое меньшинство в Греции обладает стройной организационной структурой. В Западной Фракии имеются три муфтия и около 270 имамов, действуют около 300 мечетей. Главный управляющий орган меньшинства – это «Высший совет Западной Фракии», который заседает раз в месяц и выносит свои заключения по всем вопросам жизни диаспоры. Совет состоит из 32 самых уважаемых представителей меньшинства, которые всегда стараются принимать решения по взаимному согласию. Все турецкие организации этого района являются членами Общества солидарности мусульман. В других районах также существуют мусульманские союзы. Тем не менее между мусульманскими сообществами нет согласия по ряду вопросов, что связано с разным уровнем самосознания, а также отсутствием согласованности в осуществлении совместных действий.

В столице Греции, где насчитывается несколько десятков тысяч мусульман, до сих пор нет мечети. В восточной части Афин можно увидеть старинное здание мечети под названием Цистара-кис, которая была основана в 1759 г. османским чиновником Мустафой-ага Цистаракисом, но оно не используется как культовое здание. Как и в большинстве стран Европы, греческие мусульмане вынуждены были приспособливать под место для совершения намаза брошенные и подсобные помещения, гаражи, которые отнюдь

не соответствуют стандартам религиозного собрания. Вопрос о строительстве мечети в столице Греции был поднят еще в 1978 г., когда саудовский король Халид ибн Абдель Азиз ибн Сауд (1912–1982) добился обещания премьер-министра К. Караманлиса построить мечеть в северной части Афин. Разговоры о строительстве мечети возобновились в связи с Олимпийскими играми 2004 г., на которые ожидалось прибытие спортсменов из мусульманских стран. Однако намерение правительства Греции натолкнулось на противодействие Греческой православной церкви, традиционно имеющей мощную поддержку населения. Это поставило в трудное положение греческое правительство, тем более что Афины к этому времени были единственной столицей в Европе, где мусульмане не имели своей мечети. В печати разгорелась дискуссия о необходимости удовлетворить чаяния мусульман, проживающих в столице. В частности, министр иностранных дел Греции Г. Папандреу заявил: «Афинская мусульманская община постоянно растет, поэтому необходимость возведения мечети в столице становится неотлагательной. И это соответствует духу мультикультурной демократической Европы».

Было решено построить мечеть на окраине Афин в Пеании (недалеко от аэропорта). Однако жители этого пригорода запротестовали. Их поддержала Греческая православная церковь, призвавшая правительство перенести строительство в другое место, «дабы не создать у гостей греческой столицы неверного впечатления о преимущественно христианской стране». Кроме того, правительству было предложено построить в Пеании церковь. Греческая патриархия высказалась также против намерения правительства построить рядом с мечетью исламский образовательный центр.

Противодействие Греческой православной церкви поставило в трудное положение правительство, которое надеялось завершить строительство к началу Олимпиады-2004. Азербайджанская печать, комментируя сложившуюся ситуацию, объяснила это стремлением греческой церкви представить дело так, что история мусульманской общины Греции началась на рубеже XX–XXI вв., но никак не XVI–XVII вв.¹ Министерство образования и исповеданий внесло в парламент страны соответствующий законопроект, который предусматривает, что мечеть будет построена на государственные деньги. На эти цели было предусмотрено выделить

¹ Эхо, Баку, 22.04.2006.

15 млн евро, а также определено ежегодное содержание мечети в 300 тыс. евро. Место для строительства мечети было выбрано в отдаленном от центра районе Элеонас. Кроме того, Греческая православная церковь предоставила 300 тыс. кв. футов (28 тыс. м²) земли, стоимостью около 20 млн долл., на западе Афин под мусульманское кладбище¹. Было также предусмотрено, что мечеть возглавит имам, назначаемый правительственной комиссией и получающий зарплату от государства. Однако в 2010 г. проект еще не был осуществлен. Президент Всегреческого мусульманского союза Наим Эльгантур неоднократно выступал в печати, обращая внимание на то, что бюрократические проволочки затягивают строительство. «Власти предложили нам представить некоторые документы, которые мы высыпали им уже дважды, и которые они якобы потеряли». Правительство неоднократно возвращалось к вопросу о строительстве мечети. По нашим данным, предполагалось, что строительство начнется весной 2012 г. Однако в январе 2012 г. группа греческих епископов, ученых и представителей военной элиты подала в государственный совет петицию против парламентского билля, разрешившего строительство мечети в столице страны. В петиции говорится, что строительство мечети противоречит Конституции страны и вредит национальному единству. Кроме того, авторы протesta подчеркнули высокую стоимость проекта в свете греческого финансового кризиса. Митрополит Серафим, известный своими ультраправыми взглядами, заявил, что строительство мечети в Афинах стало бы проявлением неуважения к христианским мученикам.

22 июня 2007 г. в греческой столице открылся первый исламский центр, предназначенный для мусульман, которые 170 лет ждали создания подобного института. В центре, занявшем площадь 19,5 тыс. кв. футов, расположен молельный зал, способный вместить более 2 тыс. верующих. Центр был организован в здании бывшей текстильной фабрики в районе Мосхато. Оно было приобретено бизнесменом из Саудовской Аравии, который переоборудовал его и подарил местной мусульманской общине. В отремонтированном здании созданы специальные комнаты для подготовки к совершению намаза, полы покрыты коврами, привезенными из Турции. Помещение оснащено телевизионными экранами.

¹ До недавнего времени в стране было единственное мусульманское кладбище в северо-восточном районе страны Трейс, где обряд погребения совершался строго по шариату.

На церемонии открытия центра присутствовали более тысячи греческих мусульман. Кроме того, были приглашены представители европейских мусульманских организаций, посольств Ирана и Саудовской Аравии, священнослужители из ряда мусульманских стран, а также представитель Греческой православной церкви.

В Греции, которая долгое время находилась в составе Османского государства, существует большое количество памятников мусульманской культуры. Это и старейшая в Европе мечеть Великий Теменос¹, построенная во время правления османского султана Мухаммеда Первого (1413–1421), и имарет² в городе Кавала, построенный на деньги губернатора Египта Мухаммеда Али Паши (1769–1849), уроженца этого города, и возведенная в XV в. мечеть в городе Серресе. Однако после обретения Грецией независимости в 1821 г. эти памятники пришли в упадок. Многие мечети стали использоваться не по назначению. Например, мечеть Альказар в городе Фессалоники была переоборудована в кинотеатр, а мечеть в городе Драма использовалась сначала под склад, а затем в ней разместилась гостиница.

Недавно греческое правительство разработало программу по активизации туристической индустрии страны. В этой связи было решено реставрировать и некоторые мусульманские памятники³, находящиеся на территории страны. Министерство культуры Греции при финансовой поддержке ЕС начало восстанавливать памятники мусульманской архитектуры. Уже восстановлен ряд мечетей, например мечеть Йени на острове Мителены и мечеть в городе Комотини. А. Баргитзис, представитель министерства Греции, так прокомментировал это: «Мы поняли, что мечети – неотъемлемая часть греческой культуры и истории, поэтому они обязательно должны быть восстановлены»⁴.

В апреле 2004 г. было объявлено о предстоящем открытии Музея Исламского искусства в Афинах. Как сообщил директор музея А. Деливориас, музейная коллекция состоит из 10 тыс. экс-

¹ Вероятно, мечеть была построена на руинах греческого святилища, так как теменос (*греч.*) означает священный участок античного города, место богослужений, на котором размещали главные храмы, святилища, алтари, жертвенники наиболее почитаемых языческих богов.

² Имарет – мусульманское благотворительное учреждение.

³ Из более 300 мечетей, нуждающихся в реставрации, греческие власти дали свое согласие на ремонт всего 14 – в Западной Фракии, пять – на острове Родос и еще нескольких на побережье Эгейского моря.

⁴ <http://www.islam.com.ua/news/2990/>

понатов VII–XIX вв., но уже поступили дары из Египта, Ирана и других мусульманских стран. Предполагается, что музей привлечет внимание иностранных туристов, а также мусульман, живущих в Греции.

Мусульмане и социальные проблемы Греции

Ситуация с рождаемостью в Греции аналогична общеевропейской. Греки славятся высокой продолжительностью жизни, однако сегодня в семьях рождается мало детей. Очевидно, что причиной этого является затянувшийся экономический и финансовый кризис. Поэтому высокая рождаемость среди иммигрантов может стать решением проблемы, тем более что рабочих рук в стране по-прежнему не хватает. Уже длительное время в сельских районах на уборке урожая работают в основном албанцы и индусы. Та же ситуация в строительстве: накануне Олимпийских игр 2004 г. правительство разрешило 40 тыс. рабочих из Македонии (в основном это были албанцы) въезд в страну, что позволило в срок завершить строительство олимпийских объектов¹.

Особую проблему для греческих властей представляет наличие в стране иммигрантов из мусульманских стран, приехавших в Грецию в поисках работы, или находящихся на ее территории транзитом, намереваясь в дальнейшем перебраться в одну из европейских стран. Их присутствие воспринимается греками негативно, так как работодатели зачастую предпочитают нанимать гастарбайтеров из числа этой категории иностранцев, так как большая их часть находится вне правового поля и, следовательно, им можно меньше платить. Греки воспринимают иностранных рабочих не только как конкурентов на рынке труда, но и некий элемент глобализации, который свидетельствует об утрате национального облика страны. Естественно, что увеличение численности мусульман в стране за счет иммигрантов, реанимирует антитурецкую / антиисламскую составляющую национального сознания.

На начало 2006 г. в Греции находилось около 1 млн иммигрантов, которые составляли 11% рабочей силы частного сектора. По мнению экспертов на самом деле в 12-миллионной Греции иммигрантов гораздо больше. Вопрос о легализации сотен тысяч незаконных иммигрантов является крайне сложной и многоплановой проблемой. Согласно греческим законам, иностранцы, рабо-

¹ [http://www.greekgazeta.ru № 10, 2003.](http://www.greekgazeta.ru № 10, 2003)

тающие в Греции, должны быть застрахованы в крупнейшем страховом фонде Греции (ИКА), что позволяет иметь информацию о численности рабочих-иностранцев. По данным Института иммиграционной политики, большинство иммигрантов (34%) трудятся на стройках и дают 7% всех страховых поступлений фонда. Подавляющее большинство иностранных строителей – выходцы из Албании. В другом греческом фонде – Фермерском страховом фонде (ОГА) застраховано 42 тыс. человек, 80% из них – албанцы.

Как и в большинстве европейских стран, в Греции существует проблема нелегальной иммиграции, в том числе из Турции. Для того чтобы решить эту проблему в августе 2005 г. был принят Закон об иммигрантах (№ 3386/2005), согласно которому стала возможна легализация тех иммигрантов, которые могут доказать свое присутствие в стране с 31 декабря 2004 г.¹ Это уже третий закон о легализации. Предыдущие были приняты в 1998 и 2001 гг. В 2001 г. заявки на легализацию подали 350 тыс. иммигрантов. Однако на этот раз, как утверждают эксперты и правозащитники, большинству нелегалов очень трудно выполнить положения нового законодательства. Самым трудным является документальное подтверждение своего присутствия в стране с 31 декабря 2004 г.²

По данным Министерства внутренних дел Греции, в настоящее время в стране проживают иммигранты из 154 государств, имеющие вид на жительство. Общая численность зарегистрированных иммигрантов (на начало 2006 г.) составляла около 510 тыс. человек. Большинство общин составляют в среднем по 20 тыс. человек. Тем не менее уже в 2006 г. болгарская община в Греции достигла 40 тыс. человек. Относительно иммигрантов из бывшего СССР точных данных нет³.

¹ В конце 2005 г. было принято решение распространить действие Закона о легализации на тех, кто въехал в Грецию через другие страны Шенгенской зоны, и, следовательно, не имеет в паспорте отметки о пересечении греческой границы.

² Для этого должен быть представлен соответствующий документ, подтверждающий, что иммигрант обращался за получением вида на жительство по причинам гуманитарного порядка до 31 декабря 2004 г., или документ с отказом в его просьбе. Кроме того, требуются документы, свидетельствующие о том, что этот человек вносил социальные взносы, а также документ с личным налоговым номером, выданный налоговой инспекцией или Министерством общественного порядка.

³ Считается, что число нелегальных иммигрантов из некоторых бывших советских республик превышает число легальных в несколько раз. Любопытно,

По данным греческого Института иммиграционной политики, около 7% учащихся греческих государственных школ – иностранцы, что составляет примерно 119 тыс. человек, тогда как в 1996 г. их было всего 44 тыс. В целом это свидетельствует о постепенной адаптации иммигрантов в стране.

Новый закон создал благоприятные условия для иммиграции в Грецию состоятельных людей. По закону, иммигранты, имеющие на своем собственном счету в банке Греции 60 тыс. евро, или если их бизнес способствует развитию национальной греческой экономики, имеют приоритет перед другими иммигрантами. В случае если они могут инвестировать в греческую экономику не менее 300 тыс. евро, они могут для получения вида на жительство в Греции обратиться в греческое консульство в своей стране.

Одним из новых проектов по форсированию легальной иммиграции стало решение о приглашении в страну 57 тыс. работников из стран, не входящих в Евросоюз. Однако греческие СМИ предполагают, что проект не будет иметь успеха, пока не будут сняты препятствия на пути легализации тех, кто уже находится в Греции. Предполагается, что работодатель должен спонсировать новых работников, чья профессия является дефицитной в Греции. При этом работодатель должен доказать невозможность найти подобного специалиста в самой стране. По мнению экспертов, главным препятствием для легализации является финансовый вопрос. Дело в том, что иммигрант должен оплатить специальные марки, свидетельствующие о его регистрации в стране. Для этого надо внести в кассу государства до 3 тыс. евро, что большинству иммигрантов не по карману. Общественные деятели Греции считают, что введя такую меру, государство хотело пополнить казну, опустевшую после проведения Олимпиады 2004 г. Министр внутренних дел Греции П. Павлопулос признал, что деньги, которые иностранный рабочий должен заплатить за легализацию (150–900 евро за заявление в зависимости от типа и длительности вида на жительство плюс страховые взносы за 300 дней), действительно могут стать препятствием на пути тех, кто хочет легализовать свое пребывание в Греции. Однако он отвергает мнение о том, что правительство надеется пополнить казну государства за счет

что нелегальная часть иммигрантов из СНГ представлена в основном женщинами, в то время как из стран Азии (исключая Филиппины, где женщины традиционно нанимаются прислугой за границу) в Грецию приезжают в основном мужчины.

иммигрантов. Что касается предоставления политических прав иммигрантам, живущим в Греции от 5 до 10 лет, министр Павлопулос считает, что этот вопрос ставить преждевременно. Еще одной трудностью на пути легализации является то обстоятельство, что работодатели не желают платить положенные за гастарбайтеров взносы в систему социального страхования.

Известно, что греческая бюрократическая машина довольно неповоротлива, поэтому, по предложению министра, 30% средств, собранных в виде платы за подачу заявки на легализацию, получат офисы при муниципалитетах, занимающиеся оформлением документов. Однако, согласно опросу общественного мнения, работники муниципалитетов бойкотируют решение правительства о легализации иммигрантов, считая, что они отбирают рабочие места у коренного населения Греции. В этой связи интересны данные опроса. Самые негативные чувства у госслужащих (занимающихся проблемами иммигрантов) вызывают албанцы (58%), на втором месте – румыны (32%), и далее – болгары (30%), американцы (19%). Эти показатели свидетельствуют о ксенофобии, которой страдает греческое общество.

По мнению моего старшего коллеги, известного российского востоковеда Р.Г. Ланды, «в этом нет ничего удивительного: греки, испытывающие ностальгию по величию древней Эллады, натерпелись от всех – от римлян, от варваров всех видов, от арабов (в VII–IX вв.), захватывавших Кипр, Крит, разорявших острова и побережье, от византийцев (которых презирали и считали “обазитившимися предателями” и “восточными деспотами”), от венецианцев и генуэзцев, а также – от крестоносцев, и наконец – от турок, немцев и итальянцев...»¹ По данным опроса, проведенного организацией «Евробарометр» во всех странах Евросоюза, греки держат первое место по неприязни к иностранцам – 87% населения стран², в то время как в среднем по Евросоюзу таких граждан 47%³.

В Греции неоднократно имели место случаи проявления ксенофобии по отношению к иностранцам. В мае 2009 г. в Афинах состоялась демонстрация мусульман, которые протестовали про-

¹ Из беседы автора с рецензентом книги доктором исторических наук Р.Г. Ландой весной 2012 г.

² Только 32% греков поддерживают идею уравнения в гражданских правах легальных иммигрантов с коренными жителями.

³ Компас, ИТАР-ТАСС. – № 12. – 2006. – С. 60–61.

тив надругательства над Кораном, осуществленным греческим полицейским на глазах у мусульман. Участники демонстрации прошли по центру Афин, разбивая витрины магазинов и стекла автомобилей. Во время манифестации произошли столкновения между демонстрантами и полицией, которая применила слезоточивый газ для разгона демонстрации. Президент союза мусульман Греции Наим Элгандор заявил, что причиной конфликта стала полицейская проверка в кофейном магазине, принадлежавшем сирийцу, когда офицер полиции вырвал из рук покупателя Коран, бросил его на пол и стал его топтать. Союз мусульман Греции, представляющий интересы тысяч работающих в Афинах иностранцев, заявил о своей готовности открыть судебный процесс над офицером полиции, надругавшимся над Кораном¹.

В конце 90-х годов в стране заговорили о появлении правых организаций, выступавших с ксенофобских позиций. Наиболее известной была «Золотая заря», неонацистское движение с эмблемой в виде стилизованной свастики и расистскими лозунгами. Однако число ее членов было невелико, и к 2005 г. она прекратила свое существование. Активно выступает против иммигрантов националистическая популистская партия «Народное православное собрание» (LAOS)². Идеологию LAOS можно охарактеризовать как сочетание традиционного греческого национализма и апелляции к православию с привязкой к актуальным ныне темам глобализации, иммиграции, антиисламизма и евроскептицизма. Среди лозунгов этой партии: «Греция переполнена иммигрантами», «Они воруют рабочие места у греческих рабочих», «Необходимо выслать из страны всех иммигрантов». По мнению наблюдателей, свою партию Георгиос Карадзаферис создал по модели ультраправых европейских партий (типа партии Жан-Мари Ле Пена во Франции). Характерно, что партия выступила с программой, в которой проглядывают идеи энозиса (включая возвращение ряда

¹ В этот день полицейские проводили операцию под кодовым названием «Метла», целью которой была облава на наркоторговцев. В результате полицейской операции было привлечено 86 человек. См.: Дума. София, 23.05.2009.

² Партия «Народное православное собрание» (сокращенная греческая аббревиатура – LAOS) была создана Карадзаферисом в 2000 г. На выборах в парламент страны в 2004 г. она набрала всего 2,2% голосов, т.е. не преодолела 3%-ный барьер. В последующие годы LAOS поглотила ряд мелких партий и группировок националистического толка. – http://www.religion.ng.ru/events/2011-12-07/1_evto-skeptiki.html

территорий в Малой Азии, вплоть до возвращения Константино-
поля, который греки по традиции называют «Город»)¹.

На парламентских выборах весной 2004 г. LAOS получил 2,2% голосов, а через три месяца на выборах в Европарламент почти удвоил свой результат (4,1%), позволивший Г. Карадзафери-
су стать депутатом европейского законодательного органа. Однако популярность партии постепенно снижается: в 2006 г. это были все
те же 4%².

Широкую огласку получил случай межнациональной вражды: после матча футбольных сборных Греции и Албании осенью 2004 г. греческий фанат зарезал албанского эмигранта на острове Закинф. Впрочем, убийца оказался невменяемым. Дважды обвиняли в насилии по отношению к мигрантам греческую полицию: зимой 2004 г. афганские иммигранты пожаловались в организацию *Amnesty International*, что их избивали в полицейском участке, а через год выходцы из Пакистана заявили, что были незаконно допрошены в Афинах. В обоих случаях общественное мнение, как это ни парадоксально, было безоговорочно на стороне мигрантов. В 2003 г. произошла скандальная история, вызвавший большой резонанс. В греческих лицеях существует традиция, согласно которой на торжественных церемониях лучшему ученику поручают нести национальный флаг. На этот раз им оказался 18-летний албанец. Однако его одноклассники при поддержке родителей потребовали от директора школы не допускать иммигранта к участию в торжественной церемонии. Журналисты выяснили, что это уже не первый случай дискриминации по национальному признаку в школах. В результате, по инициативе министра образования, в Закон об образовании был внесен пункт, согласно которому отныне «любой учащийся, независимо от наличия греческого гражданства, имеет право нести государственный флаг»³. Между тем опросы общественного мнения, проведенные среди старшеклассников и студентов, показали: 90% молодежи обвиняют иммигрантов в росте безработицы. 60% греческих школьников высказывают взгляды, «близкие к националистическим»⁴.

¹ <http://www.rabkor.ru/interview/3477.html>

² НГ Религии. 12.07.2011.

³ По свидетельству греческих респондентов автора после окончания школы молодой албанец был принят в Гарвардский университет на бесплатное отделение (информация августа 2011 г.).

⁴ Известия. 04.11.2003.

Таким образом, можно констатировать, что иммигрантам в Греции приходится нелегко. Греческое общество остается во многом закрытым. Здесь на работу устраиваются обычно по рекомендации, причем квалификация в расчет не всегда принимается (даже если речь идет о высококвалифицированном иммигранте). Таким образом, иностранцу нет хода во множество профессий. В крупных фирмах большинство работающих связано родственными или земляческими связями. Сфера услуг практически повсеместно представляет собой семейный бизнес.

По мнению греческих социологов, причиной нетерпимости жителей современной Эллады по отношению к иностранцам является стремительное превращение страны под воздействием массовой иммиграции 90-х годов прошлого века из практически мононациональной в полинациональную. Немаловажным фактором является также финансовый кризис, который угрожает Греции дефолтом. В греческих СМИ с тревогой и беспокойством ведется дискуссия о будущем страны. Многие считают, что катастрофическое положение экономики страны является результатом возросшей численности иммигрантов. 87% греков¹ считают, что иностранцев, совершивших правонарушения в их стране, следует депортировать на родину. Однако рост числа нелегалов в Греции свидетельствует о том, что страна по-прежнему остается привлекательной, особенно для выходцев из стран Азии и Африки. В 2005 г. число нелегальных иммигрантов, задержанных в Греции, возросло более чем на 60% по сравнению с 2004 г.

Наиболее популярным маршрутом остается транзит через Турцию. Учитывая это обстоятельство, министр гражданской защиты Греции Хр. Папуцис предложил построить защитное ограждение на границе с Турцией. Предполагалось, что это будет сооружение длиной 206 км, примерно такое, как стена, разделяющая США и Мексику. Однако греческая оппозиция и международные правозащитные организации немедленно набросились на этот проект с критикой. Тогда министр привел данные статистики, согласно которым за период с 2004 по 2010 г. в страну нелегально проникло 512 тыс. человек. Только в 2010 г. их численность составила 128 тыс. иммигрантов. Из них 33 тыс. нелегальных иммигрантов перешли через турецко-греческую границу всего за шесть

¹ По данным «Евробарометра», в этом вопросе Греция занимает второе место после Венгрии, где аналогичную точку зрения разделяют 92% опрошенных. [Компас, ИТАР-ТАСС. – № 12. – 2006. – С. 61.]

месяцев. Еще 43 500 – нелегалы, которые проникли по сухе через приграничную область Эврос. Отвечая на выпады турецких СМИ, министр сообщил, что Греция, как страна Шенгенского соглашения, будет любыми средствами защищать единое безвизовое пространство и не позволит превратить свою страну в «черный ход» Европы для нелегалов всего мира. Более того, строительство защитного ограждения не направлено против Турции, а должно помочь обеим странам совместно бороться с нелегальной иммиграцией. Стену высотой 3 м и длиной 12,5 км возвели в районе границы с Турцией около города Орестиада¹.

Наплыв иностранцев вызвал социальные изменения в структуре греческого общества. Иммигранты взяли на себя тяжелую и неквалифицированную работу – от строительства и уборки до работы на полях и ухода за пожилыми людьми. В греческих городах появились иммигантские кварталы. В частности, район неподалеку от площади Омония (в центре Афин) значительно населен арабами и выходцами из Юго-Восточной Азии. Сами греки стали превращаться в начальников и менеджеров, а многие уже довольствуются жизнью рантье, так как в связи с падением рождаемости в пользовании одной семьи зачастую находится уже не одна квартира, а также домик в сельской местности, из которой семья когда-то перебралась в большой город. На уровне самосознания греков произошли важные изменения: став работодателями, они теперь обладают более высоким статусом. С нанятыми работниками из числа иммигрантов греки порой не церемонятся (платят мало, нерегулярно, затягивают оформление медицинской страховки, взнос за нее денег и т.д.). Однако до крайностей дело не доходит.

В Греции опасаются притока в страну квалифицированной рабочей силы, в частности из бывших социалистических стран Балканского полуострова, которая может обострить и без того напряженные отношения между правительством, предпринимателями и профсоюзами, которые борются за заключение коллективных трудовых соглашений, оптимально удовлетворяющие условия как работодателя, так и работника. В начале 2006 г. в коридорах власти шли дискуссии относительно открытия границ перед работниками из восьми новых стран – членов ЕС из Восточной Европы. Эта проблема стоит и перед другими государствами ЕС. 10 марта 2006 г. ее обсуждали в Брюсселе на совещании минист-

¹ <http://www.im4.ru/ru/content/ministr-grazhdanskoi-zashchity-gretsii-khristos-paputis>

ров занятости стран ЕС. И тогда Греция (вместе с еще девятью государствами ЕС), не смогла принять окончательного решения по этому вопросу. Правительство Греции склонялось к промежуточному решению, предусматривающему свободный въезд в Грецию иностранных рабочих только в определенных секторах, в которых не возникнет конкуренция между иностранной и греческой рабочей силой.

Таким образом, проблема ислама и мусульман Греции сопряжена с финансово-экономическим кризисом, который значительно ослабил потенциал страны. Ситуацию также омрачает греческий национализм, который со времени освобождения Греции от османского ига питается антитурецкими настроениями, на бытовом уровне трансформирующимиися в антиисламские. Однако есть и позитивные признаки: греческое население в своей массе гораздо лучше относится к представителям соседних государств (албанцам, македонцам, сербам и т.д.), т.е. представителям европейской культуры. Последние лучше выходцев из Азии и Африки понимают значение адаптации, демонстрируют уважение к местным традициям и стремятся растить своих детей как будущих полноценных граждан Греции.

*«Иммигранты из мусульманских стран
в Европе: Социокультурный и этноконфессиональный
асpekты» / ИВ РАН,
M., 2015 г., с. 158–185.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

К. Гаджиев,

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ПОЛЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЗАПАДНЫХ И ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Одной из заметных тенденций развития современного мира является все возрастающий рост влияния радикальных движений, организаций, партий, программные документы и деятельность которых основываются на комплексе идеологических, социокультурных, политико-культурных, вероисповедных и иных ценностей, идей, принципов, установок, объединяемых под общим названием «фундаментализм». Это понятие правомерно использовать применительно к течениям мысли – как секулярным, так и религиозным, – выступающим за «чистоту» своих идеологий и идеально-политических программ путем их очищения от появившихся в ходе общественно-исторического развития вредных, по их мнению, напластований, уклонов и, соответственно, за возврат к первоначальным базовым или фундаментальным основам, истокам.

Понимаемый так фундаментализм характерен для всех обществ на протяжении всей писаной истории, особенно в периоды глубоких экономических, социальных, социокультурных, политических трансформаций. В этом смысле применительно к современному миру можно говорить не только об исламском, христианском, протестантском, православном, но также о либеральном, демократическом, консервативном, коммунистическом, рыночном фундаментализме, фундаментализме прав человека и т.д.

Для фундаменталистов типичен редукционизм, т.е. упрощенный подход к религиозным догматам. Он близок к различным проявлениям ортодоксии, в основе которой лежат радикализм, религиозный, мировоззренческий или социальный фанатизм, ксенофобия, политизированные этнические и религиозная вера, расизм и т.д.

в их крайних проявлениях. Носителями идей фундаментализма чаще всего выступают маргинальные слои населения, вытесненные на периферию общественной и политической жизни. Однако всякого рода идеи и проекты переустройства общества, некогда казавшиеся утопическими, маргинальными, неосуществимыми, со временем в глазах все большего числа людей приобретают реальность, статус необходимых для преобразования общества, т.е. реально осуществимых. Подобные идеи и проекты выдвигаются на передний план в периоды более или менее глубокого кризиса.

Как правило, в последние два-три десятилетия в массовом сознании этот феномен связывается, прежде всего, с исламским фундаментализмом. Однако события, связанные с террористическим актом против французского издания *Charlie Hebdo* в Париже в январе 2015 г., выпячивают еще одну не менее важную его сторону, а именно проявления крайнего радикализма и экстремизма в идеолого-информационной, социокультурной и политико-культурной сферах современного мира в целом. С этой точки зрения представляют интерес сравнительный анализ западного и восточного вариантов фундаментализма на примере *Charlie Hebdo* и политического исламизма.

Оба этих феномена нельзя правильно понять в отрыве от тех тектонических сдвигов, которые происходят в глубинных инфраструктурных пластах общественно-политической жизни и мировидения современного мира. Применительно к Западу речь идет о целом ряде тенденций и процессов, которые подспудно начали вызревать и постепенно набирать обороты в течение примерно последних полутора столетий и достигли своего апогея в наши дни. Здесь внимание привлекает прежде всего процесс детабуизации, охвативший различные сферы общественной жизни – социокультурную, политico-культурную, идейно-политическую и пр.

Значимость табуизации теснейшим образом связана с первоначалами человеческой истории. Табу коренятся в самой природе человека как общественного существа. Само возникновение человека, его выход из животного, или стадного, состояния теснейшим образом связаны с необходимостью подчинения врожденных эгоистически-индивидуалистических и агрессивных задатков и инстинктов отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива, рода, племени. Без табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия, анархии и вседозволенности к состоянию, когда человеку под угрозой наказания, в том числе

и применения физического насилия, не дозволяется совершать те или иные деяния. Императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам совместной общественной жизни. В этом смысле антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны между собой, они составляют две стороны единого процесса антропосоциогенеза.

Иначе говоря, когда отсутствуют или теряются внутренние сдерживающие механизмы, в силу должны вступать табу, налагаемые извне, внешняя цензура, которые невозможно обеспечить без субъекта, наделенного правом и средствами принуждения. В качестве такого субъекта, как правило, выступает государство. Суть проблемы состоит в том, что любое человеческое сообщество, тем более государство, претендующее на пригодность к существованию в настоящем и будущем, не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Иначе человечество не имело бы своих прометеев, икаров, иисусов и т.д. Как показывает опыт всей писаной истории человечества, почти всегда, когда перед обществом и государством стояла дилемма выбора между собственным самосохранением, с одной стороны, и жизнью отдельно взятого человека, его правами и свободами – с другой, приоритет отдавался императиву самосохранения государства. Поэтому государства проявляли безоговорочную готовность жертвовать жизнью не только граждан своего противника, но и собственных граждан. Ослабление власти связано с вольным или невольным снятием тех или иных табу, с процессом детабуизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности и другие антиобщественные феномены.

Особенно отчетливо эти процессы и тенденции проявляются в вероисповедной сфере. Как известно, Ф. Ницше устами Заратустры поведал миру о смерти Бога. Причем он говорил об этом не в буквальном смысле, а в смысле нравственного кризиса – об утрате людьми веры в абсолютные моральные ценности и законы. С величайшим сожалением приходится констатировать, что Бог в той ипостаси, в которой его представлял и проповедовал Иисус Христос, давно умер в сознании определенной части западного человечества. Так, ницшеанский безумец, который ходил по различным церквам и пел в них свой requiem aeternam deo, все время твердил одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?» [Ницше 1990: 592–593].

Если применительно к современному миру эта притча неверна, то как объяснить тот факт, что число новых церквей, мечетей, синагог и т.д. постоянно растет? Однако было бы преждевременным и неправомерным утверждение, что пропорционально с этим растет уровень духовного здоровья общества. Здесь вряд ли есть резон напомнить о скандалах, связанных с разоблачениями фактов широкого распространения педофилии в католической церкви, и пр. Развертывается, расширяется и приобретает агрессивный характер кампания своеобразной формы богооборчества внутри различных ответвлений христианства. Предлагается кардинальная ревизия или переоценка ряда ключевых постулатов Библии. К примеру, в догмате о Пресвятой Троице говорится не о Боге-Оно (среднего рода), как считают сторонники такой ревизии, а о Боге Отце, Боге Сыне и Святом Духе. Или же, говоря о непорочном зачатии и рождении Иисуса Христа, было бы абсурдным предполагать, что он появился на свет от родителя № 2, а не от богородицы Марии. Впрочем, иное понимание иначе как попыткой подкопа под саму идею бога нельзя назвать. Если Ницше понимал смерть Бога метафорически, то для современных сторонников детабуизации он умер в буквальном смысле слова. Более того, в его убийстве они, возможно, поставили последнюю точку. И если победит их точка зрения, то, возможно, христианство действительно исчерпало себя и не способно служить в качестве основополагающей скрепы евроатлантической иудео-христианской цивилизации.

В таком случае придется говорить о начавшемся процессе дехристианизации западного мира. Создается впечатление, что Европа уходит не просто далеко, а очень далеко, отрываясь от корней. Вольно или невольно начинается процесс мутации или, вернее сказать, аберрации ценностей и институтов, священных для народов в течение большей части писаной истории. Проявлениями этого процесса, как представляется, является распространение промискуитета, шведских браков, бой- и герл-френдлизмов, разных вариаций нетрадиционной сексуальной ориентации и др., также подрывающее такие основополагающие доминанты иудео-христианской (и не только) цивилизации, как разнополые экзогамные браки и семья в традиционном смысле и др. К феноменам этой же категории относятся феминизация мужчин и, наоборот, маскулинизация женщин, причем не скрываемые, а официально признаваемые, даже афишируемые и активно пропагандируемые, во всё более растущей степени оказывающие влияние на важнейшие

сферах жизни людей, в том числе на политику государства и геополитику.

Естественно, эти феномены и тенденции ведут к деформации исконно женских и мужских ролей в обществе. Об этом свидетельствует, в частности, развернутая кампания по изменению используемых веками терминов и понятий на будто бы «политкорректные» аналоги. Так, в целом ряде стран в официальных документах словосочетание «муж и жена» заменяются нейтральными терминами вроде «партнеры», словосочетания «мать и отец» – «родителем № 1 и родителем № 2». В 2009 г. в Европарламенте были запрещены обращения «мисс» и «миссис», так как, по утверждениям некоторых правозащитников, это может оскорбить достоинство женщины.

На этой почве появились и продолжают появляться разного рода утопические идеи вроде получившей в свое время скандальную известность концепции «конца истории», с помощью которой пытались убедить всех и вся, что западная либеральная демократия победила окончательно и утверждается в качестве «высшей формы организации человеческого общества». Сформировался феномен, который корреспондент газеты «Гардиан» Э. Пирс назвал «западным комплексом», которым оказались заражены многие, прежде всего отдельные категории более или менее продвинутой части населения евро-атлантического мира.

В этом плане ключевую роль играет тот факт, что одни и те же идеи при соответствующей упаковке и подаче могут быть использованы как для созидательных, так и для разрушительных целей. Наглядное представление об обоснованности данного тезиса можно получить на примере тех трансформаций, которые за последние десятилетия претерпел либерализм, на котором базируются основные ценности и институты политической демократии. Разумеется, в качестве одного из ведущих течений общественно-политической мысли, служащего основой социальных и экономических реформ, либерализм традиции Ф. Рузельта, Д. Ллойд-Джорджа, Дж. Джолитти и др. сохраняет ведущую роль и значимость.

В то же время некоторые изъятые из общего контекста, превратно истолкованные, подвергнутые редукции, примитивизации и абсолютизации идеи этого течения используются для обоснования тех или иных радикальных и даже экстремистских идеологий, будь то анархизм, либертарилизм, рыночный, демократический и иные формы фундаментализма. Подобные мутации,

в конечном счете, привели к выхолащиванию или даже потере самого духа и сущности либерализма Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Т. Джефферсона и других его отцов-основателей. В этом вопросе можно согласиться с немецким исследователем Г. Рормозером, который называл либертаризм «извращенной формой либерализма».

В результате понимаемые в либертаристском духе демократия, права и свободы человека приобрели признаки и очертания своего рода идеологии или системы религиозного культа. Формируется нечто вроде нового тоталитаризма в перевернутой форме. Именно в этом русле следует понимать попытки использовать идею демократии как своего рода миссионерский лозунг, используемый к месту и не к месту для обоснования разного рода санкций, конфликтов, войн, «цветных революций», для экспорта демократии и прав и свобод человека.

Чтобы правильно оценить смысл этих рассуждений, необходимо учесть, что понятия «свобода выбора» и «внутренняя свобода» неправомерно рассматривать как синонимы. Свобода выбора не всегда и не обязательно может быть отражением внутренней свободы. Если первая при соответствующей трактовке может быть разрушителем всех табу, традиций, мифов, легенд, иллюзий, составляющих духовные скрепы человеческих сообществ, то вторая ограничивает свободу выбора, чтобы сохранить ее в пределах «золотого правила», или дозволенного. В противном случае культура и традиция в собственном смысле слова могут стать жертвами насилия со стороны безудержной, ничем не сдерживаемой свободы.

В современном обществе, характеризующемся взаимодействием и столкновением множества воль, ценностей, установок, потребностей, интересов и т.д., нет и не может быть единого понимания свободы. Тем более не может быть абстрактной, абсолютной свободы. Как правило, когда хотят защищать свободу слова, приводят известное выражение Вольтера: «Я не согласен с Вашим мнением, но я отдал бы жизнь за то, чтобы услышать его». Это выражение коррелирует с еще более известным высказыванием лорда Эктона: «Власть развращает, абсолютная власть – развращает абсолютно». Разумеется, было бы совершенно неразумно не соглашаться с обоими мыслителями. Но признание их правоты не означает допустимость абсолютизации свободы, ее фундаменталистского понимания. Как верно отмечала американский писатель и историк Гертруда Химмельфарб, «свобода тоже

развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно». Такая свобода служит основой для формирования культуры вседозволенности, если она уже не сформировалась.

Обоснованность данного тезиса подтверждается как раз на примере казуса Charlie Hebdo, который воочию продемонстрировал, что ничто так не подвергает риску личную свободу отдельно взятого человека, как избыток свободы. Следовательно свободу нельзя отождествлять со своеволием. Она нуждается во внешнем ограничителе, прежде всего в лице государства. Может, при определенных условиях мир окажется в ситуации, когда возникнет необходимость защиты демократии от слишком рьяных демократов, а прав и свобод человека – от слишком рьяных их защитников.

Во имя превратно понятых прав и свобод человека всячески поощряется политика демонтажа всех возможных табу, нарождения беспредельной толерантности, зачастую выражаемой термином «политкорректность» и ставшей ключевой составляющей демократического мессианизма. Парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию. Проблема европейских крайних радикалов варианта Charlie Hebdo состоит в том, что они от казалось бы невинных упражнений по окарикатурированию основателей и пророков мировых религий плавно перешли на путь бескомпромиссной борьбы против ценностно-исповедных систем соответствующих народов, при этом агрессивно навязывая им собственные ценности, рассматриваемые как истина в последней инстанции.

Во все возрастающей степени выясняется ее оборотная сторона, а именно нигилизм в оценке всего того, что не соответствует западным ценностям и стандартам, неприятие ценностей и культур незападных народов, осмеивание их верований, оскорбление их богов, пророков, мучеников через разного рода карикатуры. Они, возможно, представляют для стабильности в мире и для его перспектив не меньшую опасность, чем Усама бен Ладен и его сторонники, поскольку речь идет о вторжении в ценностные системы, разжигании расовой и религиозной ненависти. Как констатировал З. Бжезинский, «стереотипные черты арабов, особенно в газетных карикатурах, порой обыгрываются способами, печально напоминающими антисемитские кампании нацистов. В последнее время к подобной пропаганде подключились и некоторые студенческие организации, очевидно позабыв, что от разжигания расовой и религиозной ненависти – один шаг до чудовищных

преступлений Холокоста»¹. По сути, ставится цель с помощью экспорта демократической революции разрушить ценностную систему и инфраструктурные институты политической самоорганизации незападного мира.

Оценивая в этом русле установки и деятельность данного издания, важно отметить, что насилие и террор могут быть не только сугубо физическими, но также морально-этическими, информационно-пропагандистскими, идеологическими и т.д. Слово, даже жест, так же оскорбляет, как и физическое насилие. Некогда порядочные люди самого высшего полета погибали как «невольники чести» из-за словесного оскорблении. И это неудивительно, поскольку, как гласит восточная пословица, рана, нанесенная мечом, заживает, а рана, нанесенная словом, – нет.

Нельзя не отметить также тот факт, что стратегия экспорта демократической революции, основанная на вышеупомянутом «западном комплексе», помимо хаоса и бедствий для стран, ставших ее объектами, привела к еще одному, весьма опасному для безопасности Запада и, возможно, мирового сообщества в целом результату. Речь идет о том, что светские авторитарные режимы стран Ближнего Востока и Северной Африки, уничтоженные в результате реализации этой стратегии, в совокупности составляли своего рода пояс обороны против расширения волн незаконной миграции в страны Запада, что, в частности, стало одним из факторов, подготовивших почву для казуса *Charlie Hebdo*.

Процессы и тенденции, аналогичные изложенным, в тех или иных проявлениях и масштабах характерны также для исламского мира. Так, детабуизации в перевернутой форме подвержены сторонники политического исламизма, поскольку обществу навязываются некие первобытные запретительные табу для элиминации других, более значимых для «золотого правила», или (по Канту) «категорического императива» (таких, например, как «не убий», «не делай другому того, чего не желаешь себе», «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого» и т.д.).

Ислам – отнюдь не монолитная и застывшая вероисповедная система. Он многолик и представлен десятками различных школ и направлений и характеризуется отсутствием какой-либо центральной инстанции, выступающей от имени всего сообщества верующих (уммы), или же к которой могли бы апеллировать верующие.

¹ Brzezinski Zb. 2007. The «War on Terror» Is Terrorizing Ourselves. – The Washington Post. March 25.

Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок. Лица, получившие религиозное образование, или улемы, вправе толковать и комментировать Коран и Сунну или хадисы. Они могут оспорить любую точку зрения, обнародованную любым общепризнанным религиозным авторитетом или учреждением. Этим, помимо всего прочего, объясняется активизация в тех или иных условиях разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений, объединяемых под общими названиями «салафизм», «политический ислам», или «исламизм», «исламский фундаментализм». Именно они в последние два-три десятилетия стали фактором, оказывающим всё более растущее влияние как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Исламские фундаменталисты опираются исключительно на Коран и Сунну, рассматриваемые как вечные и абсолютно верные, следовательно, пригодные для всех времен и народов. Для них Коран и Сунна – единственные источники всех человеческих ценностей, законов, образа жизни и т.д. При этом для обоснования своих позиций они используют те положения Корана и Сунны, которые соответствуют их собственным интересам и целям, – естественно, в их радикальном истолковании. Теоретической базой исламского фундаментализма служат труды ибн Таймии (1263–1328), М. ибн Абдаль-Ваххаба (1703/4–1787), теоретиков XX в. Хасана аль-Банны, Сейида Кутба, Абу аль-Аля Маудуди и др.

Фундаменталисты придерживаются идеи дихотомии мира, полярности добра и зла. Они рассматривают мир как арену вечной борьбы между силами добра, возглавляемыми Аллахом, и силами зла, во главе которых стоит Иблис. В этой борьбе не может быть нейтралитета, ибо, по их мнению, «кто не с нами, тот против нас», поскольку критерием добра объявляется вера в Аллаха.

В период, когда жил выдающийся мусульманский богослов, юрист и политический писатель ибн Таймийя, мусульманская религия перестала быть монолитным учением и распалась на множество сект и течений. Поэтому он видел выход из создавшегося положения в возврате к единой и монолитной религии, которая, по его мнению, существовала в первые века истории ислама. Подвергнув в своих многочисленных политических, правовых и философских сочинениях скрупулезному анализу все исламское наследие, он видел выход из создавшегося положения в возврате к истокам, восходящим к самому Пророку и первым халифам. Он одним из первых объявил войну шиизму и суфизму, выступил

против паломничества к могиле Пророка и празднования дня его рождения.

Следуя за ибн Таймийей, основатель ваххабизма Абд аль-Ваххаб утверждал, что за неприятием верующим такой интерпретации ислама должно следовать лишение неприкосновенности его имущества и жизни. Ключевое место в учении ибн Таймии и аль-Ваххаба занимала идея «такфира», согласно которой человека можно считать неверным, если он не признает законность абсолютной власти короля. Как ибн Таймийя, так и аль-Ваххаб осуждали всех верующих мусульман за почитание умерших, святых или ангелов, паломничество к могилам и особым мечетям, за религиозные праздники, чествование святых, запрещали воздвигать надгробия при погребении умерших. Они считали, что те верующие, включая шиитов, суфииев и представителей других течений ислама, которые не признают эти ценности и установки, должны быть преданы смерти, их жены и дочери подлежать поруганию [Крук 2014].

Все эти ценности и установки приняты нынешними исламскими фундаменталистами. Они выступают за восстановление изначального ислама путем обращения к опыту ас-салаф ас-салихун, отчего исламский фундаментализм получил название «салафия» (салафизм). Следует отметить, что сам по себе термин «политический ислам», или исламизм, нейтрален. В нем причудливым образом сочетаются радикальные и умеренные, традиционные и современные идеи, принципы, установки. Исламисты-салафиты – одновременно модернизаторы и охранители ислама. Поэтому порой не совсем корректно ставить знак равенства между исламизмом, экстремизмом и терроризмом. Исламист может быть экстремистом и террористом, но не все исламисты таковы. Анализ реального положения вещей показывает, что в современном исламском фундаментализме существуют умеренные и радикальные течения левого и правого толка. В ряде исламистских организаций могут бок о бок сосуществовать как подразделения, использующие мирные, легальные методы работы, так и подразделения законспирированные, прибегающие к насильтвенным методам и террору. Верно, что в одном из наиболее известных широкой публике России ответвлений салафизма – ваххабизме – джихад большей частью трактуется как «священная война» против неверных, в том числе и мусульман, которых его приверженцы считают отступниками от истинной веры. При всем том ваххабизм в целом с точки зрения степени агрессивности или неагgressивности также

нельзя трактовать однозначно негативно. Ведь он является государственной религией Саудовской Аравии, которая, как известно, активно борется с терроризмом.

Можно выделить следующие установки, разделяемые большинством приверженцев исламского фундаментализма: это идея универсальности ислама, предполагающая всеобщность и нераздельность религии, общества и власти; призыв к возврату к первоначальному, «истинному» исламу, его очищение от различных вредных исторических напластований; панисламизм; установление исламского миропорядка путем возрождения халифата и др. Они выступают против поклонения зияратам (святым местам), за сокращенный ритуал поминования усопших. По их мнению, следует отказаться от существующих в настоящее время четырех суннитских масхабов, или толков, поскольку возможен только один общий подход к толкованию Корана и Сунны в рамках единого масхаба. Здесь важно отметить, что кавказский ислам вобрал в себя множество норм и принципов горских адатов, которые решительно защищаются подавляющим большинством верующих и руководством традиционного ислама в регионе. Естественно, фундаменталисты выступают за отказ от них.

Хотя основополагающий салафитский тезис о возврате к истокам на протяжении веков претерпел более или менее существенную трансформацию, особенность салафии в наши дни состоит в том, что ее приверженцы действуют в контексте двойного противостояния – истинный ислам против испорченного ислама и мусульманский Восток против неверного Запада, который, по мнению салафитов, стремится разрушить мир ислама. Наиболее радикальная часть фундаменталистов (в лице, например, такфиристов) обосновывает необходимость вооруженной борьбы не только с так называемыми кяфирами, т.е. представителями других конфессий, но и с мусульманами, не разделяющими их взгляды. Такфиристы крайне негативно относятся к органам власти и правоохранительным структурам, официальному мусульманскому духовенству и мусульманам традиционного толка, призывают к отказу от службы в армии и работы в государственных структурах. Зачастую они реализуют свои идеологические установки на практике путем совершения общеуголовных преступлений (вымогательства, разбои, грабежи), значительная часть дохода от которых идет на ведение «джихада с неверными».

Не случайно традиционный ислам на Северном Кавказе ведет борьбу не столько с влиянием Запада, сколько с форсиро-

ванным проникновением исламского «иноверия» с Востока. Слово «иноверие» здесь не случайно, поскольку салафия (ваххабизм) рассматривается местным духовенством и солидарным с ним большинством общества как вероотступничество. Впрочем, такой позиции придерживаются и руководители традиционного ислама большинства мусульманских стран.

Как любая радикальная идеология, политический ислам склонен обретать силу и приверженцев на путях внешней экспансии. В этом плане в исламизме нашли законченное выражение идеи и установки панисламизма, сформулированные еще в XIX в. С. Джамаль ад-Дином аль-Афгани, который выступал за формирование «религиозно-политического союза мусульманских народов», «единение мира ислама (Дар аль-Ислам) в единую мощную группировку» на основе принципов Корана.

На этой основе отдельные руководители фундаменталистских групп разработали и пытаются осуществить свою версию экспорта исламской революции с целью реализации идеи межнационального исламского государства далеко за пределы самого исламского мира. Из множества высказываний на эту тему приведу лишь мысль саудовского шейха М.А. аль-Карига, который во время одной из своих проповедей говорил: «Пророк сказал, мусульмане завоюют Индию, а также Константинополь и Рим, где находится Ватикан. Мусульмане завоевали Персию и Византию, они дошли до Индии и границ Китая. Ислам покорит также Рим в недалеком будущем»¹.

Что касается Исламского государства, то его руководители объявили своей целью восстановление халифата в пределах всего исламского мира, а у наиболее экстремистских группировок – Всемирного халифата. Разумеется, эти и подобные им проекты иначе как бредом нельзя назвать. Тем не менее своего рода репетицией экспорта исламской революции, призванной создать условия для реализации подобных установок, можно считать экспансию исламского фундаментализма на постсоветское пространство.

Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых руководитель Исламского государства Абу Умар аль-Багдади использует язык и идеи основателя ваххабизма Абд аль-Ваххаба, который утверждал, что вера в единого Бога сама по себе недостаточна, чтобы считать человека мусульманином. По его

¹ Аль-Кардави Ю. 2014. Провозглашение халифата нарушает шариат. 6 июля. Доступ: <http://www.islamnews.ru/news-146815.html>

мнению, человек не может быть истинным верующим, если он одновременно не отрицает активно и не разрушает все другие предметы поклонения. После того как саудовский режим объявил Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) террористической организацией, ее руководители призвали к свержению саудовской монархии и освобождению святых мест ислама. При этом они заявили о своем намерении разрушить Каабу, считая поклонение черному камню, вмонтированному в мусульманскую святыню, идолопоклонством, мешающим истинной вере в Аллаха¹. Если следовать такой трактовке «истинного ислама», то почти все мусульмане, исповедующие традиционный ислам, подпадают под определение «неверных» и, соответственно, врагов.

Иначе говоря, «эбдоисты» всех мастей и исламистские радикалы, которые совершили свое злодеяние в помещении журнала *Charlie Hebdo* 7 января 2015 г., по духу весьма близки друг другу. Разница между ними состоит в том, что если «эбдоисты» видят мир, основанный на ценностях и установках либертариизма с его вседозволенностью, то исламистские радикалы при всех своих декларациях о защите ислама занимаются выхолащиванием сути Корана и ислама и, метафорически говоря, убийством Аллаха и его Пророка-посланника. Иными словами, обе стороны занимаются извращением сути либерализма, с одной стороны, и ислама – с другой. Здесь, как справедливо отмечал С. Жижек, имеет место состояние войны между абсолютизмом религиозного характера и другим абсолютизмом – нашим, т.е. с политической культурой экстремального и солиптического тысячелетнего национализма [Pfaff 2015].

Можно согласиться с Жижеком в том, что «конфликт между либеральной вседозволенностью и фундаментализмом в конечном счете является ложным конфликтом, что это порочный круг из двух полюсов, которые порождают друг друга и предполагают существование друг друга. То, что философ Макс Хоркхаймер говорил в 1930-е годы о фашизме и капитализме (те, кто не хочет критиковать капитализм, должны также хранить молчание по поводу фашизма), применимо и к сегодняшнему фундаментализму. А именно: те, кто не хочет критиковать либеральную демократию,

¹ Добров Д. Аравийскому полуострову угрожает дестабилизация. – Ино-СМИ. Доступ: http://inosmi.ru/op_ed/20150206/226090718.html

должны также хранить молчание по поводу религиозного фундаментализма»¹.

Разумеется, в трактовке этих феноменов совершенно неуместны какие бы то ни было оценочные, тем более морализаторские увещевания, поскольку каждый человек – хозяин своей судьбы и имеет право выбрать тот путь, который он считает соответствующим своему призванию. Они, как говорится, неотъемлемые реалии современного мира, в котором великие религиозные учения, равно как секулярные идеально-политические конструкции, в значительной степени устарели или потерпели банкротство и потеряли способность играть роль мобилизующих идеалов. Не всегда продуктивными оказываются традиционные средства, методы, теории, концепции решения, встающих перед народами, регионами, самим миропорядком проблем. Взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные альтернативные идеи и проекты общественно-политического развития. В результате стало весьма трудным делом выявление того, где начинаются и где кончаются границы управляемости и предсказуемости общественно-политических процессов.

Значимость этих метаморфоз станет очевидной, если учесть, что они чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и профанным. Размываются линии разграничения между высоким и низким, элитарным и массовым, интеллектуальным и антиинтеллектуальным, серьезным и несерьезным, прогрессивным и ретроградным.

Как показывает опыт мировых цивилизаций и империй, подобные феномены являются спутниками определенных стадий общественно-исторического развития. Касательно нынешнего положения дел, возможно, наступили сумерки известного нам в течение нескольких столетий мироустройства. Достигнув пределов своего развития, оно становится достоянием истории, и мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе, переоценкой основополагающих ценностей. Одним из предвестников наступления таких сумерек является появление всё более агрессивно заявляющих о себе разного рода новых форм варварства. Рассмотренные здесь идеи и установки можно

¹ Жижек С. 2015. О расправе в Charlie Hebdo: Злые дошли до остервенения? 10.01. – ИноСМИ. Доступ: <http://inosmi.ru/world/20150113/225494698.htm>

рассматривать как вышедшие наружу отголоски ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грез, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т.д. Собственно, они никогда в полной мере и не исчезают из общества, а загоняются вглубь сознания или подсознание той или иной части людей при жизни самых совершенных цивилизаций. Время от времени при определенных условиях, особенно в переходные периоды, они дают о себе знать в самых при-чудливых формах, в том числе в виде нового варварства в недрах господствующей цивилизации.

Литература

1. Крук А. 2014. Нельзя понять, что такое ИГИЛ, не зная историю ваххабизма в Саудовской Аравии. 4 сент. Доступ: <http://oko-planet.su/politik/politikday/254558>
2. Ницше Ф. 1990. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль. – Т. 1. – 831 с.
3. Pfaff W. 2015. Why the Arab World fights. – The American Conservative. January, 1
«Власть», М., 2015 г., № 3, с. 5–13.

А. Родригес СУДЬБА МОРИСКОВ (Рецензия на книгу)

Монография Р.Г. Ланды¹ посвящена истории морисков, т.е. мусульман Испании, насильно обращенных в христианство в конце так называемой Реконкисты – 700-летней войны за освобождение захваченных мусульманами с конца VII в. пиренейских земель. После вынужденного принятия христианства с конца XV в. обращенные мусульмане не могли сразу отказаться от своих обычаяев, в одновременность отбросить всю свою культуру, стали одним из объектов (наряду с обращенными иудеями – марранами, протестантами, диссидентами и прочими) религиозно-этнических чисток и, в конце концов, были изгнаны из объединившейся католической страны.

Как будто бы явление не единичное в мировой истории, но его особая специфика, уникальность и трагичность заключаются

¹ Ланда Р.Г. Судьба морисков. – М.: ИВ РАН, 2013. – 399 с.

в том, что мусульмане, потомками которых являлись мориски, не были заурядными завоевателями-грабителями и жестокими эксплуататорами. Находясь на пике пассионарности раннего ислама, вчерашние арабы-кочевники принесли на Иберийский полуостров культуру недавно завоеванных очагов древних цивилизаций – Аравии, Ирана, Палестины, Египта. В результате в ходе долгого существования в войне и мире мусульманских эмиратах и христианских княжеств возник благотворный симбиоз культур, синтез цивилизаций, находящейся на взлете мусульманской и очень специфической христианско-иберийской.

Все это служит лишь фоном для настоящего исследования, ставшего, безусловно, выдающимся явлением в современной научной исторической литературе. Автор открывает новый мир, почти незнакомый не только обычным читателям, но и специалистам. К счастью, такие произведения, концентрирующие в себе увлекательные сюжеты истории, социологии, этнологии и культурологии, изредка появляются в постсоветском востоковедении, каждый раз становясь ярким событием (предшествующим произведением подобной жанровой специфики и научного приоритета была книга «Острова архипелага Сокотра» В.В. Наумкина). При этом ни в мировых, ни даже в испанских исследованиях нет единой точки зрения на роль морисков и их вклад в общую культуру Испании, арабо-мавританской Андалусии («страны Аль-Андалус», как ее называют арабы), а также Алжира, Марокко и Туниса, куда они в основном переселились после изгнания. История и многие историки сурово обошли с ними, особенно если учесть, что мориски – насильственно обращенные в христианство мусульмане – даже не были прямыми потомками арабов-завоевателей. В подавляющем большинстве их предками были христиане (иберы, кельты, лузитане, вестготы и другие народы), обращенные в ислам, часто в младенческом возрасте, за долгие столетия мусульманского владычества на значительной части испанской территории. Разумеется, со временем их внуки и правнуки воспринимали арабский язык, культуру, обычаи и очень часто генеалогию завоевателей (эти и схожие явления типичны для всей мировой истории).

Монография состоит из четырех глав, представляющих четко обозначенную структурную целостность. При этом сама структура обладает ярко выраженным проблемным подходом: комплекс проблем заложен в каждой главе, любой отдельный параграф заключает в себе научный вопрос.

Первая глава «Наследники Аль-Андалуса» [с. 17–43], являясь по замыслу вводной, включает два параграфа: «Мавры и мудехары» и «Возникновение проблемы морисков».

В начале первого параграфа автор, подготавливая читателя, знакомит его с сутью понятий «мавры», «мориски», «Аль-Андалус», происхождением их названий. С самого начала мы убеждаемся, что даже в этих случаях всё неоднозначно, существуют различные мнения на происхождение этих версий представителей европейских и североафриканских исторических школ. Например, испанский востоковед Х. В. Бермехо склонен возводить происхождение топонима «Аль-Андалус» к мифической Атлантиде [с. 21].

Большое внимание в данном разделе уделяется этнорелигиозной ситуации на Иберийском полуострове и за его пределами, межцивилизационным контактам, синтезу культур, а иногда и этногенезу. Взаимное сближение и отталкивание Востока и Запада происходили и происходят в бассейне Средиземноморья практически во всей истории человечества. Вторжение на Иберийский полуостров мусульман из Северной Африки в 711–716 гг. и образование на месте романизированного королевства вестготов страны Аль-Андалус, установившееся там со временем доминирование арабского языка и ислама при сохранившемся симбиозе разных этносов и религий – всё это было лишь ярко выраженным эпизодом этого длительного процесса [с. 22].

Рассвет Аль-Андалуса был недолгим. Длительный (с начала XI по конец XV в.) период все нараставшего наступления Реконкисты, медленного отступления мавров под натиском христиан привел к возникновению новых групп населения. Со временем наиболее значительной группой по мере продвижения Реконкисты на юг стали мудехары – «латинизированные мавры», подчинившиеся христианским королям по договору, на основании капитуляции или в силу заключенного союза. Они еще сохраняли свои земли и имущество, обычаи и религию, а также пользовались различными привилегиями. Мавры, не соглашавшиеся стать мудехарами, покидали захваченную христианами территорию и в этом случае имели право взять с собой все принадлежащее им имущество. Тогда христианские короли Арагона и Кастилии, Португалии и Наварры еще стремились не изгнать, а удержать мусульман на завоеванных землях.

Второй параграф первой главы начинается с падения Гранады (1492) и исхода части населения в Магриб. Автор отмечает, что после капитуляции мавры Гранады теоретически попали

в положение мудехаров, но до конца XV в. действовали 67 статей договора, где оговаривались их права исповедовать ислам и пользоваться неприкосновенностью личности, имущества и жилища. Однако, уничтожив государственность Аль-Андалуса, короли Фердинанд II Арагонский и Изабелла Кастильская приступили к постепенной ликвидации его общественной структуры.

На последующих страницах параграфа мы находим авторский анализ эволюции религиозной политики католических королей в отношении меньшинств (прежде всего мусульман и иудеев). Отмечен и некий переломный момент – 1499 г., когда власти уже не стремились удержать мусульман в стране. Р.Г. Ланда объясняет это проявившимися последствиями тех же громких исторических событий – открытием Америки и изгнанием мавров. Их последствия оказались достаточно быстро, и Испания стала превращаться в мировую державу. На бывшую территорию эмирата хлынули христианские колонисты, мусульман обложили новыми налогами и стали требовать их перехода в католичество, а заодно обвинили в нарушении соглашения 1492 г. и подготовке к восстанию. Тогда же было «организовано» крещение первой группы в 4 тыс. мусульман, запуганных перспективой изгнания. Многие мусульмане дрогнули: только в 1499 г. крестились до 50 тыс. мавров Гранады, открыто сопротивляющиеся были арестованы, многие бежали в горы Альпухарры. В других местах Андалусии (так стал называться Юг Испании) вспыхнули мятежи. После избиения повстанцев, после очередной волны эмиграции началось насилиственное крещение оставшихся. С 1501 г. практически все оставшиеся в Гранаде мудехары стали морисками, в феврале 1502 г. королевским указом всем мусульманам Кастилии и Леона было предписано либо уехать, либо креститься. Автор отмечает, что большинство остались [с. 37–40] и что «власти хотели уже не ассимиляции, а вытеснения морисков с полуострова» [с. 41]. Так возникла в Испании (и Португалии) проблема морисков, под знаком борьбы с которыми прошел весь XVI в.

Вторая глава «Мориски в Испании» [с. 43–136] состоит из четырех параграфов, в каждом из которых рассматривается отдельный аспект социально-экономического, этнополитического или культурологического характера. В первом параграфе – «Испанское общество “золотого века”» – привлечен материал, трактуемый не очень привычно для мировой, (особенно) испанской, историографии. И это понятно, потому что XVI в. стал апогеем могущества и культурного развития Испании и в то же время –

временем самых жестоких преследований морисков. Именно тогда Испания превратилась в мировую державу, лидера христианского мира, и возникла поговорка: «Мир дрожит, когда шевелится Испания». В параграфе кратко отмечены свершения и неудачи этого заполненного войнами периода и подчеркнута связь североафриканской экспансии Испании с внутренней проблемой морисков. Власти, церковь воспринимали морисков независимо от их поведения своего рода «пятой колонной» Османской империи, агентурой самого опасного врага королевства. А те, в свою очередь, указывает автор, платили своим безжалостным преследователям той же монетой. Мориски Гранады, Арагона и Валенсии чувствовали себя обманутыми и униженными насилиственной христианизацией. Особо учитывается рост неприязни к морискам со стороны завидовавших их богатству полунищих дворян – идальго, составлявших значительный слой кастильского и арагонского социумов [с. 50]. Еще хуже относились к морискам городские низы, у которых католическая вера была единственным достоянием. Но в первую очередь генератором враждебности была церковь и особенно инквизиция, всюду искавшая свои жертвы. Отношение в целом властей к этническим меньшинствам неофитов (т.е. морискам, марранам, а также испанским «еретикам» – протестантам, диссидентам и т.п.) полностью выражено в высказывании Филиппа II о том, что он предпочел бы «потерять все владения и сотню жизней, если бы они у меня были, чем править еретиками» [с. 55].

В начале второго параграфа – «Экономическая и социальная роль морисков в Испании» – рассматривается демографический аспект в ракурсе общей проблемы. Р.Г. Ланда отмечает, что вопрос о численности морисков не решен до сих пор. Приводятся данные о численности населения Аль-Андалуса в X, XIII и XV–XVI вв. В последний период, по осторожным подсчетам, мориски составляли не менее 0,5 млн человек и, являясь несомненным меньшинством, занимали заметное место в общественной жизни Испании [с. 60–61].

Принятые в конце XV в. «Статуты о чистоте крови» практически закрывали морискам, как и другим новообращенным христианам, перспективу какой-либо государственной или церковной карьеры. Попытки части знатных морисков с 1510 г. обеспечить себе звание идальго ничего не дали. Фактически они оставались людьми второго сорта [с. 63]. У морисков не оставалось иного выбора, как надеяться на свои руки и способности. Используя сплоченность своих общин, они занимались ремеслом,

торговлей и мануфактурным производством (благодаря им процветало изготовление шерсти, сукна и тростникового сахара, керамики, оливкового масла, выделка шелка и другие отрасли). В городах мориски образовали значительную массу садоводов, водоносов, булочников, мясников, ткачей, портных. При этом на основе источников Р.Г. Ланда приходит к выводу, что в последнее десятилетие XVI в. среди морисков появилось очень много неимущих, разнорабочих и слуг. Это – косвенное свидетельство относительного обнищания морисков, а также следствие эмиграции из Испании более состоятельных семейств, взвинчивания налогов, запретов на многие профессии, преследования инквизиции. Тем не менее община морисков продолжала играть весьма существенную роль в хозяйственном развитии королевства [с. 65].

Далее автор, вновь возвращаясь к государственной политике по формированию в лице морисков ложного «образа врага», усиливавшейся ненависти к ним дворянства и черни, делает вывод о том, что непреодолимая непримиримость и насилие с обеих сторон могли закончиться «лишь добровольным или вынужденным исходом морисков с полуострова» [с. 67].

В третьем параграфе второй главы – «Религия, культура и быт морисков» – вновь продолжается лейтмотив вынужденного крещения. Отсюда возникла необходимость внешне (напоказ) выполнять все христианские обряды. Автор полагает, что это лишь усиливало стремление защищать свою самобытность, отстаивать ее даже ценой жизни. Но это тормозило процесс культурно-лингвистической и бытовой ассимиляции с испано-католическим окружением, процесс, который в благоприятных условиях стал бы естественным и необратимым. Тогда же в условиях преследований и вражды определялись и укреплялись отличия новообращенного этнического меньшинства: 1) «религиозное отличие» (практика подпольного исповедования ислама); 2) «отличие по языку» (приверженность сложившимся ранее диалектам на основе слияния арабского и каталанского, а также варианты испанизированных фарси, урду и т.д.); 3) «отличие в нравах и обычаях» (в пище, практике гигиены, праздниках, ритуалах и т.д.); 4) «отличия физических черт и темперамента» (в цвете волос, жестах и манерах и т.п., что, впрочем, проявлялось далеко не всегда) [с. 70].

Особо рассматривается в параграфе вопрос о принадлежности морисков к какой-либо цивилизации. Вопрос важен для темы, но очень сложен: цивилизация Аль-Андалуса сама была синтезом многих культур, ее наследники – мориски приобщены были

к испанской цивилизации, в то же время явственно прослеживается их принадлежность к более широкой культуре всего Арабского Запада, когда «арабо-испанская культура продолжала существовать в христианской Испании, а затем была перенесена в Марокко и Тунис» [с. 72]. Предлагается несколько частных определений культуры морисков. Сам автор приходит к выводу, что «именно потому, что культура морисков представляла собой своеобразное единство общих черт мусульманской культуры Арабского Запада, включая Магриб, и христианской культуры Иберийского полуострова, она была способна к ассимиляции и с той и с другой» [с. 74].

Четвертый параграф главы – «Женщина в социуме морисков» – выделяет этот важный цивилизационный аспект из предшествующего этнологического и культурологического материала. Вначале снова подчеркивается определяющая тенденция: мориски являлись одновременно и фракцией испанского общества, и чужеродным элементом в его составе [с. 125]. Прежний Аль-Андалус был мостом между Европой и Африкой, полем битвы двух культур – Востока и Запада. Это сказывалось во всем, в том числе в положении женщин, которые были гораздо более свободны, образованы и социально самостоятельны в Аль-Андалусе, чем в других странах ислама. Поэтому, несмотря на то что христиане и мусульмане полуострова (наследники Аль-Андалуса) имели много общего, различия оставались (о чем говорилось выше). Во многом это относилось, прежде всего, к женщинам-морискам, наиболее бережно хранившим этнические особенности своего сообщества и прежде всего стремившимся придерживаться традиционной обрядности при вступлении в брак, рождении ребенка, погребении умерших и других важных моментах семейной и общественной жизни.

После падения Гранады мусульманки Испании разделили участь своих мужей, отцов и братьев. Нарушение условий 1492 г. и репрессии постепенно превратили мавров в морисков, сначала противопоставив «старых» и «новых» христиан, а затем породили сопротивление последних, в котором большую роль играли женщины как хранительницы семейных ценностей.

Неизбежными последствиями кризиса андалусийского общества стали кризис семьи у морисков, рост числа вдов, брошенных жен, сирот, беспомощных стариков. В подобных условиях роль женщины резко возросла. Возникло представление о «магии морисков», целиком относившейся к «женской компетенции»: охрана здоровья, целительство, гарантии потомству, защита детей, любовные заговоры и т.п.

Являясь частью преследуемого меньшинства, женщина у морисков полностью осознавала свою роль в борьбе всего их сообщества за свою самобытность, особую культуру и специфику, в том числе религиозную. Она была в самом центре этого религиозного и культурного сопротивления, дополняя христианское крещение мусульманским обрядом «фада», иногда просто обходясь без церемонии крещения, выступая против таинства христианского брака и заключая брак вне контроля государства и церкви [с. 125–128].

Притом что семья морисков в среднем имела 4–5 детей, большинство женщин-морисков были заняты в производстве, в частности в Гранаде 1560-х годов 786 из них были заняты выделкой шелка. Р.Г. Ланда подчеркивает их роль в сельском хозяйстве, где наиболее зажиточные из женщин-морисков держали по несколько десятков голов крупного рогатого скота, в герцогстве Гандия работали на плантациях сахарного тростника, в области Гранады 14 из них самостоятельно владели виноградниками, оливковыми рощами, маслобойнями. Но большинство из них, продолжает автор, не имело возможности (или необходимости) самостоятельно вести хозяйство, будучи либо прислугой в домах испанской знати и дворянства (редко – у состоятельных морисков), либо наемными работницами на различных торговых или ремесленных предприятиях, либо оставаясь домашними хозяйствами (обычно – в относительно зажиточных семьях) [с. 129].

С большим опозданием раскусив роль женщин-морисков в обществе, инквизиторы усилили слежку за ними, запрещая им говорить с детьми по-арабски, носить традиционную одежду и драгоценности, даже исполнять андалусийские песни и пользоваться традиционными инструментами. Среди наказанных инквизицией морисков женщины составляли 53%, за 77 лет их преследования 72 женщины были сожжены на кострах инквизиции. Остальные подвергнуты пыткам, избиению в камерах и при допросах. Многие погибли в тюрьмах и застенках [с. 132].

Нет ничего удивительного в том, что женщины морисков наряду со всеми упомянутыми выше видами сопротивления участвовали в вооруженной борьбе, подвергались за это, как и мужчины, поголовному истреблению, продаже в рабство, изгнанию и т.п. [с. 136].

Третья глава – «Трагедия исхода» [с. 137–242] также состоит из четырех параграфов, посвященных в основном военно-политическим и внешнеполитическим проблемам. Весь предшест-

вующий материал книги подводит к конкретике первого параграфа «Восстание в Альпухарре». В находящейся на пике могущества в середине XVI в. «Империи Солнца» мориски оставались чужими для властей, подарком для инквизиции; возник политический тупик, чреватый взрывом насилия, что и произошло.

Вполне закономерно, что все началось в Альпухарре – труднодоступной горнолесной области на востоке бывшего эмирата Гранады, где наиболее сильны были традиции мусульман Аль-Андалуса. Автор приводит данные о том, что в бывшем эмирате из 275 тыс. жителей было 120 тыс. человек морисков, т.е. около 45%. Они поддерживали постоянные связи с уехавшими морисками и пользовались их поддержкой, их элите было еще на кого опираться, что явно недооценили власти и духовенство. Поэтому, когда мориски в конце концов восстали в ответ на ограничения, оскорблений и репрессий (в 1564–1568 гг. на кострах инквизиции были сожжены 300 морисков, намного больше было изгнанных, брошенных в тюрьму, подвергнутых пыткам), это стало для испанцев почти полной неожиданностью [с. 139–141].

Внешнеполитическое положение воевавшей во всем мире Испании (об этом подробно сказано в разных параграфах монографии) благоприятствовало морискам. Их к тому же поддерживали оружием и добровольцами (газы) могущественные враги Испании – османские султаны Сулейман Кануни, Селим II и др. В канун праздника Рождества 1568 г. повстанцы избрали своим предводителем 24-летнего Эрнандо де Кордобу-и-Валора, провозгласившего себя эмиром. В мае 1569 г. повстанцы спустились с гор на равнину и двинулись в наступление. В монографии приводится много фактов и подробностей «хода» восстания, расстановки сил, особенностей войны и т.д. Дан анализ причин поражения (ведь, по мнению автора, «поражение морисков определилось не сразу») [с. 157] и последствий восстания. Среди основных аналитических выводов Р.Г. Ланды следующие: «Именно во время войны в Альпухарре в Мадриде впервые заговорили о возможности изгнания из страны всех морисков поголовно» [с. 162]; «внешний фактор, властно вмешавшийся в отношения “старых христиан” Испании с этноконфессиональными меньшинствами страны, в конечном итоге сыграл огромную роль в судьбе морисков» [с. 165].

Второй параграф специально посвящен проблеме «Внешний фактор». Во-первых, в разделе отмечено, что война в Альпухарре и изменение соотношения сил в Средиземноморье совпали во времени, причем, несмотря на громкую победу при Лепанто, не дали

Испании непосредственных стратегических выгод, а лишь привели к перемирию 1581 г., в котором нуждались и османы, и испанцы. Во-вторых, Испания (так и не сумевшая найти постоянных европейских союзников против османов) вмешалась в религиозную войну во Франции, и с 1580 г. испанские войска систематически вторгались на французскую территорию, поддерживая Католическую лигу герцогов Гизов. В-третьих, хотя присоединение Португалии с ее колониями (1580–1581) чрезвычайно усилило державу Филиппа II, он так и не смог подавить развертывавшуюся с 1565 г. революцию в Нидерландах. В-четвертых, в 1588 г. была уничтожена (частично англосаксами, частично штормом) гигантская флотилия «Непобедимая армада», посланная королем с целью сокрушить Англию. По мнению автора, это был самый тяжелый удар по морскому могуществу Испании, после этого уступившей его своему давнему конкуренту – Англии [с. 171]. Впрочем, конкретно в этом можно усомниться. Большинство кораблей Армады, пусть несколько потрепанных, с войсками и вооружением вернулись в порты Испании, а морское владычество Британии сформировалось далеко не сразу (и не при Елизавете I), а как результат опережающего раннебуржуазного развития Англии по сравнению с архаичной феодальной Испанией.

Впрочем, намного важнее другое. Р.Г. Ланда дает анализ внешнеполитической и военной ситуации не из любви к искусству, а сквозь призму основных задач монографии. Все эти события оказались сплетены в сложный узел geopolитических, идеологических, военно-политических противоречий и так или иначе сказывались на положении морисков. Создав многочисленные партизанские группы, они фактически продолжили войну, на этот раз по всей Испании, «сея панику среди христианского населения во время рейдов, осуществляющихся совместно с прибывшими из Берберии» (Р.Г. Ланда определяет количество повстанцев в 35 тыс.) [с. 168]. Среди морисков широко распространились слухи о скромном приходе Османов, а также о предстоящем вторжении в Испанию французских гугенотов, которых «поддержат 60 тыс. восставших новообращенных христиан» [с. 170]. А это, в свою очередь, провоцировало Испанию на внешние военные авантюры, о которых говорилось выше. И наконец, в ходе войны мориски (вслед за магрибинскими пиратами), базируясь на о-ве Джерба, в портах Туниса и Бизерты, в городах Биджайя, Алжир, Шершель, Оран и др., превратили их в морские крепости и «полунезависимые корсарские республики» [с. 173].

«Роль инквизиции» – третий параграф главы – представляет, конечно, особый интерес. Об инквизиции вообще и испанской в частности было написано много. Но инквизиция и мориски – аспект особый. В рецензии вслед за автором монографии упоминалось, что «новые христиане» стали подарком для Священного трибунала. С самого начала Р.Г. Ланда обозначает свою позицию, не соглашаясь с мнением Ж.-П. Дедьё из Бордо о том, что инквизиция считалась «главным орудием ассимиляции морисков» [с. 173]. Однако личные мнения автора будут сформулированы позже. Сначала, не без дискуссий с другими специалистами (зарубежными, потому что отечественных нет), Р.Г. Ланда раскрывает читателю принципы организации очень специфической испанской инквизиции (ведь «для Испании нет папы», – заявил когда-то Филипп II римскому легату. – *A.P.*). Отмечается, что на образ действий Священного трибунала заметно влияли рассмотренные выше внешнеполитические обстоятельства и «проблема морисков». Складывается впечатление, что последнее (вместе с борьбой за чистоту крови) – важнейшее отличие испанской инквизиции, например от инквизиции Германии с ее охотой за ведьмами и ведьмаками. Внутренняя специфика определяла более жесткие действия в одних провинциях, чем в других, а где-то (старая Кастилия, где морисков было меньше) превалировала как раз охота на еретиков среди «старых христиан», т.е. этнических испанцев.

Очень важна статистика, которая подвергнута тщательной обработке и сравнительному анализу о количестве судебных процессов против морисков за длительный период (1540–1614) и по разным провинциям, о процентном соотношении мужчин и женщин, еще раз на основе цифровых данных подтверждается лейтмотив особого пристрастия Трибунала к «любимым» заблудшим чадам – морискам, даже за счет резкого снижения преследований «иудействующих», протестантов и еретиков. Отмечено, что труд «псов божьих» щедро награждался за счет штрафов и компенсаций; не обижены были и корона, и местные власти. Приводится и обычный реестр обвинений, очень примитивный, не отличавшийся разнообразием [с. 176–178].

Собственно, личные оценки Р.Г. Ланды о характере деятельности и истинных целях инквизиции проявляются в разных частях раздела в связи с теми или иными аспектами исследования. Но основная идея сводится к тому, что деятельность испанской инквизиции являлась террором, эволюционировавшим примерно 120 лет (с 1495 г.). При этом инквизиция с самого начала «взяла

курс на искоренение всякого наследия Аль-Андалуса» и всякого «присутствия мавров» на Иберийском полуострове. И естественно, в дальнейшем, после превращения мудехаров в морисков, эта политика лишь ужесточалась. При этом Р.Г. Ланда полагает, что сообщество морисков стремилось, как и всякое сообщество людей, жить «по-человечески, даже в нечеловеческих условиях» [с. 183]. Возможно, здесь не всё так однозначно. Ведь, с одной стороны, на многих страницах монографии (в том числе рассмотренных ниже) не раз говорилось о реальном нежелании новообращенных воспринимать большую часть новых обрядов, обычаяв, нравов, о стойкой сопротивляемости и собственной культуры (синтезированной, насколько это было понятно им самим вопреки данным обетам). С другой стороны, испанское общество, пронизанное типичными для любого средневекового монотеистического общества нетерпимостью и ханжеской жестокостью, все же вынуждено было отстаивать собственную идентичность, особенно в условиях многовековой борьбы за выживание (да и другой идеологии не было и быть не могло). Разумеется, для современного «мульткультурного» общества неприлично говорить о борьбе за «чистоту крови», веры и т.п. (хотя происходит это повсеместно). Возможно, для выживания нации, установления «общеиспанского» мира других методов, кроме инквизиционного варварства, не нашлось. Ведь, в конце концов, даже Священный трибунал предоставлял своим жертвам «адвоката дьявола».

Четвертый параграф третьей главы «Изгнание морисков» представляет собой тематический апогей, развязку интриги произведения, даже при том, что оно является высоконаучным исследованием. В монографии и раньше упоминалось, что проекты изгнания морисков из Испании возникли еще во время войны 1568–1571 гг. в Альпухарре. Но сама идея «окончательного решения» продолжала оформляться. Развитие идеи рассматривается на историческом фоне Испании, уже пережившей свой «золотой век», в связи с характеристикой сменившихся на престоле королей, внешнеполитических и внутренних коллизий, великих домов и разных форм фаворитизма. Но остается лейтмотив – мориски не смирились, интеграция не предвидится, а попытки реванша – очень даже возможны. Как отметил автор, в этих условиях даже тайные высокопоставленные покровители морисков (включая короля Филиппа III) не могли переломить тенденции раскола. К тому же автор отмечает, что наряду с внутренней напряженностью, создаваемой «фактором морисков» (число процессов

против них неуклонно возрастало), росла и угроза внешней безопасности. Магрибинские мориски и местные мусульмане поставляли своим испанским собратьям оружие, им готовы были предоставить помочь не только Османы, но и Нидерланды [с. 225]. Все эти сведения поступали в Испанию чуть ли не ежедневно [с. 226]. При этом большинство морисков не хотело покидать родину, но надеялись на освобождение, «на помочь с неба и турок» [с. 227].

Важным представляется заключение автора: «Необходим был какой-то решительный поворот в отношении к морискам: либо избавиться от них навсегда, либо признать их права как самобытного меньшинства в культурно-лингвистическом, этноконфессиональном и социально-юридическом отношении» [с. 227]. Далее Р.Г. Ланда отмечает, что второй вариант исключался ввиду обстоятельств, не раз рассмотренных выше, и «в то же время нельзя утверждать... что второй вариант был абсолютно невозможен». Несмотря на кажущийся дуализм, выводы (или соображения) вполне логичны: Р.Г. Ланда указывает, что происходила пусть медленная и очень трудная, но эволюция. Что к началу XVII в. мориски уже были не те, что при крещении, да и не являлись такой силой из-за уменьшения численности (здесь приводятся демографические данные; и вдобавок был пусть и не значительный, но все же удачный опыт ассимиляции морисков в Ламанче).

Однако осуществился первый вариант: после долгих споров и колебаний решено было изгнать морисков. Официально об этом было объявлено 22 сентября 1609 г. 30 сентября того же года первые корабли с морисками уже плыли в Африку. За три месяца 1609 г. Валенсию покинули 116–120 тыс. человек. Не везде изгнание происходило спокойно: часть в силу невыносимой обстановки смирилась с судьбой, часть оказала вооруженное сопротивление, жестоко подавленное властями [с. 233].

Исход имел катастрофические последствия, особенно для Валенсии, где проживала самая крупная община. В исследовании приводятся данные о том, что 200 деревень исчезли полностью, население сельской местности сократилось наполовину, всей области – на треть. Для восстановления прежней численности жителей потребовалось около 100 лет. В неменьшей степени это сказалось и в других областях, по которым также приведена «статистика потерь» на страницах раздела [с. 234]. Автор, проведя сравнительный анализ источников, отмечает, что точное количество изгнанных неизвестно из-за разных систем подсчета, но, возможно, число их приближалось к 900 тыс.

Р.Г. Ланда снова задается вопросом, во многом центральным для исследования: каковы были непосредственные результаты массового исхода морисков? Стала ли Испания более сплоченной, могучей и процветающей, избавившись от них? Его ответ категоричен, хуже того – «с точностью до наоборот», что аргументировано на следующих страницах параграфа [с. 237–242].

IV глава – последний уходящий в века аккорд книги и судьбы морисков – «Жизнь вне родины». Она состоит из трех параграфов. Первому – «Выходцы из Аль-Андалуса в мире ислама» – предшествует короткий пролог (очень похожий на эпилог к предшествующему параграфу). Хоть и не знает история сослагательного наклонения, но задается вопрос: а что было бы, если бы мориски остались в Испании в роли ее полноправных граждан? Р.Г. Ланда обоснованно предполагает, что социально-экономическое и культурное развитие страны только выиграло бы от активности и предприимчивости новых христиан в важнейших сферах общественной жизни (хотя мог осуществиться и совершенно противоположный вариант, много раз разыгрывавшийся в истории. – *A.P.*). Однако выиграли другие страны и общества, принявшие изгнанников.

В начале параграфа отмечается, что судьба морисков в арабо-мусульманском мире явила продолжением судьбы предыдущих, охарактеризованных на этих страницах волн эмиграции из Аль-Андалуса [с. 246–247]. Миграции октября-ноября 1609 г. в основном направлялись на Алжирское побережье, откуда почти немедленно расселялись в соседних магрибинских султанатах Феса и Марракеша, частично в районах Тлемсена и г. Алжира. Затем рассеивались по Ближнему Востоку (Тунис, Триполи, Египет, Стамбул, Александрия и др.). Немаловажно, что некоторые потоки миграции осели в христианских обществах Генуи и Ливорно.

Ссылки на испанские и другие западные источники указывают на плохой прием, оказанный морискам мусульманами Магриба. Многие из них погибли от истощения и плохих условий жизни, еще больше пострадали от пиратов, грабителей и перевозивших их испанских, португальских и других моряков. Примерные данные о прибывших в разные регионы Магриба приводятся в тексте [с. 248–249]. На страницах параграфа мы находим подробное описание специализации, адаптации, рода деятельности, условий жизни бывших морисков в различных частях мусульманского и отчасти христианского мира [с. 251–283].

О содержании второго параграфа ясно говорит его название «Мориски в Европе и Америке». Когда читатель в предыдущем тексте находит упоминание об оседании части морисков на путях миграции в итальянских областях, он еще не может представить, насколько обширна география их расселения, а значит, и след в культуре общественной жизни других народов.

Собственно, в Испании разрешено было остаться очень немногим морискам, смешавшимся впоследствии с цыганами. Часть из тех, кто мигрировал через Францию, сумели осесть там, хотя им приходилось доказывать, что они уже истинные христиане, а не ренегаты. Занимались они тем же, чем и в Испании, особенно прославившись помимо торговли и различных ремесел выделкой шелка и тюля. В других частях Европы (в основном Сицилии, Сардинии и на юге Италии, которые были тогда владениями Испании и откуда морисков тоже изгоняли, но не так рьяно, как из Испании) мориски сохранили свои традиционные занятия. Некоторые семьи смогли утвердиться и в центре Италии – в Риме, Ливорно, Пизе [с. 286].

Автор приводит данные последних лет о пребывании морисков в Америке. Теоретически в эти заморские владения Испании въезд им был запрещен. Однако этот запрет нарушался гораздо чаще, чем соблюдался. Там и отношение к меньшинствам, в том числе гонимым в Испании, было более терпимым из-за постепенного смешения испанской и индейской крови. Специфика обстановки в Южной Америке первых десятилетий завоевания была использована морисками как для укоренения на новых землях, так и для продолжения сопротивления попыткам властей их обезличить. В этом смысле Америка для морисков была предпочтительнее Средиземноморья, да и церковь, занимаясь прежде всего крещением индейцев, вела себя иначе, чем в метрополии. Все это позволяло морискам активно реализовывать себя в торговле, промышленности, градостроительстве, коневодстве и получить, наконец, стабильность и процветание в новом обществе [с. 288–292]. При этом мориски в Америке постепенно утратили ислам как элемент их этнокультурной самобытности (т.е. произошло то, что за куда более долгий срок не осуществлялось в Испании) [с. 293–294].

Промежуточный вывод Р.Г. Ланды сводится к тому, что, хотя и нет точных данных о численности морисков в Европе и Америке, степень их влияния на многообразие цивилизационных процессов освещена достаточно полно. «И оно подтверждает, –

заключает автор, – уже высказанную ранее мысль о том, что Испания в основном все же проиграла, изгнав морисков» [с. 296].

Последний, третий параграф главы и монографии – «Мориски в литературе и искусстве». Надо пояснить, что речь идет не о вкладе самих представителей морисков в сокровищницу культуры Испании (об этом не раз упоминалось на предшествующих страницах монографии), а о «теме морисков», интересе к ним в испанской духовной культуре. Конечно, прежде всего возникает фигура Сервантеса. «Никакой другой испанский писатель, – приводится цитата в параграфе, – не проявил столько интереса к морискам, как это сделал Мигель Сервантес де Сааведра, великий гений литературы и столь же тонкий знаток культуры арабомусульманского мира» [с. 297].

Рядом с Сервантесом упомянуты наиболее известные писатели и драматурги, проявлявшие интерес к теме морисков (например, Перес де Ита, считающийся автором первого исторического романа в мире, посвященного падению Гранады), но читателю ясно, что все они – верхушка айсберга, потому что тему морисков вообще нельзя было проигнорировать ни в литературе, ни в искусстве страны. Автор отмечает, что в большинстве произведений испанской литературы вовсе не доминировало враждебное отношение к морискам [с. 303].

За рубежом художественная литература, естественно, реже обращалась к морискам. Р.Г. Ланда особо выделяет роман Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» и роман Эжена Скриба «Пикильо Аллиага, или Мавры при Филиппе III» и дает характеристику этим произведениям. «Тема морисков» в живописи, гравюре, росписях испанских соборов, театре, танцах и т.д. красочно рассматривается на страницах параграфа [с. 308–310], ведь эта тема стала неотъемлемой частью народной культуры Испании. В целом, по мнению автора, мориски (а до них – мавры и мудехары) на родине и вне ее живы в памяти своих потомков и тех народов, в духовную и материальную культуру которых они внесли неоспоримый вклад.

В довольно объемном для монографии заключении [с. 317–328] автор еще раз осмысливает мир морисков, его исключительность, блеск и трагичность. Пожалуй, прежде всего снова возникает представление о самобытности, которая носила переходный и пограничный характер, одновременно представляя Восток и Запад.

Таким образом, перед нами блестящий синтез строгого высоконаучного исследования и широкого публицистического

жанра с яркими описаниями войн, политических коллизий, характеров выдающихся деятелей, фольклорными зарисовками. Монография во всех своих гранях окрашена выдающимся научным и литературным талантом автора, поэтому представит интерес не только для историков-медиевистов и востоковедов, но и для самого широкого круга читателей.

«Восток=Oriens»,
M., 2014 г., № 6, с. 165–172.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 7 (277)**

Научно-информационный бюллетень

**Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам**

**Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева**

**Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 23/VI-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 300 экз. Заказ № 62**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

**Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9**